

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР

Российский междисциплинарный журнал социально-гуманитарных наук

Зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия
(Свидетельство о регистрации *ПИ № ФС 77-21093*)

2008

Ежеквартальное издание

№ 3

Основан в 2001 г.

Проблемным Советом РФ «Интеллигенция. Культура. Власть»

Министерство образования и науки Российской Федерации
ГОУ ВПО «Ивановский государственный университет»

Редакционная коллегия:

В. С. Меметов (главный редактор),
В. П. Раков (заместитель главного редактора), **В. В. Комиссаров**,
С. С. Садина, **В. В. Селезнев**,
Н. Г. Юркин (ответственный секретарь)

*Издается НИИ интеллигентоведения
при Ивановском государственном университете*

Адрес редакции:

153025 Иваново, ул. Ермака, 39
Факс: (4932) 32-66-00
E-mail:
memetov@ivanovo.ac.ru

Над номером работали:

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Редактор *М. Б. Балябина*
Технический редактор *И. С. Сибирева*
Компьютерная верстка *Н. Г. Юркин*,
Т. Б. Земскова

Точка зрения авторов публикаций может не совпадать с мнением редакционной коллегии.
Перепечатка без разрешения редакции журнала «Интеллигенция и мир» не допускается.

ISSN 1993-3959

© НИИ интеллигентоведения при ИвГУ,
2008

© ГОУ ВПО «Ивановский государственный
университет», 2008

Подписной индекс 60320

Электронная копия журнала размещена на сайте www.elibrary.ru

INTELLIGENTSIA AND THE WORLD

Russian Interdisciplinary Journal of Humanities

Registered by Federal Service for Control of Observation
of the Law on Mass Communication
and for the Preservation of Cultural Heritage
(Registration License *III № ФС 77-21093*)

2008

Quarterly

№ 3

**Founded in 2001 by the Council of the Russian Federation
on the Problem of Intelligentsia, Culture and Power**

**Ministry of Education and Science of the Russian Federation
State Educational Establishment of Higher Professional Education –
Ivanovo State University**

Editor-in-Chief **Valery S. Memetov**

Editorial Board:

Valery Rakov (Deputy Editor-in-Chief), **Vladimir Komissarov**,
Svetlana Sadina, **Vladimir Seleznev**,
Nikolay Yurkin (Secretary of the Board)

*Edited by the Research Institute on Intelligentsia Studies
at the Ivanovo State University*

Address of the Redaction:

153025 Ivanovo ul. Ermaka 39
Tel./ Fax: 8-4932-32-66-00
E-mail: memetov@ivanovo.ac.ru

Working team:

Director of the Publishing House
Lyudmila Mikheeva
Redactor *Marina Balyabina*
Technical Redactor *Irina Sibiryova*
Computer Design *Nikolay Yurkin*,
Tatyana Zemskova

The authors' views may differ from the viewpoint of the Editorial Board.
No reprints without the Editorial Board permission allowed.

ISSN 1993-3959

© Research Institute on Intelligentsia Studies
at the Ivanovo State University, 2008
© Ivanovo State University, 2008

Subscription index 60320

The e-copy of the issue can be accessed at www.elibrary.ru

Редакционный совет:

В. С. Меметов, Ивановский государственный университет (председатель Редакционного совета); **А. И. Аврус**, Саратовский государственный университет; **Амвросий (Щуров)**, Архиепископ; **В. Р. Веселов**, Костромской государственный университет; **В. С. Волков**, Санкт-Петербургский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена; **Ю. М. Воронов**, Ивановский государственный архитектурно-строительный университет; **М. Е. Главацкий**, Уральский государственный университет (Екатеринбург); **А. А. Данилов**, Московский педагогический государственный университет; **В. Н. Егоров**, Ивановский государственный университет; **Э. Б. Ершова**, Государственный университет управления (Москва); **В. Т. Ермаков**, Институт российской истории РАН; **С. С. Загребин**, Челябинский государственный педагогический университет; **О. В. Золотарев**, Коми государственный педагогический институт (Сыктывкар); **А. В. Квакин**, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; **Г. Н. Кныш**, Днепрпетровский национальный университет (Украина); **М. И. Кондрашова**, Уральская государственная юридическая академия (Екатеринбург); **Г. В. Корзенко**, Институт истории Национальной Академии наук Беларуси (Минск); **В. А. Мансуров**, Институт социологии РАН; **И. И. Осинский**, Бурятский государственный университет (Улан-Удэ); **В. А. Порозов**, Пермский государственный педагогический университет; **В. Г. Рыженко**, Омский государственный университет; **И. В. Сибиряков**, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск); **Ф. Х. Соколова**, Поморский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Архангельск); **В. Л. Соскин**, Сибирское отделение ИРИ РАН; **Талгат Таджуддин**, Центральное Духовное Управление мусульман России и Европейских стран СНГ; **С. А. Филатов**, Конгресс интеллигенции РФ; **Р. Г. Яновский**, Институт социально-политических исследований РАН.

Editorial board:

V. S. Memetov, Ivanovo State University (Chairman of the Editorial Board); **A. I. Avrus**, Saratov State University; **Amvrosiy (Tshurov)**, archbishop; **V. R. Veselov**, Kostroma State University; **V. S. Volkov**, Herzen University (St. Petersburg); **Y. M. Voronov**, Ivanovo State Architectural University; **M. E. Glavatskiy**, Ural State University (Ekaterinburg); **A. A. Danilov**, Moscow State Pedagogical University; **V. N. Egorov**, Ivanovo State University; **E. B. Ershova**, State University of Management (Moscow); **V. T. Ermakov**, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences; **S. S. Zagrebin**, Chelyabinsk State Pedagogical University; **O. V. Zolotaryov**, Komi State Pedagogical Institute (Syktyvkar); **A. V. Kvakin**, Moscow State University named after M.V. Lomonosov; **G. N. Knysh**, Dnepropetrovsky State University (Ukraine); **M. I. Kondrashova**, Ural State Academy of Law (Ekaterinburg); **G. V. Korzenko**, Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus (Minsk); **V. A. Mansurov**, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences; **I. I. Osinsky**, Buryat State University (Ulan-Ude); **V. A. Porozov**, Perm State Pedagogical University; **V. G. Ryzjenko**, Omsk State University; **I. V. Sibiryakov**, South Ural State University (Chelyabinsk); **F. H. Sokolova**, Pomorsky State University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk); **V. L. Soskin**, Siberian Branch of Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences; **Talgat Tadguddin**, Central Religious Department of Muslims of Russian and the European Part of CIS; **S. A. Filatov**, Kongress of Intelligentsia of Russian Federation; **R. G. Yanovsky**, Institute of socio-political research of the Russian Academy of Sciences.

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЕНИЯ

- Осьмачко С. Г.* Интеллигенция и патриотизм 7
Смирнов Д. Г. Интеллигенция: семиологическая функция (К постановке проблемы) 13

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

- Репников А. В.* Русский консерватизм и современное мифотворчество: историографический аспект проблемы 27
Квакин А. В. Русская интеллигенция и советская повседневность пореволюционной России (1917—1927 гг.) 45

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

- Смирнов Г. С.* Новая молодая российская интеллигенция: философские проблемы ноосферной экологии, антропологии и персонологии XXI века 60

ЛИЧНОСТЬ В ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

- Базелика Дж.* Александр Амфитеатров в Италии (Перевод *Н. В. Ревякиной*) 71
Ершова Э. Б. Роль литературы конца 60-х — начала 70-х гг. XX в. в формировании оппозиционности в настроениях советской интеллигенции 85
Комиссаров В. В. От «желающих странного» до «выродков»: трансформация образа интеллигенции в творчестве А. Н. и Б. Н. Стругацких 96

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Жизнь духа неукротима и неумолчна... (Интервью *В. П. Ракова* с *А. А. Хёхерлем*) 108
Усманов С. М., Данилов А. А. Конференция о русскости и российскойскости 119

ОТЗЫВЫ И РЕЦЕНЗИИ

- Меметов В. С., Садина С. С.* Интеллигенты-герценовцы — мост через столетие 125
Аннотации 138
Информация для авторов 146
-

CONTENTS

URGENT PROBLEMS OF THE MODERN INTELLIGENTSIA STUDIES

- Osmachko S. G.* Intelligentsia and patriotism 7
Smirnov D. G. Intelligentsia: semiological function (towards the
statement of the problem) 13

FROM THE HISTORY OF INTELLIGENTSIA

- Repnikov A. V.* Russian conservatism and the modern myth-
creation: the historiographic aspect of the problem 27
Kvakin A. V. Russian intelligentsia and Soviet everyday life in the
post-revolutionary Russia (1917—1927) 45

INTELLIGENTSIA IN THE MODERN SOCIETY

- Smirnov G. S.* The new young Russian intelligentsia: the philoso-
phical aspects of the noospheric ecology, anthropology and per-
sonology of the 21st century 60

THE PROBLEM OF PERSON IN THE DISCOURSE OF THE SCIENCE OF INTELLIGENTSIA

- Baseliko G.* Alexander Amphitheatrov in Italy (translated by
Revjakina N. V.) 71
Ershova E. B. The role of literature of the late 1960ies — early
1970-ies in the forming of the opposition attitude in the Soviet
intelligentsia 85
Komissarov V. V. From “Those wishing strange things” to “Mon-
sters”: the transformation of the image of intelligentsia in the
works of A. N. and B. N. Strugatsky 96

THE SCIENTIFIC LIFE

- The life of the spirit is indomitable and unceasing... (Interview of
V. P. Rakov with *A. A. Hoehertl*) 108
Usmanov S. M., Danilov A. A. The conference about the aspects of
“being Russian” with the emphasis on the nation and on the
state 119

REFERENCES AND REVIEWS

- Memetov V. S., Sadina S. S.* Intellectuals — followers of Gertsen
— the connection through the century 125
Summaries 138
Information for the authors 146
-

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЕНИЯ

С. Г. Осьмачко

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ПАТРИОТИЗМ

Дефиниция патриотизма представляется общеизвестной, чаще всего это понятие определяют как *преданность и любовь к своему Отечеству, народу, веру в его духовные возможности, готовность к самопожертвованию в интересах своей страны*. В таком аспекте патриотизм является *ценностью*, свойственной любой социальной группе, и поэтому аксиологический подход в этом случае явно страдает формализмом.

Если рассматривать патриотизм как *средство духовного самоопределения*, то неизбежно возникает вопрос: что есть Родина? Нельзя не заметить, что в патриотической культуре нашей страны исторически по этому поводу преобладали достаточно упрощенные ответы. Родина (объект патриотизма) часто отождествлялась с персонами (императоров, вождей, героев и пр.); быть преданным Родине значило быть преданным им, быть готовым отдать жизнь (чем-то жертвовать) во имя того дела, которое олицетворяли власть и власть предержавшие. Соответственно предполагалось наличие какого-то общего для всех (простого, понятного, элементарного, одиозного и пр.) *патриотического идеала*, выступающего в политической идеологии в качестве доминирующего побудительного мотива любой организуемой властью кампании.

© Осьмачко С. Г., 2008

Осьмачко Сергей Григорьевич — доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Ярославского высшего зенитного ракетного училища ПВО.

Причина такого положения дел в крайней непопулярности у интеллигенции — центрального звена цепи патриотического самоопределения — концепции сильного государства (именно в силу ее близости к власти: царской, имперской, коммунистической, посткоммунистической и пр.). Мыслящая и нравственная элита традиционно брезгливо отмахивалась от государственно-патриотических идей, отдавая эту тему на откуп идеологам типа К. Победоносцева, М. Сулова или В. Суркова.

При этом мы считаем, что либеральные установки не входят в принципиальные противоречия с консервативной идеей сильного государства, и это особенно значимо в переломные, крутые эпохи. Неслучайно, после Октября 1917 г. многие либерально мыслящие интеллигенты признавали глубинную значимость для России государственно-патриотической парадигмы. Так, В. Вернадский в одной из послеоктябрьских дневниковых записей с сожалением заметил, что «русское общество не понимало и не ценило великого блага — большого государства»¹.

Безусловно, говоря о патриотическом самоопределении, выявлении, уяснении сущности таких понятий, как «Родина», «Россия», мы не можем не видеть их сложности, неоднозначности, отражающих многовариантность исторического пути, пройденного нашей страной. Вот лишь несколько вариантов сущностных срезов в аспекте воспитательно-патриотической самоидентификации граждан и общества: «Россия историческая», «Россия победительница», «Россия мессианская», «Россия религиозная», «Россия социальная» и пр.

Сведение перечисленного многообразия к византизму, к субъективно трактуемому и персонифицированному образу власти сегодня осуществляется по линии обеспечения доминирования в патриотической деятельности т. н. государственно-патриотического воспитания.

Этот подход удобен для «верхов», но его формализм таит в себе опасность дробной патриотической идентификации, когда в рамках одной группы, нации, народа могут сосуществовать принципиально различные патриотические ориентации («народные» и элитарные, западнические и славянофильские, религиозные и атеистические, националистические и космополитические и др.).

В таком случае в либерализирующемся обществе личность имеет право:

- а) на выбор типа патриотического самоопределения;
- б) на персональное самоопределение меры деятельностного патриотического участия (нетрудно заметить, что патриотичность для большинства не является нормой; мы можем говорить о патриотической созерцательности; перевод в деятельностное состояние осуществляется внутренними и внешними факторами патриотической мобилизации, распространяемой патриотическим активом на достаточно широкие общественные слои).

Как и многое другое в духовной жизни, патриотизм не является «вечной» ценностью; более того, он более историчен, нежели иные аксиологические фрагменты духовной культуры. Изначальный источник патриотизма — замкнутость (как географическая, так и социально-экономическая, общественная). Максимальную роль патриотическое сознание играет в максимально закрытом обществе. Думается, что советскую партократию можно также определить и как *патриократию*, т. е. власть т. н. патриотических сил страны над основными сферами общественно-государственной жизни. Попытки некоторых современных политиков (В. Жириновский, Д. Рогозин и т. п.) вновь разыграть по большинству направлений патриократическую карту неэффективны и элементарно вырождаются в ура-патриотизм.

Заметно, что подобного рода «профессиональным патриотам» свойственна декларативная, а не истинная любовь к своему Отечеству, народу, которая к тому же выражается ими весьма настойчиво, шумно, демонстративно и ... на словах. Ура-патриотизм является способом камуфлирования несколько иных политико-экономических интересов обозначенных субъектов.

По мере продвижения человечества к открытому типу общества, основанному на массовой коммуникации, традиции патриотизма изменяются, утрачивая свое самодовлеющее, бесспорное значение. Сегодня многие мыслители в качестве конечной цели общественного процесса видят т. н. «*общепланетарный* (общемировой, общечеловеческий) *патриотизм*». Этот «новый патриотизм» определяется как чувство любви всех землян к своей планете, чувство ответственности за ее судьбу, готовность к за-

щите ее от всех форм разрушения, активное участие в созидании т. н. «общепланетарного дома».

Последний пока является некоей идеальной мыслительной конструкцией, это «дом» всех землян, живущих в мире и дружбе. В этом принципиальное отличие модели «общепланетарного дома», например, от коммунистической и т. п. идей, которые строились на насилии, революции, войне.

Можно предположить, что реальная возможность соединения позитивных сил планеты появилась в конце XX века, после падения блоковой системы международных отношений. Многим застит глаза факт международной гегемонии США и НАТО, но в геополитическом аспекте есть нечто гораздо более важное — это открытость мира, сближение наций, народов, стран, регионов, осуществляемые по инициативе прогрессивных международных и национальных организаций, движений, самих народов и выдающихся личностей. Необходимо, чтобы и Российская Федерация вносила все более весомый вклад в процессы гармонизации существующего мирового порядка.

Главные успехи в строительстве «общепланетарного дома» далеко впереди, ведь речь идет ни много ни мало об установлении мирного периода в истории человечества. Задача сегодняшнего дня — создание союза государств с широкой и глубокой проницаемостью границ для всех видов сотрудничества, равноправными и уважительными отношениями, общими структурами военной и экономической безопасности. Замечательно, что «Россия вернулась на мировую арену как сильное государство... с которым считаются и которое может постоять за себя»². Вызывает сожаление тот факт, что крепнущая Россия вновь с затруднениями находит свое место в системе международных отношений, иногда пренебрегает возможностями выгодных союзнических связей, а то и просто стремится показать «кузькину мать» соседям из ближнего и дальнего зарубежья. Дистанцируясь от общемирового порядка, нащупывая «особенный» путь развития, мы больше проигрываем, чем приобретаем.

Жупел «враждебного окружения» объективно ведет к государственной, геополитической автаркии, что вредно для страны; естественным способом политико-идеологического обоснования нашего «нового» курса в начале XXI века является использование

механизмов государственно-патриотической мобилизации. Традиционно в структуре патриотического сознания выделяются общечеловеческий, национальный, региональный и местный компоненты. Анализ подобной структуризации показывает ее логическое несовершенство, ведь интересы субъектов патриотического сознания могут быть настолько далеки друг от друга, что соединять их в некое подобие системы — значит проявлять механицизм.

В сфере патриотического сознания есть еще один не вполне добросовестный прием мобилизации — соединение «большой» (государство) и «малой» (место рождения) Родины. Их выделение, строго говоря, осуществляется на уровне обыденного сознания и не несет социально осуществимой нагрузки. Родившиеся в одной местности люди могут ориентироваться на принципиально различные патриотические ценности или даже не исповедовать их вовсе. В конце концов, это их право, о чем мы говорили выше.

Патриотические ориентации местнического, социально-группового или государственноческого уровней не просто лежат в разных плоскостях соответствующего сознания, они также имеют во многом несхожие механизмы деятельностной реализации. Поэтому их соединение в какую-то единую смысловую конструкцию часто формально и условно. Но именно такой подход облегчает решение задач *государственно-патриотического воспитания*.

Оно, в свою очередь, стремится к формированию у граждан преданности и любви к государству, за которым стоит лидер, органы власти, бюрократия, соответствующие ведомства и традиционные отношения. Любовь к Родине подменяется (дополняется) *благонадежностью*, что может быть опасно и вредно в случае рассогласования интересов власти и народа.

Навязывание ценности благонадежности в обратном значении ведет к подавлению инакомыслия, санкциям в адрес тех, кто «не умеет Родину любить».

Таким образом, патриотизм — важнейшее гражданское качество общественного и личного сознания — является сложным духовным феноменом и требует психологически тонких, научно организованных воспитательных программ. Может быть, именно из-за их нехватки фактически буксуют пятилетние Государственные программы патриотического воспитания граждан, принимаемые в последние годы в Российской Федерации.

Власть, стремящаяся к авторитарной самореализации, чаще всего осуществляет в адрес народного духа *государственно-патриотическую агрессию*, сущность которой составляет формирование однозначно оптимистических убеждений. Интересные, но как-то неправдоподобные факты приводят некоторые российские социологи: например, с 1998 по 2008 год доля наших соотечественников, считающих себя счастливыми, увеличилась с 60 до 77 %. Напротив, исследование, проведенное европейскими социологами в 24 странах, показало, что россияне, занимая 23-е место, ощущают себя одним из самых несчастных народов (по этому показателю нас «обогнали» только болгары)³. Власть обещает, что через 10—12 лет жизнь граждан станет «еще лучше». В планах к 2020 г. Россия войдет в пятерку ведущих экономических мировых держав, рост цен не превысит 3 % в год, средняя заработная плата достигнет 2700 долларов США в месяц, а средняя пенсия — порядка 800 долларов. Население увеличится со 142 до 145 млн человек, а продолжительность жизни — с 66 до 75 лет. Качественную медицинскую помощь смогут получать 80—90 % россиян, а семья из 3 человек будет иметь не менее 100 кв. м жилья. Большинство соотечественников (60 %) в 2020 г. смогут причислить себя к среднему классу⁴.

Громадьe этих планов кого-то завораживает, кого-то настаивает, но главное в том, что сегодня все мы — сверху донизу — понимаем важность *экономического измерения патриотизма*. Ничто так не затрудняет проявление патриотичности, как низкое качество жизни. Напротив, повышение степени обеспеченности граждан страны товарами, услугами, условиями, необходимыми для удовлетворения разумных потребностей и безопасного существования, вызывает позитивное оживление патриотического самочувствия. Поскольку высокие индексы человеческого развития не возникают вдруг, тем более в опоре на сиюминутную конъюнктуру нефтяного рынка, *патриотический консенсус народа и власти* будет только укрепляться от последовательного осуществления соответствующих программ и проектов.

Государственно-патриотическая воспитательная фрагментация, безусловно, уместна в системе политических отношений и институтов. Поэтому она должна адекватно присутствовать в воспитательной работе, например с военнослужащими и т. п. (не

вытесняя содержательных элементов других направлений и видов воспитания).

Наконец, следует отметить важность усвоения гражданами «патриотического этикета». Сознательный, убежденный патриот своей страны должен уметь этически безупречно оценивать имеющиеся достижения и недостатки, проявлять сдержанность и достоинство, уместность и обязательность.

Таким образом, позитивная, этически оформленная патриотическая направленность общественного сознания является важным фактором успешности обновленческих процессов.

Примечания

¹ Цит. по: Российская цивилизация: Этнокультурные и духовные аспекты. М., 2001. С. 370.

² *Путин В.* О стратегии развития России до 2020 года // Российская газета. 2008. 9 февр. С. 2.

³ Аргументы и факты. 2008. № 15. С. 5.

⁴ Там же. № 16. С. 4.

Д. Г. Смирнов

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ: СЕМИОЛОГИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ (К постановке проблемы)

Современные комплексные исследования феномена интеллигенции предполагают все более глубокое проникновение семиотического подхода в различных его вариантах и интерпретациях в методологический инструментарий интеллигентоведения.

Классическим образцом применения семиотического подхода к изучению интеллигенции являются труды Ю. М. Лотмана. В его работах раскрыты семиотические формы, характерные для значимых периодов становления русской и российской интеллигенции.

© Смирнов Д. Г., 2008

Смирнов Дмитрий Григорьевич — кандидат философских наук, доцент кафедры философии Ивановского государственного университета.

В настоящей статье рассматривается одна из «постнекласических» проблем интеллигентоведения — *семиологическая функция* интеллигенции в условиях становления и развития информационного (ноосферного) общества. Истоки этой проблемы связаны с формированием представления о «семиотической функции», обозначенного на стыке философских и психологических изысканий.

Проблема *семиотической функции* становится предметом исследования психологов, антропологов, философов в начале XX века. Приоритет в осмыслении этого междисциплинарного феномена принадлежит Дж. Брунеру, Э. Бэйтсу, А. Валлону, Х. Вернеру, Л. Выготскому, А. Гелену, Я. Мукаржовскому, Э. Кассиреру, Ж. Пиаже, В. Фальтину, Х. Хэду и др. Само понятие «семиотическая функция» существует в научном лексиконе достаточно продолжительное время, однако, по мнению А. Н. Портнова и А. С. Турчина, «не принадлежит к числу часто используемых в общей семиотике»¹.

Действительно, анализируемый термин относится, скорее, к предметному полю психологии, нежели философии или семиотики. Приведем две наиболее авторитетные дефиниции понятия «семиотическая функция» Ж. Пиаже и А. Валлона.

В семиотической интерпретации А. Н. Портнова и А. С. Турчина данная функция, по Ж. Пиаже, выступает как «способность *репрезентировать* (курсив мой. — Д. С.) с помощью символов и знаков объекты, отсутствующие в восприятии»². А. Валлон рассматривает семиотическую функцию как умение «*замещать* (курсив мой. — Д. С.) реальное содержание намерениями или мыслями, а образы, выражающие его, — звуками, жестами или даже объектами»³. Подобные трактовки точно раскрывают форму актуализации и осуществления семиотической функции, суть которой, на наш взгляд, выражается посредством двух терминов — «репрезентация» и «замещение». Таким образом фиксируется только связь между означаемым и означающим, раскрывающая в системе общей семиотики сущность семиозиса — процесса функционирования чего-либо в качестве знака, в отличие от семиогенеза — процесса эволюции знаковых систем.

Предметная область универсальной семиотики позволяет пойти дальше: от формального анализа семиотической функции к

познанию ее содержательного наполнения. Универсумная семиотика тяготеет не столько к информации как таковой, не к собственно значению, сколько к смыслу. Смысл, в отличие от значения, которое извлекается последовательно и линейно из различных уровней языка, описывающих ситуацию, схватывается комплексно и симультанно. Он выступает средством связи значений с бытием, с предметной действительностью и деятельностью. Смысл, согласно А. Н. Леонтьеву, есть объективная, бытийная категория: «Смысл порождается не значением, а вещью»⁴ и, значит, в рамках семиотической функции есть «бытие для себя».

Содержательный аспект семиотической функции может быть определен следующим образом: кто, что и как интерпретирует, трактует, т. е. рассматривает в качестве знаков Универсума. Переход с «уровня выражения» на «уровень содержания» (по аналогии с категориями общей семиотики — «планом выражения» и «планом содержания»), служащими для раскрытия смысла семиозиса) следует понимать в качестве одного из существенных проявлений современной семиотической революции в науке и социальной практике.

Семиотическая революция предполагает качественный скачок в понимании закономерностей развития космопланетарной семиотической (знаковой) реальности — глобальной семиосферы. В настоящий момент семиотическая революция проявляется в трансформации классической онтологической семиотики (например, семиотики Ч. С. Пирса и семиологии Ф. де Соссюра) в сторону универсумной (онтологической, гносеологической, аксиологической и праксиологической) семиологии, теоретическое обоснование которой обнаруживается в трудах Р. Барта, Т. Себеока и У. Эко.

Универсумная семиотика — это семиотика, в которой знак рассматривается как универсальный, то есть читаемый как в рамках «искусственной парадигмы» (осмысления культуры), так и в рамках «естественной парадигмы» («интериоризации» природы, биосферы, космоса, Вселенной).

Соответственно, претерпевает изменение и феномен семиотической ситуации. В классической семиотике знаковые ситуации, в которых отсутствует намерение передать сообщение или отсутствует определенный адресат сообщения (информации),

принято рассматривать как квазисемиотические, или околосемиотические. При этом обычно исходят из достаточно узкого понимания термина «информация». В семиотической литературе часто можно встретить генетическое, с точки зрения формальной логики, определение именно такого плана: «все, что люди сообщают друг другу или машинам, есть информация».

В этом случае семиотическая ситуация (семиотическое бытие) оказывается поставленной в зависимость от объекта (к которому направлена или не направлена информация). Думается, что более адекватным следует считать не классическое «объект-субъектное», а «субъект-объектное» (или даже «субъект-субъектное») отношение, акцентирующее внимание, прежде всего, на *роли в семиотической ситуации воспринимающего субъекта*. С точки зрения универсальной семиотики, знаками являются все объекты (предметы, явления и процессы), воспринимаемые субъектом с семиотической (знаково-информационной) точки зрения, т. е. те, которые репрезентируют для субъекта другие объекты в вещественной, энергетической и информационной формах.

Эту особенность универсального понимания знака проясняет Г. П. Щедровицкий, подчеркивающий, что «знак как таковой существует лишь постольку, поскольку существует понимающее его сознание и обеспечивающие это понимание системы культурных средств»⁵. Заметим, однако, что всегда существует некий знак, который непонятен людям, воспринимающим его: для «непонимающих сознаний» данный предмет не является знаком, но это отнюдь не означает, что он вообще не знак «для понимающих сознаний».

При этом необходимо учитывать, что «процесс толкования знака бесконечен и отступление означаемых длится едва ли не бесконечно; теоретически знак никогда нельзя зафиксировать в конечном означаемом; единственно возможная остановка в процессе его толкования — это та, что диктуется практикой, а не самой семиологической системой»⁶. В результате мы сталкиваемся с основной проблемой современной семиотики — проблемой пансемиотизма, как ее точно обозначил Р. Барт. Суть пансемиотизма заключается в обнаруживании смысла во всех структурных единицах окружающей реальности, во всеобщем означивании действительности, в признании того факта, что любой объект Универсума может при определенных условиях проявить себя как знак.

Заметим, что пансемиотизм, или «радикальный семиотический идеализм» (в терминологии Т. А. Себеока), особенно проявляется в эпоху глобализации. В этот период человечество сталкивается с «*информационным потопом*», который до недавнего времени рассматривался как «поток». Человечество, буквально, тонет в море знаков, символов, информации. Поэтому ему, как и Ною, приходится выбирать для своего «Ковчега» наиболее важные семиотические единицы, оставляя в стороне, на первый взгляд, несущественные. В силу этого, наряду с пансемиотизмом, имеет место и противоположный феномен — «семиотический нигилизм», подразумевающий отрицание объективного существования определенного рода семиотических единиц. Можно даже вести речь о «семиотическом агностицизме», как позиции, согласно которой существуют принципиально неподдающиеся познанию знаковые структуры и элементы. Именно эти три семиотические познавательные позиции — пансемиотизм, семиотический агностицизм и семиотический нигилизм — сталкиваются между собой в глобализирующейся семиосфере и определяют ее историческое своеобразие.

Проблематику универсальной семиотики четко фиксирует Т. А. Себеок: «Как принято считать, предмет семиотики — это обмен любыми сообщениями, т. е. коммуникация. К этому сразу надо добавить, что семиотика концентрируется также на изучении сигнификации»⁷. Коммуникация традиционно направлена на получение намеренного сообщения от адресата, его расшифровку и отправку ответного сообщения желательно в соответствующей кодировке. Главное в коммуникации — это интенциональность, которая задает определенные границы семиотической ситуации, тем самым определяя вариативность значений используемых семиотических единиц. Сигнификация представляет собой означивание неинтенциональных знаков, воспринимаемых познающим субъектом. Семиотическая ситуация такого рода формирует практически бесконечный континуум инвариантов означаемых, создавая предпосылки для пансемиотической формы восприятия реальности.

В данном контексте можно использовать и введенный Р. Бартом в современную семиотику термин «симптом», заимствованный из медицинской семиотики. «Симптом — это некая ви-

димая реальность или реальная видимость; можно сказать некая феноменальность, но такая, в которой еще нет ничего семиологического, семантического. <...> Такое определение, если оно верно, показывает, что со словом “симптом” не сразу стали связывать идею значения, хотя именно такова коннотация этого слова в метафорическом смысле... <...> Мы полагаем, что симптом — нечто подлежащее дешифровке...»⁸. Если развивать аналогию с категориями семиотики или общей лингвистики, то симптом, пожалуй, соответствует «субстанции означающего» (Л. Ельмслев), то есть означающему как субстанции, как материи, еще не разбитой на единицы означающего. «В отличие от симптома, — продолжает Р. Барт, — знак <...> оказывается таким симптомом, к которому добавлено, приложено организующее сознание... (субъект посредством языка преобразует симптом в знак). <...> Если принимать такое определение, то это значит, что мы от феноменального пришли к семантическому»⁹.

В пользу подобной постановки вопроса могут говорить, в частности, семантическая концепция понимания А. Л. Никифоровой, где интерпретация рассматривается как надделение смыслом лишнего смысла материала; а также старая идея «книги природы», идущая от Средневековья и Возрождения¹⁰, проанализированная А. П. Огурцовым, и позволяющая искать в природе объективные смыслы, которые могут быть умопостигаемыми¹¹.

Таким образом, мы приходим к выводу о том, что знак имеет объективную природу, то есть существует независимо от сознания человека, хотя только в нем и актуализируется. Т. А. Себеок высказывает даже такую крамольную, казалось бы, мысль, что семиотическое знание — есть единственное достоверное и доступное человеку. «Мы можем с уверенностью считать, что единственный вид знания, каким может обладать любое живое существо, “сквозь стекло, смутно”, — это знание знаков. Существует ли за знаками реальность... — об этом человечество твердо ничего не знает»¹². Таким образом, считает исследователь, «семиотика никогда не рассказывает, чем является мир сам по себе, но описывает, что мы можем знать о нем; другими словами, предмет описания семиотической модели — не реальность как таковая, а природа, приоткрытая в результате человеческого по-

знания. Взаимодействие между “книгой природы” и расшифровывающим ее человеком — вот что самое главное»¹³.

Р. О. Якобсон, рассматривая кодирующую и декодирующую деятельность человека, считает, что «декодирование в гораздо меньшей степени зависит от кодирования, чем наоборот... Сфера нашей декодирующей деятельности шире нашей кодирующей способности»¹⁴. Человек обычно проявляет более узкую языковую (и шире — знаковую) компетенцию в качестве отправителя сообщений и более широкую компетенцию в качестве их получателя. Именно этот «семиотический лаг» между кодирующей и декодирующей деятельностью соответствует, на наш взгляд, предметному полю универсальной семиотики.

Универсальная семиотика имеет дело не только с семиотической, но и с семиологической функцией живого разумного вещества. Для того чтобы раскрыть различие между этими функциями, следует обратиться к проблеме знака. С нашей точки зрения, в контексте семиотической методологии можно вести речь о следующих модусах Его Величества Знака: сигнал, симптом, простой знак (знак), сложный знак (Знак), сверхсложный знак (ЗНАК) и символ. Семиотическая функция предполагает операции с сигналами и простыми знаками, тогда как семиологическая — со сложными, сверхсложными знаками и символами.

С антропологической позиции очевидно, что семиотическая функция атрибутивно связана с реликтовыми или примитивными правополушарными и левополушарными доминантами. Семиологическая функция тяготеет к уменьшению семиотической асимметрии в рамках кодирующей и декодирующей деятельности; она стремится к эйдетическому мироощущению, универсальному мировосприятию и синтетическому миропониманию.

В контексте размышлений Р. О. Якобсона, приведенных выше, как семиотическая, так и семиологическая функции могут иметь кодирующий (а возможно, и перекодирующий) и декодирующий модусы. Соотношение между указанными модусами с ходом истории изменяется в сторону преобладания декодирования, которое занимает главное место в семиологической функции. Семиотическая функция активно реализуется в период овладения знаковыми системами с целью адекватного включения в

семиотическую реальность. Здесь главное — правильно закодировать себя для окружающей среды или даже перекодировать окружающую среду под себя, а не раскодировать ее, т. е. скопировать ее код в свое семиотическое поведение.

Мир задает знаки, выступающие как моменты опережающего отражения, имеющие разный масштаб временного лага¹⁵. Здесь отметим, что чем сложнее знак, чем больше информации в нем свернуто, запаковано, тем больше времени требуется воспринимавшему субъекту для его распаковки, развертывания его смысла. В данном контексте разум, сознание действительно выступают в качестве торможения природного посыла по декодированию данной семиотической единицы. Знак может быть не только тем, чем он кажется на первый взгляд. Он может казаться сигналом, а на самом деле быть сложным знаком или даже символом. Он может принадлежать к различным хрональным (временным) измерениям (в смысле А. И. Вейника).

В практическую плоскость переводится проблема экологической семиотики. Знак имеет «тройную значимость, или тройную функцию; он анамнестичен — говорит о том, что произошло; он прогностичен — говорит о том, что произойдет; он диагностичен — говорит о том, что происходит сейчас»¹⁶.

Из контекста рассуждений Р. Барта можно заключить, что существует несколько пластов (или уровней) семиотической (семиологической) функции. По нашему мнению, можно выделить анамнестический (настоящее прошлого), фиксационный (прошлое настоящего), диагностический (настоящее будущего) и прогностический (будущее настоящего) уровни. В данном случае анамнестический и фиксационный пласты отражения соотносятся с семиотической функцией, а диагностический и прогностический предполагают обращение к семиологической функции.

Соответственно выделяются и уровни актуализации семиотической и семиологической функций в рамках человеческого общества. В свою очередь можно говорить о степени овладения этими функциями в процессе индивидуализации и социализации личности.

Для «человека семантического» (в онтогносеологическом плане) характерно использование семиотической функции на уровне распрямления и опредмечивания в рамках оперирования симптомами, сигналами и простыми знаками. Указанные

семиотические единицы, как правило, имеют одно означаемое, строго фиксированное в содержательном плане. Это конвенциональные знаковые формы, семиотический анализ которых предполагает определенный интерпретационный предел, ограниченный социокультурной компетентностью личности. Абсолютное большинство таких семиотических единиц находится в ведении левого (дигитального, математического, логического) полушария головного мозга, устанавливающего жесткие связи между означаемым и означающим, очень устойчивые к реалиям семиотического (символического) обмена.

«Человек семиотический» — интеллектual — личность, обладающая большим объемом знаний, умений и навыков из различных сфер человеческой жизнедеятельности и, тем самым, отличающаяся от «человека семантического». Для уровня семиотической функции, реализуемого интеллектualом, характерны, преимущественно, операции «сложения знаков» и «умножения знаков», применяемые в формально-логическом контексте. Интеллектual предстает в онтогносеологическом плане уже не как аналог *homo habilis* (человека умелого), который просто использует шаблонные знаковые единицы, задаваемые природным и социокультурным окружением, а как семиотический субъект (аналог *homo ergaster* — человека трудящегося или даже *homo sapiens* — человека разумного), целенаправленно продуцирующий единичные знаки и изменяющий посредством этого конкретную знаковую ситуацию. Один и тот же знак в разных предметных реалиях может принимать различные означаемые, которые, в свою очередь, могут организовываться по принципу дополнительности, т. е. из двух знаков рождается третий, отличный по означаемому. Кроме этого, границы интерпретации знаковых феноменов у интеллектuala значительно шире (глубже), поскольку метакультурная память его значительно богаче. И знаки для интеллектuala не представляют исключительно прикладного, утилитарного интереса как в случае с «человеком семантическим».

Интеллектual подчас выходит на более высокий уровень реализации семиотической функции, так как имеет дело со сложными знаками в силу того, что его прочтение окружающей реальности междисциплинарно. Однако семиосознание интеллектuala, по преимуществу, мозаично, дискретно. Здесь мы сталки-

ваемся со своеобразным переходным моментом от семиотической функции к семиологической. В данном контексте на первый план выходит проблема соотношения категорий «интеллектуал» и «интеллигент», которая до сих пор остается открытой.

«Человек семиологический» — интеллигент — в отличие от интеллектуала использует для анализа знаковой реальности не только левое полушарие головного мозга, но и дополняет функциональность последнего аналоговыми элементами правополушарного мышления. В результате подобного синтеза возникает эйдетическая (чувственно-рациональная) атрибутивность в контексте семиологической функции, обладающая свойствами всеобщности и нелинейности в гносеологическом плане. Интеллигент имеет дело со сверхсложными синкретическими и синтетическими знаками и символами. Для этих семиотических единиц практически не существует конвенциональности, ее невозможно восстановить даже при ретроспективном анализе. Означаемые здесь зачастую не подчиняются логическим правилам и законам и не ограничиваются при их поиске использованием здравого смысла. Они могут сами, имманентно, отсылать к интуитивным формам мироприятия и даже мистическим практикам мироощущения.

Главное отличие интеллигента от интеллектуала в онтогносеологическом плане заключается, на наш взгляд, в том, что он конструирует систему знаково-символического хронотопа — семиосферу, свободно ориентируясь в потоках символического обмена между ее подсистемами. Именно интеллигент (как истинный *homo sapiens sapiens*) формирует алгоритм адекватного системного прочтения ноосферной (ноосферно-семиотической) реальности в целом, а не только её отдельных знаковых ситуаций. Отличительной особенностью семиосознания интеллигента является его континуальность.

Подобная семио-антропологическая классификация (стратификация) носит условный характер. В чистом виде в онтогносеологическом плане вышеназванные семиотические типы вряд ли существуют. В целях научного анализа обозначенные антропологический, нейрофизиологический и коммуникационный аспекты могут служить критериями определения уровня бытийствования человека.

Законы, которым подчиняется и по которым строится семиологическая функция, выявить достаточно сложно, если вообще возможно. Тем не менее, совершенно очевидны критерии, позволяющие разделять уровни семиотического и семиологического, а также способы их познания. Единственное, что можно исследовать в данном контексте — это семиотические парадигмы, которые создает и от эпохи к эпохе переосмысливает интеллигенция. Они изменяют науку и в целом культуру человеческой цивилизации, расширяя границы проникновения человека в ноосферно-семиотическую реальность.

Г. Бейтсон в работе «Экология разума» отмечает, что людям бывает очень трудно увидеть очевидное. Это происходит потому, «что люди — это самокорректирующиеся системы. Они самокорректируются против беспокойства, и если это “очевидное” не таково, что его можно легко ассимилировать без внутреннего беспокойства, то их механизмы самокоррекции срабатывают так, чтобы отодвинуть, спрятать, а если необходимо, то и закрыть глаза или отключить другие звенья процесса восприятия. Беспокоящая информация может быть окружена фреймом, после чего она уже не причиняет беспокойства. Все это делается в соответствии с представлением самой системы о том, что есть неудобство»¹⁷. Соединение человека с его биологическим окружением через посредство сознания можно определить, по Г. Бейтсону, как ситуацию «перекрестных целей». Если у сознания отсутствует информация о природе человека и окружающей среды или информация искажена, или неправильно выбрана, то тогда весьма вероятно, что сознание станет генерировать метабеспорядочную последовательность событий. Это положение чрезвычайно важно для понимания сущности интеллигенции с методологической точки зрения.

В действительности, интеллигенция потому и интеллигенция, что она заставляет себя преодолеть синдром «страуса, прячущего голову в песок». В этом преодолении инстинкта самосохранения в значительной степени заключается смысл «психологической перегрузки (перегрева)» интеллигенции: она, как Кассандра, должна вещать истину и читать знаки (будущее), а затем расплавиваться за знаки «из глубины».

Можно возразить — человек, как бы он ни старался, не может заглянуть в тайны Вселенной, Универсума, так как находится внутри. Он не в силах представить весь «размах реальности», являющейся его оikosом. Действительно, согласно гуманитарному толкованию теоремы Гёделя, человек есть только часть большей системы, а часть никогда не может осуществить репрезентацию целого. С точки зрения системно-синергетического подхода, логике теоремы Гёделя подчиняется лишь «человек семантический», который и есть часть, поскольку никогда не выходит за рамки системы (ему это не выгодно и даже, более того, интеллектуально опасно). Напротив, интеллигент («человек семиологический»), по своей природе, сверхсистемен, он всегда выходит за рамки системы, в которой живет, а значит, он виртуально (информационно-семиотически) больше, чем система, в которой он существует.

Из этого следует, что семиологическая функция интеллигенции заключается не только в том, чтобы «осмысливать жизнь» (В. И. Вернадский), но и в том, чтобы «прописывать» образы сверхсистемности (своеобразные «знаки будущего»). Семиологическая функция интеллигенции, в частности, предстает в формах опережающего отражения, проявляется как способность увидеть то, чего нет, но возможно (действительно), и более того, как «достичь невозможного» (в синергетической терминологии — «состояние-аттрактор»). Наиболее близки к такому пониманию семиологической функции теория «открытого смысла» (некоего иного, рассеянного в неуловимых деталях мысли) Р. Барта и «уликовая парадигма» К. Гинзбурга — техника чтения неполных, неуловимых знаков — «улик».

Таким образом, семиологическая функция человечества — это способность рассматривать каждый объект, явление, процесс в качестве знака и, что не менее важно, давать ему адекватную интерпретацию, отвечающую той или иной конкретно исторической картине мира. Д. Саван, с нашей точки зрения, достаточно верно раскрывает природу семиологической функции: «любые качества, свойства и характеристики чего бы то ни было зависят от системы знаков, представлений или интерпретаций, при помощи которых они обозначаются»¹⁸. Тем самым обосновывается зависимость картины мира (ее адекватность, понимание) от се-

миотических парадигм, создаваемых в среде интеллигенции и, наоборот, так как свойства объекта зависят от того языка, на котором он описан (принцип дополнительности Н. Бора в интерпретации И. Пригожина).

Выше мы обозначили сущность семиотической и семиологической функций и очертили их границы, что позволяет предложить решение вопроса, касающегося антропологической сущности субъекта, то есть носителя этой имманентно присущей человечеству функции.

Носителем семиотической функции, согласно исследованиям психологов и семиотиков, может считаться любой человек. Но все ли способны реализовать семиологическую функцию? Ответ на этот вопрос предполагает обращение к проблеме социально-философского плана — проблеме *семиотической стратификации*. Семиотическая стратификация — это классификация субъектов по уровню их семиотической способности (адекватности), то есть на основании того, какими знаками они чаще всего пользуются в течение жизни.

«Сознание, — полагает Г. Бейтсон, — организовано целевым образом. Это прибор ближнего действия, помогающий вам быстро получить желаемое. Он предназначен *не* для жизни с максимальной мудростью, а для получения желаемого кратчайшим логическим (каузальным) путем»¹⁹. Таким сознанием и обладает абсолютное большинство представителей человеческого рода. Большинство из этого большинства ориентировано на сигнал, чуть менее — на простой знак, немногие — еще и на символ. Но ни одна из перечисленных ориентаций не позволяет достичь желаемой «жизни с максимальной мудростью», несмотря на то, что внешне к ней все стремятся. Лишь интеллигенция, синтезировавшая в веках семиотический инстинкт, семиотическое и семиологическое сознание в единый сознаниевый организм, способна выставить ориентиры на пути продвижения человечества к «направляющему развитию».

Все дело в уровне семиосознания конкретного человека и, соответственно, человечества в целом, которое дерзновенно стремится охватить постоянно усложняющийся мир в его непредсказуемой эквифинальности. Семиотическая функция есть необходимая функция биосферы, без которой не осуществим

процесс эволюции живого вещества. Семиологическая функция, актуализирующаяся лишь на субстрате живого разумного вещества (*homo sapiens sapiens*), задает семиотические парадигмы понимания, объяснения, опережающего отражения, диагностирования, прогнозирования сложных социоприродных и социокультурных систем (расширяющихся до пределов Вселенной). Такая функция характеризует только интеллигенцию: так рождается феномен интеллигенции.

Примечания

- ¹ *Портнов А. Н., Турчин А. С.* Семиотическая функция: философские, социологические и психологические аспекты // Вестник ИвГУ. 2002. Вып. 2. С. 63.
- ² Там же. С. 67.
- ³ *Валлон А.* От действия к мысли: Очерк сравнительной психологии. М., 1956. С. 189.
- ⁴ *Леонтьев А. Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975. С. 279.
- ⁵ *Щедровицкий Г. П.* Избранные труды. М., 1995. С. 542.
- ⁶ Там же. С. 495.
- ⁷ *Себеок Т. А.* Культура и семиотика: Учение о знаках // *Философия языка и семиотика.* Иваново, 1995. С. 34.
- ⁸ *Барт Р.* Система моды: Статьи по семиотике культуры. М., 2003. С. 480.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ См.: *Степанов Ю. С.* Семиотика. М., 1971.
- ¹¹ См.: Загадка человеческого понимания. М., 1991. См. также: *Гуревич П. С.* Несколько замечаний об интуитивном постижении реальности // Вестник РАН. 1992. № 10. С. 104—116.
- ¹² *Себеок Т. А.* Указ. соч. С. 40.
- ¹³ Там же. С. 33.
- ¹⁴ *Якобсон Р. О.* Лингвистические типы афазии // Избр. работы. М., 1985. С. 294.
- ¹⁵ См.: *Анохин П. К.* Биология и нейрофизиология условного рефлекса. М., 1968; *Шингаров Г. Х.* Условный рефлекс и проблема знака и значения. М., 1978.
- ¹⁶ *Барт Р.* Указ. соч. С. 481.
- ¹⁷ *Бейтсон Г.* Экология разума: Избр. статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии. М., 2000. С. 394.
- ¹⁸ Цит. по: *Себеок Т. А.* Указ. соч. С. 43.

¹⁹ *Бейтсон Г. Указ. соч. С. 398.*

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

А. В. Репников

РУССКИЙ КОНСЕРВАТИЗМ И СОВРЕМЕННОЕ МИФОТВОРЧЕСТВО: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ

В современной России, когда некоторые из постулатов консервативной идеологии находят отклик не только в политической теории и практике¹, но и в общественном сознании, большое значение приобретает формирование адекватных представлений об историческом облике дореволюционного консерватизма². К сожалению, в настоящее время каждая политическая сила вкладывает в это понятие то содержание, которое ей выгодно в него вкладывать в данный момент, стремясь привлечь к себе в союзники наиболее известных мыслителей прошлого³.

В полной мере эта ситуация нашла свое отражение в историографии. Помимо появления научных исследований, в последние годы стали публиковаться работы, в которых содержится большое количество (случайно или намеренно) искажений фактов, грубых ошибок и т. п. Все это способствует формированию новых мифологем, которые зачастую принимаются на веру далекими от науки читателями. Большие тиражи изданий, содержащих эту «новую мифологию», их доступность (купить подобные книги в столичных и региональных магазинах проще, чем моно-

---

© Репников А. В., 2008

Репников Александр Витальевич — доктор исторических наук, главный специалист Центра по разработке и реализации межархивных программ документальных публикаций федеральных архивов Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), доцент Российской академии театрального искусства (ГИТИС).

графии и сборники документов) в итоге формируют сознание так называемого «массового читателя», в том числе оказывая негативное влияние и на студенческую аудиторию.

В этой связи наиболее показательны появившиеся в последние годы «энциклопедии», которые при их внимательном прочтении не выдерживают никакой критики. Это, в первую очередь, касается издания «Русский патриотизм»⁴, выпущенного 3-тысячным тиражом. В более чем 900-страничную книгу, где согласно названию должны были быть представлены именно русские патриоты, попали очень разные люди: Г. А. Зюганов (автор статьи не указан), Э. В. Лимонов (автор не указан), В. М. Пуришкевич (автор А. Степанов), Г. К. Жуков (автором значится М. Жукова), И. А. Ильин (автор О. Платонов), К. В. Смирнов-Осташвили (автор В. Хатюшин), Д. Д. Васильев (автор статьи не указан), И. В. Сталин (автор О. Платонов), П. А. Столыпин (автор О. Платонов). Святые Иоанн Кронштадтский и Серафим Саровский соседствуют с современными неоязычниками (В. Н. Безверхий, В. Н. Емельянов и др.). Вместе с З. А. Космодемьянской⁵, О. В. Кошевым⁶, Леней Голиковым⁷ и А. М. Матросовым⁸ представлены идеологи т. наз. «русского фашизма» — А. А. Вонсяцкий⁹ и К. В. Родзаевский¹⁰. Статьи «Русский фашизм» и «Ритуальные убийства» в издании помещены вместе со статьями «Православие» и «Гост за здоровье русского народа». В связи с включением в издание под заголовком «русский патриотизм» статей о представителях «русского фашизма» характерно утверждение, что «в конце Великой Отечественной войны вожди русских фашистов стали понимать величие личности Сталина, восхищались победами русского оружия над Гитлером»¹¹. Подобная эклектика, как в капле воды отражает общее смятение умов в современной России. В издании немало лакун, и в этой связи не совсем понятно — следует ли считать, что не попавшие в энциклопедию не являются русскими патриотами.

Основа любой научной энциклопедии — максимально беспристрастная оценка в большинстве статей отсутствует. Поэтому все фразы, типа «убит еврейскими большевиками»¹², целиком на совести авторов; так же как и восторженные оценки некоторых из наших современников («певец советской эпохи», «истинный патриот» и т. п.).

Значительное число статей о персоналиях в этом издании вообще лишено списка источников и литературы: Александр III (автор С. Семанов); Н. В. Гоголь (автор Ю. Сохряков); Ф. М. Достоевский (авторами указаны некий Б. Б. и Ю. Сохряков); Иоанн Кронштадтский (автор не указан); К. Н. Леонтьев (автором указан Ф. Р.); И. А. Ильин (автор О. Платонов); К. П. Победоносцев (автор В. Федоров); В. В. Розанов (автор Ю. Сохряков); П. А. Столыпин (автор О. Платонов); А. С. Суворин (автор не указан); Д. И. Менделеев (автор О. Платонов); С. А. Нилус (автор А. Стрижев); В. П. Мещерский (автор С. Лебедев); А. И. Кошелев (автор не указан); Ф. В. Чижов (автор не указан, а сама «статья» занимает всего 5 строчек) и т. д. Симптоматично, что статья о Л. Н. Толстом, видимо в силу его сложных отношений с церковью, в издание не попала, т. е. великий писатель в число русских патриотов не вошел, зато скандально известному монархисту начала XX в. В. Г. Орлову отведено почти 3 страницы текста.

В некоторых статьях приводится название книг без места и года их издания. Например, в статье «Шульгин В. В.» приводится только одно его сочинение и то без места издания и с неправильным годом выпуска, а в статье «Власов Ю. П.» все книги Власова перечислены без места и года издания¹³. Источники цитат, приводимых в статьях, зачастую не указываются, поэтому невозможно понять — откуда они взяты. Следовательно, невозможно сверить цитаты с оригиналом и приходится верить авторам (часто анонимным) на слово, надеясь, что они не исказили текст источника. Многие высказывания голословны (как общеизвестный факт подается информация о «тайном умерщвлении» И. В. Сталина¹⁴). В ряде статей о наших современниках (В. П. Астафьев, В. В. Кожин, Э. Ф. Володин, П. Л. Проскурин и др.) нет точных дат смерти.

Объем статей и их направленность зависят от симпатий и антипатий авторов. Конечно, в любой энциклопедии объем статей всегда разный, но когда одни статьи занимают 2—3 *строчки*, а другие 5—9 *страниц*, то это нарушает все энциклопедические принципы. На этот аспект в своей рецензии на издание обращает внимание историк С. М. Сергеев: «Непонятны критерии, которыми руководствовались создатели тома при определении объема статей о тех или иных персонажах. Материал о заурядном публи-

цисте В. А. Грингмуте в 3—4 раза превосходит статью о великом мыслителе К. Н. Леонтьеве. Разного рода малозначительные активисты «Памяти» и прочих объединений 1950—90-х годов выглядят более респектабельно, чем Ю. В. Бондарев и М. П. Лобанов, П. В. Палиевский и В. В. Кожин (последний даже фотографии не удостоился, как и даты смерти)»¹⁵.

Все сведения об известнейшем дореволюционном политическом и общественном деятеле В. В. Шульгине укладываются в несколько строк, а статья о нем меньше, чем о его однофамильце — члене общества «Память». Судя по всему, такое «наказание» со стороны современных монархистов было применено к Шульгину из-за его участия в отречении Николая II.

Бросается в глаза отсутствие в издании статей о целом ряде деятелей Белого движения. Остается предположить, что составителей не устроили «либеральные» М. А. Алексеев, А. И. Деникин, А. В. Колчак, Л. Г. Корнилов и др. Статьи о монархистах — участниках Белого движения (М. К. Дитерихс, Ф. А. Келлер и др.¹⁶) в издании имеются, но проигнорированы другие белые монархисты — М. Г. Дроздовский и В. О. Каппель.

Под заголовком «Предисловие» к изданию «Русский патриотизм» дается статья И. А. Ильина¹⁷. Кажется, еще никто не додумался давать в качестве предисловия к своим работам тексты Л. Н. Толстого или Ф. М. Достоевского. В последующем издании серии «Русское мировоззрение»¹⁸ эта тенденция получила дальнейшее развитие. В качестве «авторов» статей для энциклопедий под редакцией О. А. Платонова выступили: Н. В. Гоголь, Н. О. Лосский, В. В. Зеньковский, С. Н. Булгаков, Л. А. Тихомиров, Л. П. Карсавин, К. П. Победоносцев и другие, давно умершие мыслители. Составителем издания были взяты отдельные фрагменты из их работ, которые, после соответствующей обработки, даются вместо энциклопедических статей. Некоторые из ныне здравствующих исследователей, в том числе и коллеги автора этой статьи, были немало удивлены, обнаружив, что их статьи, опубликованные в разных изданиях, оказались без их ведома и согласия перепечатанными в платоновских энциклопедиях (это к тому же является еще и нарушением авторского права).

Обстоятельный критический анализ издания О. А. Платонова содержится в рецензии С. М. Сергеева¹⁹. Перечисляя допу-

щенные авторами ошибки, он приходит к следующему заключению: «Фактических же ошибок в “энциклопедии” просто море... О том, насколько безграмотно оформлена в большинстве материалов книги библиография, нужно говорить специально. Можно было бы указать еще очень много вопиющих провалов данного издания, но уже из перечисленных, по-моему, достаточно понятно: перед нами все, что угодно, но только не энциклопедия»²⁰. Не вдаваясь в идеологические споры с авторами, укажу только на фактические неточности. В статье о Победоносцеве написано, что он «сын приходского священника»²¹ (на самом деле он был внуком священника и сыном профессора Московского университета). В этой же статье дается отсылка к «Московскому сборнику» Победоносцева, но в издании мы находим только «Московский сборник» Л. И. Бородина (статья про издание Победоносцева в книге отсутствует).²² В статье «Николай II» дается отсылка к статье, посвященной следователю Н. А. Соколову, но в книге мы находим только статью о его однофамильце.

В статье, посвященной Д. И. Иловайскому, сообщается, что историк «после 1917 многократно арестовывался еврейскими большевиками. Зверски убит при невыясненных обстоятельствах»²³. Оставив на совести безымянного автора «еврейских большевиков», отметим, что Иловайский арестовывался один раз, а указание на его убийство — ложь. Рискну предположить, что автор просто перепутал судьбу Иловайского с трагической судьбой его супруги: «Весной 1918 г. он был арестован и три недели провел в застенках чека. М. И. Цветаевой с помощью ее “квартиранта”, некоего “Генриха Бернардовича” или “Икса” через Дзержинского удалось добиться освобождения восьмидесятилетнего старца. По свидетельству осведомленных лиц он держался безукоризненно. “На следующее утро, — вспоминает М. И. Цветаева, — явление Андрея”. “Ну, Марина, молодец твой Икс! Выпустил деда”. — “А ты сказал, через кого?” — “Да что ты!” — “Напрасно, непременно передай, что освободил его из плена еврей Икс”. — “Да что ты, матушка, он, если узнает — обратно запросится!” — “Обратно не запросится, — продолжает М. И. Цветаева, — сам вышагнул. Из мира, где Иловайского сажает Игрек и освобождает Икс, — в мир иной, о котором, думаю, за всю свою жизнь мало думал, целиком и отродясь отдавшись

миру не менее потустороннему: белому»²⁴. Иловайский скончался 15 февраля 1920 года, работая до последнего дня своей жизни. Его жена была зарезана зимней ночью 1929 года грабителями, обнаружившими шестьдесят четыре рубля с копейками²⁵.

В литературе к статье о В. М. Пуришкевиче искажено название статьи И. С. Розенталя²⁶; в списке работ Пасхалова — название его книги²⁷; в литературе к статье «Крушеван П. А.» — название издания, опубликовавшего статью Р. Б. Ромова²⁸. «Эсхатологическая фантазия» Тихомирова называется «В последние дни», а не «В последние времена», как пишет М. Б. Смолин²⁹. С. Ф. Шарапов умер не в апреле, а в июне³⁰, неверно указана дата рождения Н. П. Аксакова и т. д. Единая унификация дат жизни и смерти в статьях, посвященных персоналиям, в издании отсутствует. Иногда указываются только годы, иногда дни и месяцы, иногда даже даты по старому и новому стилю.

Встречаются в издании и примеры заимствования чужих текстов (как дословно, так и в виде изложения, близкого к тексту). «В статье о Ю. И. Селезневе, — пишет С. М. Сергеев, — мы встречаемся с откровенным плагиатом, ее авторы ничтоже сумняшеся, без кавычек и ссылки стащили здоровенный абзац из давнего предисловия В. Н. Ганичева к сборнику статей выдающегося критика "Златая цепь"³¹.

Вместе с тем, в энциклопедии есть и статьи, написанные с научных позиций и содержащие малоизвестные или неизвестные факты о жизни и деятельности русских консерваторов (о наличии таких статей упоминает в своей рецензии и С. М. Сергеев). Это, прежде всего, материалы А. Минакова, В. Рылова, В. Воропаева. В некоторых материалах, написанных А. Степановым и Т. Кальченко, встречаются ранее неизвестные факты, почерпнутые из периодики и архивов. К сожалению, такие статьи буквально теряются на общем фоне издания. Это отмечает и современный петербургский историк Д. И. Стогов: «Если биографии А. А. Римского-Корсакова, Б. В. Штюрмера написаны А. Д. Степановым на широком круге источников и, прежде всего, периодической печати правого направления, то статья С. В. Лебедева о Е. В. Богдановиче основана только на одном из многочисленных некрологов генерала»³². Отмечу еще один аспект, который, скорее, должен заинтересовать церковников, а не историков. Как яв-

ствуется из текста на 4-й странице, издание это «Посвящается памяти Митрополита Санкт-Петербургского и Ладужского Иоанна (Снычева); † 20.10/2.11.1995, благословившего наш труд “во умножение любви к Святой Руси”», а на обложке книги приведено изображение иконы Божией Матери «Державная».

Еще один пример небрежно подготовленного издания — энциклопедия М. Б. Смолина³³. Статья о Тихомирове занимает в ней 92 (!) страницы, но в списке литературы, посвященной Тихомирову, присутствуют только две (!) работы — эмигранта В. А. Маевского и самого автора издания. И это при наличии десятков статей о Тихомирове, нескольких монографий и диссертационных исследований. Зато статья о Шарапове занимает всего 8 строчек³⁴, каждая из которых начинается с нового абзаца. Литература к этой статье отсутствует. Статья о Кирееве занимает 7 строчек, зато статья о М. Н. Каткове — 35 страниц. И. С. Бердникову уделено 33 страницы; Иловойскому — 8 строчек, А. А. Григорьеву — 5, а Пасхалову всего 6. Непонятно, почему в ряде случаев нет точных дат рождения и смерти, хотя они давно известны исследователям (не указаны, например, день и месяц рождения Шарапова).

Каждый автор волен давать в списке литературы те произведения, которые считает нужным. В аннотации к книге Смолина говорится про «избранную (рекомендательную) литературу» к статьям. Этот принцип касается и сочинений. Однако когда в списках источников и литературы к статьям в основном встречаешь только фамилию автора книги, упомянутую около 30 раз, а само издание украшают два абсолютно одинаковых (!) портрета автора, то невольно возникают сомнения в объективности.

Иногда список источников и литературы значительно превышает объем самой статьи. Например, статья «Бронзов А. А.» занимает 3 строчки, а список сочинений, прилагаемый к ней, — более 40 строк. Статья «Буткевич Т. И.» — 14 строк, а список источников и литературы — 50. Статья «Пихно Д. И.» — 6 строк, а список сочинений — 22. Статья «Самоквасов Д. Я.» — 3 строчки, список сочинений — 19. Зато в статьях «Леонтьев К. Н.» и «Марков Н. Е.» списки литературы отсутствуют, а вся литература к статье «Меньшиков М. О.» представлена одной работой самого Смолина.

В книге есть ряд некорректных сносок: «Ефименко А. Р. Эволюция социально-исторических и философских взглядов Л. А. Тихомирова. Дисс. С. 61» (непонятно, какая диссертация имеется в виду³⁵), или: «В 2000-х годах “Пушкинский Дом” издаст Полное собрание сочинений К. Н. Леонтьева»³⁶.

До сих пор в кругах современных либеральных публицистов пользуется популярностью работа американского историка Уолтера Лакёра, которая 10-тысячным тиражом была выпущена в 1994 году московским издательством «Текст»³⁷. Для Лакёра характерен акцент исключительно на негативных аспектах деятельности правых партий. Книга содержит большое количество ошибок³⁸. Более того, при сравнении этого издания с тем, которое вышло на русском языке в Вашингтоне в 1994 году³⁹, выясняются удивительные вещи. Прежде всего, обращу внимание на то, что в оригинале книга Лакёра называется «Black Hundred. The Rise of the Extreme Right in Russia» и ни о каком «русском фашизме» в названии речи нет. Допустим, что подобное словосочетание могло использоваться как рекламный ход с целью привлечения покупателей. Далее — в московском издании указано, что перевод с английского осуществлен Вадимом Меникером и «любезно предоставлен издательством “Проблемы Восточной Европы” (Вашингтон, округ Колумбия, США)». В вашингтонском издании в качестве переводчика книги тоже указан В. Меникер. Логично предположить, что текст вашингтонского и московского издания абсолютно идентичен, однако при внимательном сравнении книг понимаешь, что это не так. Приведу несколько наиболее характерных примеров. В московском издании указано: «После 1917 года книга Н. Данилевского “Россия и Европа” была запрещена, в последние годы неоднократно переиздавалась в Москве»⁴⁰. Во-первых, «Россия и Европа» в СССР никогда не была запрещена и в 1970-е — начале 1980-х годов советские исследователи активно публиковали статьи, в которых критически рассматривали взгляды Данилевского и цитировали его работы. Во-вторых, на родине Данилевского «Россия и Европа» переиздавалась после революции только один раз в 1991 году с сокращениями. Следующее переиздание относилось к 1995 году и вышло уже после книги Лакёра, то есть говорить о «неоднократных» переизданиях нельзя. В вашингтонском издании читаем: «Труд

«Россия и Европа» был переведен на ряд западных языков, и в годы гласности он был переиздан (в слегка сокращенном виде)»⁴¹. Это соответствует правде.

Отмечу, что в указателе имен к вашингтонскому изданию Данилевский ошибочно назван Даниловским⁴², а в московском издании эта опечатка исправлена. Правый деятель Ф. В. Винберг именуется Финбергом⁴³, историк Русского Зарубежья М. В. Зызыкин — Зызыкиным⁴⁴, а современный публицист А. Н. Стрижев — Стришевым⁴⁵.

М. О. Меньшикова и Л. А. Тихомирова автор относит к «литераторам-монархистам», начавшим «свою политическую карьеру с террористами-народовольцами», что в полной мере верно только в отношении Тихомирова⁴⁶. Вопреки мнению Лакёра, Г. В. Шварц-Бостунич никогда не являлся «доверенным лицом Гитлера»⁴⁷. Сомнительно, чтобы Гитлер вообще знал о его существовании. С уверенностью можно говорить только о том, что Шварц-Бостунич был известен Гиммлеру.

Говоря о популярности Иоанна Кронштадтского, Лакёр упоминает, что «он был более широко известен, чем сам патриарх, несмотря на свое низкое положение в церковной иерархии...»⁴⁸, в то время как в России начала XX века патриарха не было. Правда, в Вашингтонском издании написано, что Иоанн Кронштадтский «был более широко известен, чем высокая церковная иерархия, несмотря на свое низкое положение в ней»⁴⁹. Остается только гадать, каким образом фразы про несуществующего в начале XX века патриарха (так же как и указание на неоднократные переиздания «России и Европы» Данилевского) попали в русское издание книги Лакёра. По поводу другой работы этого историка «Россия и Германия. Наставники Гитлера» И. П. Савицкий (сын известного лидера евразийства) пишет следующее: «Насколько этот труд “солиден” можно судить по тому, что на одной странице (с. 150 русского издания) мы находим множество ошибок: в 1922 г. Кирилл объявил себя не императором, а местоблюстителем престола, не все его соперники были дискредитированы в ходе революции, напротив, в этом упрекали именно в. кн. Кирилла, он же настаивал на своих правах по правилам наследования престола. В. кн. Николай Николаевич не жил

в Париже и т. д. Все это несущественно, но характеризует вольность обращения с фактами»⁵⁰.

Наконец, все более откровенными становятся случаи присвоения чужих текстов, когда плагиаторы даже «из вежливости» не ставят на первоисточник ни единой ссылки. Несколько лет тому назад автор этих строк опубликовал в соавторстве материалы из следственного дела В. В. Шульгина⁵¹. К сожалению, эти публикации стали объектом плагиата. На сайте Санкт-Петербургского бюро политического анализа некий Д. А. Витушкин опубликовал статью «Шульгин Василий Витальевич»⁵². В части статьи, названной «Возвращение», он ссылается на следственное дело Шульгина. Однако с этим следственным делом Витушкин никогда не работал, а просто дословно, без ссылки на первую публикацию, переписал цитаты и сноски из публикации А. В. Репникова и В. С. Христофорова⁵³. Были заимствованы сноски на ЦА ФСБ России № 41 и № 44. В материале Витушкина есть и прямые заимствования, которые легко выявляются при сравнении. Приведу только один фрагмент, где встречаются ссылки на архивные материалы, которые Витушкин никогда не держал в руках. «В октябре 1944 года Сремски Карловцы, где жил В. В. Шульгин, были освобождены Советской Армией. 2 января 1945 года он, когда шел за молоком, был задержан в югославском городе Нови-Сад оперуполномоченным 3-го отделения 1-го отдела Управления контрразведки “Смерш” 3-го Украинского фронта лейтенантом Ведерниковым по указанию начальника 3-го отделения Чубарова Александра Ивановича (Начальником 1 отдела Управления в то время был подполковник Неживов, а начальником Управления фронта П. И. Ивашутин)⁵⁴. После проведения первичного допроса В. В. Шульгин был вывезен сначала в Венгрию, затем Москву, где только 31 января его арест был оформлен процессуально⁵⁵. После предъявления обвинения В. В. Шульгину и проведения следствия, которое продолжалось более двух лет, по решению Особого совещания при МГБ СССР он был приговорён к тюремному заключению сроком на 25 лет. В вину ему вменялся стандартный набор различных частей ст. 58. УК РСФСР. На вопрос, заданный перед вынесением приговора, признаёт ли он себя виновным, В. В. Шульгин ответил: “На каждой странице моя подпись, значит, я как бы подтверждаю свои

дела. Но вина ли это, или это надо назвать другим словом — это предоставьте судить моей совести” [Красюков 1994: 128]. Срок В. В. Шульгин отбывал во Владимирской тюрьме (1947—1956), познакомившись с неординарными сокамерниками, среди которых был философ Даниил Андреев, академик Василий Парин, князь П. Д. Долгоруков, пленные немцы и японцы»⁵⁶.

А вот отрывок из публикации Репникова и Христофорова: «В октябре 1944 г. Сремские Карловцы, где жил В. В. Шульгин, были освобождены Советской Армией. 2 января 1945 он был задержан в югославском городе Нови-Сад оперуполномоченным 3-го отделения 1-го отдела Управления контрразведки “Смерш” 3-го Украинского фронта лейтенантом Ведерниковым по указанию начальника 3-го отделения Чубарова Александра Ивановича (Начальником 1 отдела Управления в то время был подполковник Неживов, а начальником Управления фронта П. И. Ивашутин)⁵⁷. ... После проведения первичного допроса В. В. Шульгин был вывезен сначала в Венгрию, затем Москву, где только 31 января его арест был оформлен процессуально⁵⁸. После предъявления обвинения В. В. Шульгину и проведения следствия, которое продолжалось более двух лет, по решению Особого совещания при МГБ СССР он был приговорен к тюремному заключению сроком на 25 лет. В вину ему вменялся стандартный набор различных частей ст. 58. УК РСФСР. На вопрос, заданный перед вынесением приговора, признает ли он себя виновным, В. В. Шульгин ответил: “На каждой странице моя подпись, значит, я как бы подтверждаю свои дела. Но вина ли это, или это надо назвать другим словом — это предоставьте судить моей совести”⁵⁹. Срок В. В. Шульгин отбывал во Владимирской тюрьме (1947—1956), познакомившись с неординарными сокамерниками, среди которых был философ Даниил Андреев, академик Василий Парин, князь П. Д. Долгоруков, пленные немцы и японцы»⁶⁰.

Что касается публикаций и републикаций работ русских консерваторов, то в силу недостатка места кратко обозначу некоторые проблемы в этой области. Небрежный стиль характеризует републикацию воспоминаний князя Н. Д. Жевахова, осуществленную в 2006 году Платоновым⁶¹. О том, откуда именно осуществлена перепечатка воспоминаний, нигде не указывается. При сравнении издания 2006 года с выпущенным ранее изданием

1993 года⁶², подготовленным А. Н. Стрижевым, можно заметить, что в издание 2006 года без каких-либо оговорок не были включены все главы из первого тома, вплоть до главы «Облавы»⁶³. Издание Платонова начинается с главы «Облавы»⁶⁴ и далее включает текст до главы «Освобождение»⁶⁵ и саму главу. Потом идут главы из 2-го тома «После ареста»⁶⁶ вплоть до главы «Происхождение власти», включая последнюю. Далее не включены все главы, кроме главы «Дурман» и главы «Уроки революции», озаглавленной Платоновым как «послесловие». Отмечу, что в 2007 году в Петербурге издательством «Царское Дело» была осуществлена републикация воспоминаний Жевахова в полном объеме, сделанная по первоисточнику с приложением статьи А. Д. Степанова⁶⁷.

Сегодня в России популярны работы Л. А. Тихомирова. В результате появились переиздания, которые дублируют вышедшие ранее книги без ведома их составителей. Приведу наиболее вопиющие факты. В 1999 году С. М. Сергеевым впервые была опубликована повесть Тихомирова «В последние дни (Эсхатологическая фантазия)»⁶⁸. Работа была переиздана в сопровождении статьи С. В. Чеснокова с комментариями Сергеева без ведома исследователей и ссылок на первую публикацию, о чем автору этих строк сообщил Сергеев⁶⁹. Вступительная статья Чеснокова «Лев Тихомиров. По обе стороны баррикад» была взята издателями с интернет-сайта, адрес которого приводится. Текст повести Тихомирова и комментарии Сергеева были взяты из книги «Христианство и политика» без ссылок на первоисточник. В «пиратском» издании указано, что это «издание православного братства во имя Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня».

В 2004 году издательство «Библиотека Сербского Креста»⁷⁰, а в 2006 году известное издательство «Айрис-пресс»⁷¹ выпустили «Монархическую государственность» Тихомирова. По какому тексту осуществлена публикация 2004 года — не указывалось. В издании 2006 года от издательства сообщалось, что «книга печатается по репринтному изданию Российского имперского союза-ордена (Санкт-Петербург, 1992)». Это не соответствует действительности, поскольку в книге 1992 года, на которую ссылается «Айрис-пресс»⁷², отсутствуют редакционные примечания к тексту Тихомирова, включенные непосредственно в тихомировский текст издания 2006 года. Эти примечания не принад-

лежат Тихомирову, и поначалу можно предположить, что они сделаны издательством. Однако при сравнении текстов оказывается, что они совпадают с примечаниями С. М. Сергеева и З. Г. Антипенко к изданию «Монархической государственности» 1998 года⁷³. В беседе с автором этой статьи С. М. Сергеев выразил удивление тем, что написанные им тексты используются без его согласия. Таким образом, можно констатировать, что в изданиях «Монархической государственности» 2004 и 2006 годов воспроизводятся (без ссылок на первоисточник) примечания и указатель имен (сост. А. В. Ефремов) из издания 1998 года. К сожалению, в первоначальном аннотированном указателе имен, составленном А. В. Ефремовым, встречаются многочисленные ошибки в датах и написании имен, которые без исправлений перекочевали и в издания 2004 и 2006 годов⁷⁴.

В 1997 году М. Б. Смолин осуществил публикацию книги Л. А. Тихомирова «Религиозно-философские основы истории», которая вышла 5-тысячным тиражом в серии «Пути русского имперского сознания» как «Приложение к журналу “Москва”»⁷⁵. Оригинал рукописи хранится в ГА РФ, однако гриф архива или ссылка на него в издании Смолина отсутствуют. На этот факт в 2000 году обратил внимание исследователь С. В. Чесноков⁷⁶. Впоследствии данная книга Тихомирова неоднократно переиздавалась Смолиным. В 2007 году вышло 5-е издание⁷⁷. Во вступительной статье Смолин подчеркивает, что «настоящее издание впервые печатается с большими дополнениями и выписками, которые Л. А. Тихомиров делал для написания самого текста “Религиозно-философских основ истории”»⁷⁸. О том, что «книга выходит с приложением, значительно дополняющим предыдущие издания», мы узнаем еще дважды — из сообщения, помещенного рядом с титульным листом, и из аннотации⁷⁹. Сообщается и о том, что издание осуществлено «по благословлению архиепископа Самарского и Сызыранского Сергия»⁸⁰. Отсутствует только (уже в который раз) ссылка на ГА РФ и указание на то, откуда взяты и где хранятся сама работа «Религиозно-философские основы истории» и впервые публикуемые тихомировские записи.

Можно сделать вывод, что как апологетика, так и критика историографии русского консерватизма ведется некоторыми авторами отнюдь не в рамках научного дискурса, а на уровне «на-

вешивания ярлыков». Использование в их статьях эмоционально-оценочных эпитетов и грубых выпадов в адрес оппонентов (наряду с превосходной оценкой собственных трудов) лишает эти материалы какой-либо научной значимости и переводит их в разряд публицистики. Не владея или плохо владея источниками (особенно архивными), эти авторы или выдергивают из контекста «удобные» им цитаты, или намеренно искажают факты. Публикация и републикация работ русских консерваторов в ряде случаев также далека от соблюдения элементарных археографических норм. Порой имеют место примеры откровенного плагиата, и эти негативные явления нельзя замалчивать.

Можно говорить как о намеренном искажении истории русского консерватизма в угоду сиюминутным целям, так и о ненамеренной небрежности, проистекающей из отсутствия профессионализма или же из-за излишней поспешности при подготовке изданий. Исторические фальсификации (какими бы «благородными» мотивами не руководствовались их изготовители), как и грубейшие ошибки, граничащие с невежеством, оправдать нельзя, но случайно допущенные неточности и опечатки, к сожалению, вещь неизбежная.

Примечания

¹ Радаев В. Об истоках и характере консервативного сдвига в российской идеологии // Иное: Хрестоматия нового российского самосознания. М., 1995. Т. 1; С верой в Россию. Российский консерватизм: история, теория, современность. М., 1999; Российская цивилизация: Этнокультурные и духовные аспекты: Энцикл. слов. М., 2001; Библиотека Единой России. Кн. 1: Идеи; Кн. 2: Люди; Кн. 3: Действия. М., 2003; Западники и националисты: возможен ли диалог?: Материалы дискуссии. М., 2003.

² Подробный анализ проблем историографии и источниковедения см. в нашей монографии: *Репников А. В.* Консервативные концепции переустройства России. М., 2007. С. 21—100.

³ О том, как далеко можно зайти, эксплуатируя имя и идеи того или иного русского консервативного мыслителя, свидетельствует состоявшаяся 14 декабря 2002 года в стенах Российской Государственной библиотеки (!) конференция в честь 180-летия со дня рождения Н. Я. Данилевского. Ее организаторами было произнесено «первое

молитвенное славославие» «в честь нашего Духовного Учителя Н. Я. Данилевского» и «медитативный акт в память о Н. Я. Данилевском». Досидевшим до конца конференции слушателям (автор этих строк к ним не относится) обещали предоставить возможность выслушать «Песнь Славы», которая «является высшим медитативным текстом годового Цикла Медитаций».

- ⁴ Святая Русь: Большая Энциклопедия Русского Народа. Русский патриотизм / Гл. ред., сост. *О. А. Платонов*, сост. *А. Д. Степанов*. М., 2003.
- ⁵ Там же. С. 379. Автор статьи не указан; объем статьи составляет 6 строчек, фотографии нет.
- ⁶ Там же. С. 380. Автор статьи не указан; объем статьи составляет 4 строчки, фотографии нет.
- ⁷ Там же. С. 193. Автор статьи — О. П. [Олег Платонов]; объем статьи составляет 4 строчки, фотографии нет.
- ⁸ Там же. С. 442. Автор статьи не указан; объем статьи составляет 9 строчек, фотографии нет.
- ⁹ *Платонов О.* Вонсяцкий А. А. // Там же. С. 148. Замечу, что объем статей, посвященных «русским фашистам», значительно превышает объем вышеуказанных статей, посвященных Космодемьянской, Кошевому и Матросову. Статьи о Вонсяцком и Родзаевском также снабжены фотографиями.
- ¹⁰ *Гусев К.* Родзаевский К. В. // Там же. С. 628—629.
- ¹¹ *Ширинаев А.* Русский фашизм // Там же. С. 677.
- ¹² *Степанов А.* Бутми-де-Кацман Г. В. // Там же. С. 113.
- ¹³ Шульгин В. В. // Там же. С. 885; Власов Ю. П. // Там же. С. 143. В обеих статьях авторы не указаны.
- ¹⁴ *Платонов О.* Сталин И. В. // Там же. С. 765.
- ¹⁵ *Сергеев С.* Две книги о патриотизме и патриотах // Москва. 2003. № 11. С. 202.
- ¹⁶ *Фомин С.* Дитерихс М. К. // Святая Русь... Русский патриотизм. С. 221—224; *Он же*. Келлер Ф. А. // Там же. С. 354—356.
- ¹⁷ *Ильин И. А.* Предисловие // Там же. С. 5—20. И. А. Ильин также значится «автором» статей «Национализм», «Русская идея» и др. (Там же. С. 477—481; 651—654). Автором статьи «Национальность» стал С. Булгаков (Там же. С. 481—482). Автором многих статей указан покойный митрополит Санкт-Петербургский Иоанн (Снычев).
- ¹⁸ Святая Русь: Большая Энциклопедия Русского Народа. Русское мировоззрение / Гл. ред., сост. *О. А. Платонов*. М., 2003. Например, статьи: «Кожевников В. А.» (автор Н. О. Лосский), «Мережков-

- ский Д. С.» (автор В. В. Зеньковский), «Народная монархия» (авторы Л. А. Тихомиров и К. П. Победоносцев, использованы фрагменты из их работ); «Розанов В. В.» (авторы В. В. Зеньковский и некий Д. К.), «Россия и Европа» (автор Н. Н. Страхов), «Самарин Ю. Ф.» (автор В. В. Зеньковский) и т. д.
- ¹⁹ *Сергеев С.* Указ. соч. С. 200—203.
- ²⁰ Там же. С. 202—203.
- ²¹ *Федоров В.* Победоносцев К. П. // Святая Русь... Русский патриотизм. С. 576.
- ²² Там же. С. 464.
- ²³ Там же. С. 289. Автор статьи не указан, вообще в издании много статей, авторы которых или не указаны или скрыты за инициалами (некоторые инициалы, впрочем, легко расшифровываются).
- ²⁴ *Дурновоцев В. А., Бачинин А. Н.* Ученый грызун: Д. И. Иловайский // Историки России XVIII — начала XX века. М., 1996. С. 377. См.: *Цветаева М.* Дом у Старого Пимена // Цветаева М. Проза. М., 1989.
- ²⁵ *Дурновоцев В. А., Бачинин А. Н.* Указ. соч. С. 377—378.
- ²⁶ Указано: «Розенталь И. С. Пуришкевич в 1917 // Сборник статей, посвященный 60-летию В. В. Журавлева. М., 1998». Правильно: «Розенталь И. С. Пуришкевич — известный и неизвестный (К вопросу об эволюции правого радикализма в России) // Проблемы политической и экономической истории России: Сборник статей. К 60-летию профессора В. В. Журавлева. М., 1998. С. 284—303». См.: *Степанов А.* Пуришкевич В. М. // Святая Русь... Русский патриотизм. С. 607.
- ²⁷ Указано: «Погрешности обновления 17 окт. 1905 государственного строя и попытка их устранения. М., 1910». Правильно: «Погрешности обновленного 17 октября 1905 года Государственного строя и попытка их устранения. М., 1910» (см.: *Степанов А.* Пасхалов К. Н. // Там же. С. 548).
- ²⁸ Указано: «*Ромов Р.* “Консервативный бомбист” в русском парламенте // Завтра. 2000. 18 апр.». Правильно: «*Ромов Р.* “Консервативный бомбист” в русском парламенте // День литературы. 2000. № 7/8». См.: *Степанов А.* Крушеван П. А. // Там же. С. 386.
- ²⁹ *Смолин М.* Тихомиров Л. А. // Там же. С. 794.
- ³⁰ *Платонов О., Степанов А.* Шарапов С. Ф. // Там же. С. 861.
- ³¹ *Сергеев С.* Указ. соч. С. 202. Авторы статьи «Селезнев Ю. И.» — С. Лобзова и О. Платонов (Святая Русь... Русский патриотизм. С. 708).
- ³² *Стогов Д. И.* Правомонархические салоны Петербурга — Петрограда (конец XIX — начало XX века). СПб., 2007. С. 13. Статья

- С. В. Лебедева, подписанная инициалами С. Л., помещена на 96—97 страницах энциклопедии.
- ³³ *Смолин М. Б.* Энциклопедия имперской традиции русской мысли. М., 2005.
- ³⁴ Здесь и далее объем статей дается без учета списка источников и литературы.
- ³⁵ Там же. С. 419. Вместе с тем в сноске 90 другая диссертация указывается даже с упоминанием вуза, в котором она была защищена. В сноске 22 указано только название работы Аптекмана, без атрибуции; в сноске 23 не указано место и год выхода книги, в сноске 29 не указана фамилия автора, в сноске 71 — отсутствуют места издания перечисленных книг и т. д.
- ³⁶ Там же. С. 255.
- ³⁷ *Лакёр У.* Черная сотня. Происхождение русского фашизма. М., 1994.
- ³⁸ На эту особенность обращают внимание и другие исследователи. «В книге много других фактических ошибок и, соответственно, неточных обобщений, но в целом автору удалось сделать хороший обзор идейной истории русской правой» (*Стрелков А. Т.* Черная сотня в Центральном Черноземье. Курск, 2003 [на обложке книги ошибочно указан 2000 г.]. С. 23—23).
- ³⁹ *Лакёр У.* Черная сотня. Истоки русского фашизма. Вашингтон, 1994.
- ⁴⁰ *Лакёр У.* Черная сотня. Происхождение русского фашизма. С. 40.
- ⁴¹ *Лакёр У.* Черная сотня. Истоки русского фашизма. С. 41.
- ⁴² С. 471. А вот Г. В. Бутми, обозначенный в указателе имен к вашингтонскому изданию как «Де Кацман Бутми», из указателя имен в московском издании просто пропал.
- ⁴³ *Лакёр У.* Черная сотня. Происхождение русского фашизма. С. 60, 74, 425.
- ⁴⁴ Там же. С. 271, 418. Подобное искажение фамилий присутствует и в вашингтонском издании.
- ⁴⁵ Там же. С. 69, 424.
- ⁴⁶ Там же. С. 46.
- ⁴⁷ *Лакёр У.* Черная сотня. Истоки русского фашизма. С. 73.
- ⁴⁸ *Лакёр У.* Черная сотня. Происхождение русского фашизма. С. 89.
- ⁴⁹ *Лакёр У.* Черная сотня. Истоки русского фашизма. С. 90.
- ⁵⁰ *Савицкий И. П.* Прага и зарубежная Россия: (Очерки по истории русской эмиграции 1918—1938 гг.). Прага, 2002. С. 54, сноска 1.
- ⁵¹ *Репников А. В., Христофоров В. С.* Неизвестный Шульгин // Консерватизм в России и мире: В 3 ч. Воронеж, 2004. Ч. 1. С. 218—237; Из архивного следственного дела № Р—48956 в отношении Шульгина Василия Витальевича / Публ. и коммент. А. В. Репникова,

- В. С. Христофорова* // Консерватизм в России и мире: В 3 ч. Воронеж, 2004. Ч. 3. С. 162—182.
- ⁵² *Витушкин Д. А.* Шульгин Василий Витальевич. <http://politanaliz.land.ru/shulgin1.htm>
- ⁵³ *Репников А. В., Христофоров В. С.* Указ. соч. С. 231.
- ⁵⁴ Центральный архив (далее — ЦА) ФСБ РФ. Д. Р—48956. Л. 9—9 об.
- ⁵⁵ ЦА ФСБ РФ. Д. Р—48956. Л. 3.
- ⁵⁶ *Витушкин Д. А.* Указ. соч.
- ⁵⁷ См.: ЦА ФСБ РФ. Д. Р—48956. Л. 9—9 об.
- ⁵⁸ Там же. Л. 3.
- ⁵⁹ Цит. по: *Красюков Р. Г.* Лица: Биограф. альманах. СПб., М., 1994. Т. 5. С. 128.
- ⁶⁰ *Репников А. В., Христофоров В. С.* Указ. соч. С. 231; Подробнее см.: *Шульгин В. В.* Пятна...
- ⁶¹ *Жевахов Н. Д.* Еврейская революция / Под ред. *О. А. Платонова.* М., 2006.
- ⁶² *Жевахов Н. Д.* Воспоминания. Т. 1: Сентябрь 1915 — март 1917. М., 1993. Т. 2: Март 1917 — январь 1920. М., 1993.
- ⁶³ Т. е. до с. 289 первого тома издания 1993 г.
- ⁶⁴ С. 289 того же издания.
- ⁶⁵ С. 321 того же издания.
- ⁶⁶ С. 8 второго тома издания 1993 г.
- ⁶⁷ Воспоминания товарища Обер-прокурора Святейшего Синода князя Н. Д. Жевахова. СПб., 2007.
- ⁶⁸ См.: Христианство и политика. М., 1999. С. 393—538.
- ⁶⁹ *Тихомиров Л. А.* В последние дни. М., 2004.
- ⁷⁰ *Тихомиров Л. А.* Монархическая государственность. М., 2004. Тираж 3000 экземпляров.
- ⁷¹ *Тихомиров Л. А.* Монархическая государственность. М., 2006. (Библиотека истории и культуры). Тираж 2000 экземпляров.
- ⁷² *Тихомиров Л. А.* Монархическая государственность. Российский имперский союз-орден. СПб., 1992. Тираж 10 000 экземпляров.
- ⁷³ *Тихомиров Л. А.* Монархическая государственность. М., 1998. Тираж 5000 экземпляров.
- ⁷⁴ Например, Юрий Федорович Самарин стал Юрием Федотовичем (Там же. С. 656). Эта опечатка была воспроизведена в изданиях 2004 (С. 509) и 2006 гг. (С. 610).
- ⁷⁵ *Тихомиров Л. А.* Религиозно-философские основы истории. М., 1997.
- ⁷⁶ «Издано М. Смолиным без ссылки на ГА РФ; см. ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 48—58» (*Чесноков С. В.* «Социология господства» Макса

Вебера сквозь призму теории верховной власти Л. А. Тихомирова // ПОЛИС. 2000. № 2. С. 171).

⁷⁷ Тихомиров Л. А. Религиозно-философские основы истории. 5-е изд., доп. М., 2007.

⁷⁸ Смолин М. Б. Всеобъемлющий идеал Льва Тихомирова // Там же. С. 22.

⁷⁹ Там же. С. 2, 4.

⁸⁰ Там же. С. 4.

А. В. Квакин

РУССКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И СОВЕТСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ПОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ (1917—1927 гг.)

После прихода к власти в Октябре 1917 г. большевистская партия приступила к строительству нового быта и повседневной жизни граждан Советской России, насильственно ликвидировав прежние высшие классы и сословия («помещиков и капиталистов») и сельскую общину с ее жизненным укладом. Часть классов и сословий подверглась физическому уничтожению в ходе Гражданской войны и «красного террора», другая часть — эмигрировала, а третья — принудительно или по доброй воле оказалась на службе у «пролетарской власти» в роли хорошо оплачивавшихся «старых», «буржуазных специалистов» — «спецов». Все это удалось сделать потому, что цели большевиков на время сомкнулись с народной «правдой», отторгавшей частную собственность и не признававшей прав собственников¹. На месте разрушенной прежней жизни возник тотально огосударственный и идеологически унифицированный социум, обслуживавший по-

---

© Квакин А. В., 2008

Квакин Андрей Владимирович — доктор исторических наук, профессор кафедры истории Российского государства Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

требности форсированного военно-индустриального развития². Лидеры большевиков не скрывали, что социалистический идеал, который они исповедовали, с крестьянским хозяйством и уравнительным землепользованием не сочетается. Будущее они видели в крупных сельскохозяйственных предприятиях, организованных по типу индустриальных, и в коллективном труде³. Но они готовы были поначалу идти крестьянам на уступки, считаясь с их вековыми привычками и ограничиваясь созданием «образцовых» коммун, которые должны были демонстрировать «преимущества коллективного хозяйствования перед индивидуальным»⁴.

В отличие от западного варианта модернизации со стремлением к социально-правовому равенству в изобилии и материальной самостоятельности, в Советской России большевистские правители «вытравили быт и уничтожили отдельных людей», как писал поэт⁵. Провозглашенные в 1917 г. революционные лозунги всеобщего равенства, братства, построения счастливого будущего для всех граждан свелись к насильственному насаждению казарменного социализма по единому образцу с созданием «идеального человека коммунистического завтра». Жизнь отдельного человека подчинялась главной идее — построения нового социалистического общества⁶. Тяжелейшие условия жизни в «рабоче-крестьянском государстве» выработали непритязательность, закалили будущие поколения в пекле нового и едва забытого старого коллективного (коммунального) быта. Нищета, дефицит, разруха проникли во все сферы жизни россиян и стали важнейшими факторами зарождения нового типа советского сознания.

Доктринальные марксистские соображения понуждали большевиков вместе с частной собственностью устранять и рынок: свободная рыночная торговля при социализме исключалась, а ее допущение означало прямой путь к капиталистической реставрации. Социалистический идеал требовал замены торговли прямым натуральным продуктообменом. Однако город с его разрушенной войной и революцией промышленностью предложить деревне в обмен на хлеб почти ничего не мог. Поэтому власть, чтобы сохранить свою социальную опору в городских центрах, вынуждена была изымать у крестьян хлеб насильственно⁷. Сравнивая положение столиц с провинциальными центрами, видно, что ухудшение уровня жизни в них отставало

от столиц до середины 1919 г. Позже ситуация стала выравниваться и к исходу «военного коммунизма», в начале 1921 г., приняла едва ли не худший, чем в столицах, оборот. Не было одинаковым положение и между провинциальными центрами. В географическом, пространственном измерении действовал закон близости/удаленности от Москвы и производящего хозяйства. В социальной же сфере измерения исторического бытия был в ходу закон удаленности/близости к власти и к классу-гегемону. Эти два закона имели диаметрально противоположные следствия. В первом случае — «чем дальше, тем лучше», во втором — «чем ближе, тем лучше»⁸. Приближенность к власти давала огромные преимущества в качестве и объеме питания и продовольственного снабжения.

Диспропорцию в уровне жизни власти и общества можно выразить следующим приблизительным соотношением: 12 — большевики и те, кто был с ними у власти; 4 — рабочие, советские работники, дети, инвалиды, кормящие и беременные женщины; 1 — остальное население. К общим и повсеместным явлениям повседневной жизни времен Гражданской войны в России следует отнести тот факт, что затраты на продовольствие стали занимать гораздо большее место в расходах и в сознании горожан, чем раньше. Исключительная ценность продуктов питания в условиях голода привела к их гротескно недоступным ценам на исходе Гражданской войны в России. Доступными и фактически обесцененными оказались тогда только сферы социального питания (столовые), жилищно-коммунальных платежей, бытовых услуг (бани, парикмахерские) и развлечения (билеты в театр и кино). Поэтому и стали официально бесплатными столовые, ЖКХ, трамваи, бани с января 1921 г. Питание отнимало столько материальных средств, физических сил и времени на его добычу, что поиск его стал главным смыслом жизни и единственным способом выживания в советских городах. Началась жизнь в «хвосте» от пайка до пайка, вечное существование с мешком за спиной в надежде на добычу чего-либо съестного по пути на работу и назад⁹. Такой быт приводил к определенной переоценке ценностей, к материализации массового сознания от постоянных дум о продовольствии. Литератор К. И. Чуковский, например, не мог читать из-за голода, из-за мыслей о еде. А известный физик

С. Э. Фриш, переживший Гражданскую войну в Петрограде, писал: «Мысли о еде приобретали навязчивый характер. Это было самое страшное: менялись обычные способы мыслить и воспринимать жизнь»¹⁰.

Бытие стало определять сознание россиян тогда в крайней степени, что отразилось на формировании нового общества и нового человека. В 1920-х гг. неоднородность общества сохранялась. Она постоянно видоизменялась, что находило отчетливое проявление в бытовой культуре. Начинает формироваться новая привилегированная категория людей. Государственная машина подминала под себя, прежде всего, интеллигенцию. В тяжелейших жизненных условиях система привилегий и льгот давала возможность использовать ее как идеологический двигатель. Элитарный слой начал складываться из представителей партийных органов, руководителей промышленных предприятий и инженерно-технического состава высшего звена, научной и творческой интеллигенции. Писатели, например, были признаны «инженерами человеческих душ» и в ряду творческих работников постепенно занимали особое место¹¹. Новая символика только зарождалась и, очевидно, не имела такого глубинного влияния на сознание масс, как старые символы и атрибуты быта и власти. Возрождение атрибутов-символов власти проявлялось и в очередном появлении «своих», например, на передней площадке теперь уже советского трамвая.

Совершенный прыжок в очередное царство дефицита и необходимости стал залогом будущей привычки к нищете, очередям, недоеданию, бытовой неустроенности. С завершением Гражданской войны обнаружился раскол между «рабоче-крестьянским государством» и общинно-вечевой культурой. Выяснилось, что речь идет не о неприятии крестьянами Советской власти как таковой, а о принципиально иной, чем у большевиков, ее интерпретации¹². Лозунг «Советы без большевиков!» был ответом ущемленных крестьянских интересов на политику государства, которое и после войны намеревалось сохранить продрозверстку, предполагавшую изъятие у земледельцев всех продуктовых излишков¹³. Но в этом ответе, выразившемся, в том числе и в вооруженных восстаниях, содержался и альтернативный большевистскому социальный идеал, вписывавший Советы в общинно-ве-

чевую традицию¹⁴. «Новая экономическая политика», допускавшая свободную рыночную торговлю, была реакцией большевиков не на общинный идеал, природа которого оставалась ими нераспознанной, а на недовольство продразверсткой. НЭП успокоил крестьян и способствовал быстрому экономическому росту — в течение нескольких лет разрушенное войнами и смутой хозяйство было восстановлено. В последний период НЭПа властям удалось-таки расколоть и тем самым фактически ликвидировать общину¹⁵. Растущее налогообложение зажиточных крестьян при расширении слоя освобожденной от налогов бедноты (к концу 1920-х годов он был доведен до 35 % сельского населения) и сосредоточении всех налоговых функций в руках чиновников, имевших теперь дело с отдельными крестьянскими дворами, а не с «сельским миром», подорвали до того несокрушимые общинные устои¹⁶. При низких закупочных ценах и дороговизне промышленных товаров такая политика привела к трудностям с хлебозаготовками, препятствовавшим осуществлению намеченных планов индустриализации, ответом на это стала принудительная сталинская коллективизация¹⁷.

Что касается прав граждан, то уже сам факт отсутствия в их перечне права частной собственности означал полную экономическую зависимость человека от государства и полную независимость государства, как единственного собственника и распорядителя ресурсов, от человека. Оно могло как перебрасывать людей из одного региона в другой, руководствуясь своими нуждами и не спрашивая их согласия, так и пожизненно закреплять на одном месте, отправлять на принудительные работы. Приход большевиков к власти способствовал исчезновению прежнего правового пространства, правоохранительной системы. Прагматичный и идеологизированный подход к праву, которым отличились большевики, не привел их к идее и практике планомерной борьбы по искоренению преступности. Двойственное отношение новой власти к преступному миру в первую очередь определялось идеологией. Уголовный каторжник царских времен с пролетарскими корнями мог быть признан социально более близким режиму, нежели доброжелательный мелкий городской буржуа. Регулярные амнистии, смягчение наказания преступникам, пострадавшим еще от прежней власти, говорят о снисходительном

отношении к нарушителям закона. Этим большевики не способствовали снятию криминальной напряженности в стране. Новый взгляд на преступления, новая классификация и интерпретация преступных действий стали проводиться в жизнь. Например, преступления против Церкви перестали считаться нарушением закона и не наказывались, зато частная торговля по вольным ценам или критика режима могли стоить человеку жизни, чего раньше не было. Трактовка преступного поведения властью была подчас трудно объяснимой. Причина того кроется и в отсутствии нового свода уголовных законов. Старые же нормы права применялись сотрудниками органов с опаской быть заподозренными в «буржуазности».

Нельзя обойти вниманием проблему влияния войны на рост преступности. С фронта в городскую социальную среду хлынула военная психология, масса оружия, и сам «человек с ружьем» вернулся в повседневную жизнь. Стал главенствовать культ силы и насилия в обществе¹⁸. Тяжелое материальное положение и низкие нравственные качества стражей порядка и членов правящей партии на местах давали дополнительный импульс росту преступности в рядах самих властных структур. Власти всех уровней и рангов нарушали закон. Возможно, многие из них искренне верили в то, что низложение буржуазных законов давало им право на любые действия под вывеской «блага народа» и «дел революции». Важно отметить рост преступности не в количественных показателях и в географии распространения, а в вертикальном социальном срезе: преступная деятельность проникла во все слои социума. Преступность изменяла повседневную жизнь. Из-за банды пресловутых «попрыгунчиков» осенью 1917 г. в Петрограде боялись выйти на улицу в вечернее и ночное время. Зимой — весной 1918 г. во всех городах боялись пьяных красногвардейцев и солдат. В ответ на постоянные угрозы жизни обыватели стали перенимать модели поведения у преступников и военизированных полукриминальных властей. Преступность сверху оправдывала и вызывала к жизни преступность снизу. Насилие — в виде самосудов — проникло в глубины массового сознания, стало урядным бытовым явлением жизни российских городов. Кроме того, обострение правового нигилизма отразилось во всеобщем несунстве и воровстве. Необходимо обратить внимание на ней-

трализирующее воздействие на массы развертывания широкомащтабной Гражданской войны и международной интервенции весной 1918 г., благодаря которым прекратились самосуды, большинство жителей стало пассивно свыкаться с новыми условиями жизни, и большевики смогли удержаться у власти¹⁹.

Победив в Гражданской войне, они сразу же столкнулись с проблемой организации народного хозяйства и обеспечения дисциплины народного труда, причем на таких началах, каких мировая экономика до того не знала. Для того чтобы убедиться в этом, достаточно просмотреть работы В. И. Ленина 1920 г.: ключевые слова в них — «организация» и «дисциплина». Предполагалось, что та и другая должны быть принципиально новыми. Новизна же, в свою очередь, должна была проистекать из того, что рабочие и крестьяне впервые получили возможность работать не на «помещиков и капиталистов», а на себя, т. е. на свое собственное, «рабоче-крестьянское государство»²⁰. Однако опыта организации такой работы у большевиков не было, наглядно продемонстрировать ее преимущества они не могли. Точнее, у них был лишь успешный опыт строительства Красной Армии и военной организации в более широком смысле слова: ведь даже коммунистические субботники, в которых Ленин усмотрел проявление «свободной и сознательной дисциплины трудящихся»²¹, появились в годы Гражданской войны в России. Эти практики большевики и пытались перенести в послевоенное время, этим и объясняется, почему столь разные, на первый взгляд, явления, как трудовые армии и субботники, рассматривались ими в одном ряду. Они апеллировали к опыту Гражданской войны, потому что победа в ней казалась им убедительным подтверждением преимуществ новой организации и дисциплины, которые могут быть с не меньшим успехом использованы и в мирной жизни. «Пусть рабочий класс организует производство, как организовал он Красную Армию», пусть каждый рабочий проявит себя в созидательной работе «как член Красной армии труда» — такова была послевоенная идеология большевиков, предполагавшая превращение всего населения страны в единый армейский организм, подчиняющийся единой воле партии при реализации разработанного ею «единого хозяйственного плана».

Не пройдет, однако, и года, как от этого проекта придется отказаться. Соприкосновения с жизнью он не выдержит, ибо она ответит на него крестьянскими восстаниями, реакцией на которые станет переход от «военного коммунизма» к НЭПу. При этом уже с 1917 г. настало время простых мер и быстрых решений. Появился новый социальный тип «человек солдатообразный». Жулики и партийные активисты, обыватели и солдаты пытались носить одинаковую военную форму не только для обеспечения себе бесплатного проезда на трамваях. Стирались внешние проявления социальных границ (одежда), и исчезала внутренняя индивидуальность отдельно взятых личностей в обществе. Стало сложно отделить преступника от стража порядка, промышленника от педагога и т. д. по внешнему виду, по манере поведения, по способу мыслить²².

Милитаристская практика на какое-то время отступит, но обслуживавшая ее милитаристская лексика сохранится и в годы НЭПа. Не было в истории страны столь явного уподобления мирной повседневности военной, что нашло свое отражение и в официальном языке. Слово «победа» приобрело в нем универсальное звучание и распространялось на любые успехи и достижения — как реальные, так и имитируемые. Предельно широкое значение было придано и таким словам, как «бой», «битва», «сражение», «штурм», не говоря уже о «борьбе»: они могли относиться и к проведению коллективизации, и к сбору урожая, и к форсированному строительству нового завода, и к развитию «метода социалистического реализма»²³. Но едва ли ни самым универсальным, наряду с «борьбой», стало слово «фронт», который мог быть трудовым, промышленным, сельскохозяйственным, идеологическим, культурным, бытовым — каким угодно. И это была не просто новая лексика. Это была лексика, обслуживавшая новую практику, которая выстраивалась по армейскому образцу²⁴. Авторское право на ее изобретение принадлежит Л. Д. Троцкому. Он впервые предложил перенести организацию хозяйственной жизни, сложившуюся в годы Гражданской войны и получившую название «военного коммунизма», в мирное время. Идея «милитаризации труда», предполагавшая повсеместное установление армейской дисциплины и непосредственное использование воинских частей («трудовых армий») на хозяйственных работах, была вы-

двинута Троцким на IX съезде партии (1920) и легла в основу решений съезда²⁵. Сталину, осуществившему второе издание этой практики, уже не нужно будет изобретать для нее идеологический язык. Он сможет воспользоваться тем военно-коммунистическим языком, который и при НЭПе не воспринимался как устаревший и не исчезал ни из официальных документов, ни со страниц газет²⁶.

Если же говорить о политических правах и свободах в РСФСР, то они реализовывались лишь на безальтернативных выборах в безвластные Советы и подконтрольные суды, а также на митингах и демонстрациях в поддержку «партии и правительства», включая осуждение объявленных властью «врагами народа»²⁷. Во всех других случаях использование законодательно дарованных свобод пресекалось (тоже законодательно) даже в бытовой повседневности: любой политически сомнительный и рассказанный анекдот мог повлечь за собой обвинение в «антисоветской деятельности» и длительное тюремное заключение²⁸.

Советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, на которые большевики первоначально опирались, стать основой государства были не в состоянии в силу самой своей общинно-вечевой, т. е. догосударственной природы. Их можно было использовать как политический фасад, но для управления страной требовалась стоявшая над ними и одновременно пронизывавшая их властная структура²⁹. Без такой структуры, учитывая атеистическое мировоззрение большевиков и многоконфессиональность страны, они не могли навязать России свою надконфессиональную идеологию. Без такой структуры невозможно было создать новую элиту, способную заменить прежнюю дворянскую, и обеспечить преемственность власти, отказавшейся легитимировать себя известными миру способами — именем Бога, юридическим законом или выборной (и тоже узаконенной) процедурой³⁰. Для того чтобы коммунистическая идеология превратилась в веру, в нее должны были поверить. Беспрецедентные масштабы насилия и идеологического принуждения тоже объясняют не все³¹. Они не объясняют, каким образом и почему немногочисленная организация революционеров-большевиков, мало кем воспринимавшаяся всерьез до 1917 г., смогла не только захватить власть, но и консолидировать вокруг себя миллионы людей, готовых осуществлять

насилие над миллионами своих соотечественников. Они тем более не объясняют, каким образом Коммунистическая партия сумела себя сакрализировать. Данная сакрализация была производной от сакрализации вождя, которая имела своим истоком сохранявшуюся «отцовскую» культурную матрицу³².

Для этого использовалось сочетание исторических традиций и революционных новаций. Без внедрения в массовое сознание образа «осажденной крепости» трудно было придать сакральный статус не только вождю (Ленину, Сталину), но и возглавляемой им Коммунистической партии. Подобно общине и ее замкнутому укладу, Советское государство изолировало страну от мира, противопоставив советское коллективное «мы» тому, что именовалось «враждебным капиталистическим окружением». Подобно общине, это государство устраивало регулярные переделы — с той, правда, немаловажной разницей, что перераспределялись не земельные участки, а должности и имущество «врагов народа». В российской истории были прецеденты использования военно-полевых судов и других чрезвычайных мер в мирное время, но не было случаев, чтобы власть в профилактических целях объявляла шпионами и агентами иностранных разведок или их пособниками сотни тысяч людей и уничтожала их без всякого суда или после навязанных признаний в «двурушничестве» на показательных процессах.

Большая коммунистическая община, в отличие от ее прообраза, была лишена собственной, автономной от государства самоорганизации. Именно потому, что была государственной³³. Эта община представляла собой совокупность атомизированных индивидуумов, принудительно и — одновременно — идеологически скрепленных обручем государственного коллективизма. Он не воспроизводил коллективизм локальных сельских миров, который большевики таковым не считали вообще³⁴. То, что подлежало коллективизации, причем не только в деревне, но и в городе, воспринималось ими как нечто буржуазно-индивидуалистическое и даже анархическое. Локальный общинный коллективизм и в самом деле был противогосударственным по причине своей догосударственности³⁵.

Атомизированные индивидуумы, выброшенные в город из традиционного жизненного уклада и оставшиеся при этом носи-

телями традиционной патриархальной культуры, были благодатным человеческим материалом для сакрализации и образа единого правителя, и возглавлявшейся им большевистской партии, и воплощавшегося в их деятельности исторического закона³⁶. Показательно, что в своем уставе она открыто именовала себя не гражданской, а военной структурой: «Партия является единой боевой организацией, связанной сознательной железной пролетарской дисциплиной»³⁷. Большевизм «объединяет в одну <...> политическую реальность начало воинствующее и начало церковно-религиозное. Тем самым в сферу гражданской политики вторгаются черты, свойственные сферам военной и религиозной <...> Партийный аппарат призван вести борьбу классов так, как ведут войну, то есть, применяя военную стратегию, в которой полностью приемлемы и насилие, и обман»³⁸.

Но «церковно-религиозное» начало большевизма могло окончательно утвердиться только как следствие подчинения массового сознания началу военному, точнее — военно-оборонительному. Уникальная особенность советской системы заключалась в том, что в ее основу была положена принципиально новая концепция, а именно — концепция перманентной гражданской войны в условиях гражданского мира³⁹. В таком виде она, конечно, не декларировалась, на «классовом» языке она звучала иначе, но суть проводившейся в ту эпоху политики этой формулировкой, как нам кажется, передается точнее, чем сталинской формулой об обострении классовой борьбы по мере продвижения к социализму⁴⁰. Соответственно, без этого немислима была бы и советская индустриальная модернизация с ее «штурмами», «сражениями», «мобилизациями» и «героическими победами»⁴¹. Левореволюционная риторика «авангарда» была ориентирована при этом против бытовщины и мещанства «средних» слоев — на мобилизацию поддержки нижних слоев, люмпенства.

Характерной приметой первого послереволюционного десятилетия была именно «борьба с мещанством». Под этими словами понимались, прежде всего, проявления дореволюционной бытовой культуры. В июле 1928 г. журнал «Бегемот» опубликовал карикатуру, изображавшую молодого человека перед зеркалом, с галстуком в руках: «Вот задача-то, не знаю, как быть: если сегодня будет лекция “Да здравствует культурная революция!”»,

надо надеть галстук, а если диспут “Долой мещанство!”, то ни в коем случае». «Борьба с мещанством» в силу своей агрессивности производила сильное моральное давление. Палец поэта В. В. Маяковского долго украшало золотое кольцо-печатка с инициалами Л. Ю. Б. На одном из выступлений он получил записку: «Тов. Маяковский! Вам кольцо не к лицу». Поэт ответил, что потому он и носит его не в ноздре, а на пальце. Но золотые украшения было уже не принято носить, и кольцо вынужденно переместилось у поэта на брелок с ключами⁴².

За всеми оценками повседневности в раннесоветскую эпоху — противопоставление режима мобилизации с его аскетизмом и самоотречением (включая военную мобилизацию и, в ослабленной форме, всегдашнюю уравнительную психологию) — и «мирного времени», «жизни для себя». В основе повседневной жизни советских людей — строго лимитированный набор благ и услуг, преобладание статусно-иерархической модели распределения благ. Повседневность, вне рабочее время, дом (включая второй дом) и семья понимаются населением как пространства почти исключительно для ускользания от общества-государства⁴³. В раннесоветскую эпоху быт задается и оценивается как воплощение буржуазного индивидуализма (антиколлективизм) и идейной, моральной приземленности — мещанства (ориентация на прошлое). А «новый быт» — это тотальная организация труда, семьи, свободного времени и прочее (влияние идеологии фордизма, вообще демонстративный американизм этого периода)⁴⁴. Знаковым можно считать описание распорядка дня советского рабочего, которое трудно воспринимать иначе, как образцово-показательное. Он приходит домой в 12 часов ночи, только переночевать. «Проработав, я иду в читальню, слушаю музыку или сам играю. В цеху рояль. Он стоит в красном уголке. Я здесь на заводе ем три раза в день вкусно и сытно. Я здесь учусь, я здесь отдыхаю. В читальне могу получить консультацию по любому вопросу, могу пойти в кино, оно тоже почти в цеху, хочу — “немое”, хочу — звуковое, могу пойти в бассейн поплавать, могу прилечь в комнате отдыха. Наши красные уголки просторные... здесь очень радостно, очень хорошо, по вечерам мне не хочется уходить отсюда»⁴⁵.

Примечания

- ¹ «Декрет о земле», в котором определялась политика большевиков в крестьянском вопросе после захвата ими власти, основывался на наказах самих крестьян. И первым пунктом этих наказов был следующий: «Право частной собственности на землю отменяется навсегда; земля не может быть ни продаваема, ни покупаема, ни сдаваема в аренду либо в залог, ни каким-либо другим способом отчуждаема» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 25).
- ² Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И. История России: конец или новое начало? М., 2005. С. 475.
- ³ Шерман С. Внутренний рынок и торговый быт Советской России // Нэп: Взгляд со стороны. Сб. М., 1991. С. 145—146.
- ⁴ Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И. Указ. соч. С. 476.
- ⁵ Блок А. А. Избранное. М., 1995. С. 509—510.
- ⁶ Стругова О. Среда обитания советского человека. 1920—1960-е годы // «По волнам нашей памяти»: (Городская жизнь 1920—1960-х годов). М., 2006. С. 2.
- ⁷ Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И. Указ. соч. С. 477.
- ⁸ Иванова Н. А. Промышленный центр России: специфика развития // Регионы и регионализм в странах Запада и России. М., 2001. С. 104.
- ⁹ Кобозева А. В. Культурно-антропологический анализ повседневной жизни Москвы: социальные эксперименты первого послереволюционного десятилетия: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2006. С. 6.
- ¹⁰ Фриш С. Э. Сквозь призму времени. М., 1992. С. 61.
- ¹¹ Стругова О. Указ. соч. С. 5.
- ¹² Орлов И. Б. Местная власть в 1920-е годы // Сталин. Сталинизм. Советское общество: К 70-летию В. С. Лельчука. М., 2000. С. 141—155.
- ¹³ Козлов О. В. Взаимодействие власти и общества в процессе создания советской системы управления народным образованием и культурой в российской провинции (1917—1922 гг.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2001. С. 1.
- ¹⁴ Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И. Указ. соч. С. 481.
- ¹⁵ Лебедева Л. В. Повседневная жизнь российской деревни в 20-е годы XX века: традиции и перемены: (На материалах Пензенской губернии): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2006. С. 11.
- ¹⁶ Виноградов С. В. Нэп: опыт создания многоукладной экономики. М., 1996. С. 39.
- ¹⁷ Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И. Указ. соч. С. 482.

- ¹⁸ *Олейник А. Н.* Тюремная субкультура в России: от повседневной жизни до государственной власти. М., 2001. С. 401.
- ¹⁹ *Ольнева О. В.* Повседневная жизнь провинциального города в 1917 году: (По материалам Ярославской губернии): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2005. С. 11.
- ²⁰ *Журавлев С. В.* «Крепость социализма»: повседневность и мотивация труда на советском предприятии, 1928—1938 гг. М., 2004. С. 208.
- ²¹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 39. С. 14.
- ²² *Рязанов Д. С.* Повседневные настроения городских «обывателей» России в 1917—1920 гг.: (По материалам Центральной России): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2006. С. 18.
- ²³ *Щавелев С. П.* «Синяя птица» повседневности: (Этюды антропологии обыденного сознания). Курск, 2002. С. 123.
- ²⁴ *Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И.* Указ. соч. С. 501.
- ²⁵ Там же. С. 502.
- ²⁶ Во время проведения коллективизации И. В. Сталин в своих публичных выступлениях широко использовал такие слова, как «разведка», «фронт», «наступление», «отступление», «перегруппировка сил», «подтягивание тылов», «подвод резервов», «полная ликвидация врага» и т. п. (*Волкогонов Д.* Триумф и трагедия: Политический портрет И. В. Сталина. М., 1989. Кн. 1. Ч. 2. С. 22). Но эта лексика не была ни новой, ни возрожденной старой, военно-коммунистической. Это была лишь обусловленная новой ситуацией предельная концентрация военной терминологии, которая не только в пассивном, но и в активном партийном словаре присутствовала всегда.
- ²⁷ *Вострышев М.* Повседневная жизнь России в заседаниях мирового суда и ревтрибунала. 1860—1920-е годы. М., 2004. С. 312.
- ²⁸ *Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И.* Указ. соч. С. 485.
- ²⁹ *Левандовский А.* Оружие мифа: Миф как средство легитимации власти в России // Свободная мысль. 2001. № 2. С. 108.
- ³⁰ *Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И.* Указ. соч. С. 490.
- ³¹ *Булдаков В. П.* Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 94.
- ³² *Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И.* Указ. соч. С. 491.
- ³³ Там же. С. 494.
- ³⁴ *Виноградов С. В.* Указ. соч. С. 81.
- ³⁵ *Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И.* Указ. соч. С. 495.
- ³⁶ *Лебина Н.* Энциклопедия банальностей: Советская повседневность: контуры, символы, знаки. СПб., 2006. С. 414.

- ³⁷ Формулировка взята из устава 1934 г. (см.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1971. Т. 5. С. 160).
- ³⁸ Морен Э. О природе СССР: Тоталитарный комплекс и новая империя. М., 1995. С. 42.
- ³⁹ Подробнее см.: Клямкин И. Еще раз об истоках сталинизма. М., 1998. С. 29.
- ⁴⁰ Эта политико-идеологическая формула, чтобы стать «законной» основой репрессивной практики, была переведена и на юридический язык, о чем можно судить по выступлениям генерального прокурора Вышинского в конце 1930-х годов (*Вышинский А. Я.* Вопросы теории государства и права. М., 1949. С. 51—52, 61).
- ⁴¹ Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И. Указ. соч. С. 505.
- ⁴² Стругова О. Указ. соч. С. 7.
- ⁴³ Дубин Б. В. Быт, бытовщина, обыденность: Идея и история повседневности в России // *Население и общество.* 2005. № 1 (75). С. 28.
- ⁴⁴ Там же. С. 28.
- ⁴⁵ Хазанова В. Клубная жизнь и архитектура клуба: 1917—1941 гг. М., 2000. С. 82.

(Окончание следует)

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Г. С. Смирнов

НОВАЯ МОЛОДАЯ РОССИЙСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ: ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ НООСФЕРНОЙ ЭКОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ И ПЕРСОНОЛОГИИ В XXI ВЕКЕ

Университетский профессор по призванию Юрий Михайлович Серов любит рассказывать студентам (которых иногда называют прединтеллигенцией) на лекциях по философии интересный эпизод из жизни артистов. Однажды известный московский театр был приглашен в Японию для того, чтобы сыграть для лицейстов пьесу А. П. Чехова «Вишневый сад». Спектакль шел на русском языке, в зале сидело несколько сот молодых людей. После спектакля директор театра поинтересовался у лицейского руководства, зачем были потрачены такие гигантские деньги, ведь мало кто из сидевших в зале понял смысл происходившего на сцене. Ответ поразил: «Если хотя бы один из них через двадцать лет вспомнит об этом спектакле, Япония станет чуточку лучше». Вот, очевидно, в этом и состоит смысл ноосферной экологии и ноосферного образования молодой интеллигенции.

Об этом сюжете вспомнилось при чтении книги «Герменевтика драматургии А. П. Чехова» (Иваново, 2008) И. В. Дмитриевской, которая в заключении делает вывод: «Чтобы душа была жива, нужно о ней заботиться, “кормить” любовью и добром, заставлять тру-

---

© Смирнов Г. С., 2008

Смирнов Григорий Станиславович — доктор философских наук, профессор кафедры философии Ивановского государственного университета.

даться сознательно, творчески, не тратить время на бездуховные занятия, творить добро» (с. 174—175). Пришло в Россию то время, о котором уже перестали было мечтать, вновь стало значимо обращение к *вечному*, а значит, есть повод писать о новой молодой российской интеллигенции.

Россия вновь вступила, как и век назад, в период своей ноосферной самоорганизации — кардинального переосмысления многотысячелетнего мирового и своего опыта миропостроения. Это время совпадает со значительными тектоническими геополитическими подвижками. Сможет ли Россия ответить на глобальные вызовы и угрозы, выбрать правильный путь в космопланетарной (ноосферной) коэволюции — это в значительной степени будет зависеть от той незначительной части русскоговорящей молодежи, в которой осуществляются сложные процессы *интерференции* интеллектуального и интеллигентского полей бытия пространства современной ноосферы.

Рождение новой духовной формации

XX столетие странным образом вобрало в себя трагический финал русской интеллигенции начала века и «трагический катарсис» советской интеллигенции конца века. Начало XXI века — своеобразная точка бифуркации, в которой особым образом *сплавляются* виртуальный феномен старороссийской и реальный феномен советской интеллигенции (В. И. Вернадский, И. П. Павлов, Д. С. Лихачев, Н. Н. Моисеев), которая, как это ни покажется странным, стала продолжательницей дела народной российской интеллигенции.

Не все согласятся с тем, что главные диссиденты тоталитарного СССР — это представители «советской» интеллигенции, но в действительности это именно так, ибо их интеллектуальным трудом и «умным деланием» сформировался в 60—80-е годы новый образ новой России начала XXI века. Сохранение в российской культуре, которая стала в XX веке мировым и глобальным феноменом, высочайших духовных интенций богочеловека и богочеловечества в почти естественных народных формах — это результат жизнебытия «высокой российской и советской интеллигенции».

Сейчас в условиях двадцатилетнего триумфального шествия доллара по России интеллигенция мало нужна государству, но ее следы в корневом народном сознании неискоренимы. Чем сильнее прессинг «всеобщей монетизации» России, тем значительней, по закону «социального противодействия», тяга к народной культуре и культуре общечеловеческого естества.

Процесс самоорганизации современной российской интеллигенции имеет прежде всего культурно-информационный контекст, а современная версия молодой российской интеллигенции может быть названа «интеллигенция.ru», чтобы подчеркнуть реальную неустранимую открытость молодой российской интеллектуальной субстанции глобальным космопланетарным вызовам третьего тысячелетия и формальную способность реализовать потенциал этнонациональной пассионарности не только для национального, но и общемирового (глобального) миропостроения.

До середины XX века мировая история развивалась по линии *военного разрешения* возникающих геополитических интервенций и социокультурных экспансий, связанных с фундаментальными противоречиями неравномерности этнонационального развития. Эта традиция особенно ярко проявила себя в двух *горячих* мировых войнах XX века. Вплоть до настоящего времени эта материально-эгоистическая форма развития техногенной цивилизации еще хочет доказать свою доминантность, что ярко проявляется в евразийской истории нового тысячелетия. Однако следует признать, что объявленный «конец истории» в этом смысле состоялся, ибо любой *военный передел мира под гегемона* в постиндустриальную (ноосферно-информационную) эпоху окажется самоубийственным.

Третье тысячелетие открывает эпоху ноосферно-информационного синтеза человеческой цивилизации в формах диалогового (и полилогового) разрешения ноосферных конфликтов главных субъектов исторического процесса — этнонациональных и этноконфессиональных общностей (сообществ). *Конвергенция* в этом ключе может рассматриваться как первый политический намек на новое синтетическое общебытие (общезитие) человеческой цивилизации, а *коэволюция* — как первая глобально-экологическая теория способов миробытия в двух смыслах (*мирного бытия мира*). Ноосферная концепция «мирового устой-

чивого существования» (В. И. Вернадский) предполагает устранение войн не только потому, что горячая война — это всегда экологическая катастрофа, но и потому, что сублимация средств, направляемых на вооруженную деструкцию, в мирные модели трансформаций позволит решить те же самые вопросы с гораздо меньшими финансовыми и людскими затратами. Мирная социальная кореволуция и глобальная социоприродная коэволюция могут стать важнейшими аттракторами общемирового развития в ближайшее столетие.

Такой сценарий планетарного развития ставит перед формирующимся сейчас поколением российской (и мировой) интеллигенции чрезвычайно масштабные задачи. Любая недооценка со стороны государства роли и значения образовательной, интеллектуальной, художественной, информационной составляющих ноосферного развития этноса чревата потерей интеллектуального лица в ноосферном сообществе стран третьего тысячелетия. Геополитический императив «кто владеет информацией, тот владеет миром» на самом деле выражает лишь долю правды, ибо в будущем коэволюционном отборе (выживании не посредством «борьбы всех против всех», по Т. Гоббсу и Ч. Дарвину, а посредством «сотрудничества и солидарности», по П. Кропоткину) высота культурного со-общезития и цивилизационного всеединства может оказаться соответствующей информационно-семиотической организованности ноосферного человечества.

Современная молодая интеллигенция в своем новом качестве «вываривается» в особом кросскультурном (в рамках глобального диалога культур) и транскультурном (в формах совмещения прошлого, настоящего и будущего) синтезе. Иногда это «варево» пенится, иногда «дурно пахнет», но качество самоорганизации (эмерджентности) уже проявляет себя, происходит постепенная кристаллизация феномена «интеллигенция.ру». Два момента в этом смысле являются чрезвычайно значимыми: экстенсивный и интенсивный рост культурности-образовательности.

Экстенсивный момент проявляется в тяге родителей к обучению-образованию детей, которая в наше время по своей силе сравнима с инстинктом *выживания-самосохранения*: стремление выучить «свое родное будущее» становится *современным российским императивом*.

Второй момент — *интенсивное развитие* антропоноосферной реальности зависит в значительной степени от воспитательно-образовательных и социокультурных моделей, господствующих в конкретный исторический период.

Такого рода видение мирового развития заставляет обратить особое внимание на ноосферно-антропологическое содержание *этно-нацио-конфессионального всеединства*, характерного, с одной стороны, для самоопределяющихся, а с другой стороны, интенсивно интегрирующихся стран современного мирового сотрудничества. (Особенно ярко эта динамика проявила себя в процессах постсоветского распада и евразийской интеграции).

Сможет ли формирующаяся современная молодая российская интеллигенция обеспечить выживание российского хронотопа (духовного, ноосферного синклита) в условиях умирающего, но именно поэтому столь опасного, концепта тоталитарного техногенного гегемонизма (однополярного мира)? Каковы плюсы и минусы *новой рождающейся духовной формации*?

Сначала о плюсах. **Во-первых**, самым значительным ресурсом молодой российской интеллигенции является ее культурная принадлежность. История последнего столетия показывает, что российская культурная мировая экспансия может рассматриваться как самая эффективная *форма культурного освоения* не только ближнего (постимперского или постсоветского), но также дальнего (европейского) и сверхдальнего (американского) пространства. (К сожалению, современная историческая и культурологическая наука не очень склонна разрабатывать эти направления исследования.) Постсоветская «челночная миграция», несмотря на все негативные ее стороны, может оказаться весьма полезной для отработки способов культурной коэволюции в условиях интенсивного информационно-ноосферного развития.

Во-вторых, в последнее десятилетие совершился реальный поворот к ревитализации всех форм российской культурности (общегосударственной, региональной и, особенно, краевой и местной). Провинция, в значительной степени «под спудом» сохранившая реликтовые культурные формы, оказывается культурным донором для формирующейся «новой российской интеллигенции», дистанцирующейся от форм «новорусской» культурной деградации, возникшей на субстрате денежного излишества и

дегуманизации (декультурации) потребностей. Думается, что *новая молодая российская интеллигенция* (как это было и в эпоху формирования советской интеллигенции) придет из провинции, деревенские корни которой уже ослабли, но районные центры продолжают оставаться хранителями традиционной русской духовности и культуры.

В-третьих, каждая территория (даже несмотря на свою достаточную близость к столице — «центру давящей депрессивности») сохраняет свое особое культурно-образовательное лицо, обеспечивающее достаточную разнообразность для форм «био-сферно-ноосферного выживания». Образовательное пространство региона пытается защитить даже местная властная и бизнес элита, понимающая свою кровную заинтересованность в сохранении культурных приоритетов, защищающих от олигархического эгоизма и глобального паразитизма.

В-четвертых, для всех локусов современного российского пространства характерно интенсивное создание информационно-компьютерных условий реализации ноосферного императива «*мыслить глобально, действовать локально*». Это создаст возможности для *естественного дистанционного образования*, соответствующего масштабности задач, которые уже сейчас встали перед страной не как виртуальные проблемы, а масштабные угрозы «*вживания в будущее*».

Однако есть и негативные факторы. ***Во-первых***, это непонимание нынешним российским чиновничеством самых существенных факторов ноосферного развития страны. До сих пор приоритеты материального и духовного производства не рассматриваются в такой же императивной мере, как раньше в советское время рассматривались приоритеты «*группы А*» и «*группы В*». В условиях технического (техносферного) отставания России приоритеты должны быть выставлены именно в интенсивном духовном производстве всего российского общества. Культурный рост провинции может обеспечить возможности «*духовной (ноосферной) мобилизации*» российского общества в той же мере, в которой «*народная мобилизация*» в годы отечественных войн (1609, 1812, 1941) спасла страну от вражеского порабощения.

Во-вторых, современная недальновидная политика в области народного образования, которая ведет к разрушению в ос-

новых чертах сложившейся системы «лично-обращенного» российского образования, о которой мечтали Д. И. Менделеев, В. И. Вернадский, С. И. Гессен и многие другие деятели российской культуры. «Западнизация» («болонизация по-русски») может нанести долго непоправимый вред в деле формирования *опережающего образования* третьего тысячелетия — ноосферного образования, опирающегося на корневые культурные природно-языческие и религиозно-православные традиции, из которых выросли мировоззрение русского космизма и праксиология русской народной интеллигенции.

В-третьих, существенным фактором, способным разрушить «народную образовательную мобилизацию», может оказаться *коррупционная коммерциализация* получения образования, а также «зашлакованность» управленческих каналов «эффективными» менеджерами, получившими «утилитарное образование» для выполнения корпоративных задач «ресурсной» эксплуатации страны.

«Голосование образованием» свидетельствует о том, что стремление к самоорганизации и самодостаточности локусов российского пространства становится важнейшей тенденцией российского устойчивого развития. Готовится новое культурно-интеллектуальное качество свободного проживания в глобальной культуре III тысячелетия. Формула Ю. М. Лотмана — «Культура и взрыв» — готовится к осуществлению на наших глазах в неожиданных виртуально-ноосферных формах — формируется новая духовная формация, когда мысль и действительность почти не различаются в разноликости форм своего бытия: мысль для всех становится делом для всех.

От техногенной деантропизации к духовной коэволюции

Проблема места интеллигенции в ноосферной истории может оказаться одной из самых трудных в методологии изучения исторического процесса. Значительно проще увидеть детерминацию тех или иных событий в материальных проявлениях. Такого рода умозаключения предстают как убедительные верификации. Значительно труднее увидеть самое невидимое — человеческую мысль, которая вдруг стала причиной того или иного события. Но

самое парадоксальное в историческом процессе именно то, что мысль оказывается исходной причиной всему.

Самое сильное воздействие американизации (западнизации) на культурное самостояние других этноцивилизаций проявляется в настоящее время именно в модели «окна»: пользование компьютером формирует новое сознание — сознание разбитого зеркала, разрушения целостности миробытия. Цивилизация, превратившая биосферу в глобальную техносферу, фактически, как показали гуманисты XX века, вывела человека за скобки его духовного бытия. В свое время П. Г. Кузнецов посчитал размерность распределения социального времени для самообслуживания и саморазвития человека. Теперь необходимо считать время, которое тратится человечеством на свое духовное развитие, позволяющее преобразовывать не только техносферу и социосферу, но антропосферу и культуросферу, т. е. на обнаружение (экспликацию) реального процесса перехода биосферы в ноосферу, того, что можно назвать ноосферной историей.

Русская культура XIX века, может быть, потому и считается всемирным достоянием, поскольку она показала всем (прежде всего европейским) культурам, что для российского этноса так же характерно дерзание в области духовного развития, как и в области пространственного освоения мира. Однако, как это бывает очень часто, за «удачным прыжком» может последовать целая череда падений и катастроф. XX век для русского мира оказался именно такой катастрофой техно-сциентистского заблуждения, выход из которой потребует воссоздания всех программ социальной памяти. Матушка-Русь вынуждена была на короткое время стать «Жанной Д'Арк», облачиться в железо и взять в руки меч, чтобы защитить пространство своей культуры. Две мировые войны продемонстрировали не только факт «дегуманизации искусства» (Х. Ортега-и-Гассет), но реальность «тотальной деантропизации», которая фактически получала название «геноцида». Современный человек все больше предстает как своего рода «техноантроп», ибо в нем *вооруженность* занимает значительно больше места, чем *одухотворенность*. В этом смысле человек вдруг заблудился на какое-то время, чтобы, очутившись в дремучем лесу, понять, что надо искать поляну света. «Чистый разум» превратился в «чистое знание»,

которому также не хватает «жизни» («живого знания»), как «чистому разуму» не хватает «разума практического».

«Вымороченная интеллигенция» — важнейший результат техногенного развития человеческой цивилизации в XX веке. Биосфера за очень короткое время — за сто лет — порабощена техносферой. Техносфера не только унифицирует (редуцирует) биосферу, но и превращает человека в техноуправленца со всеми вытекающими из этого последствиями. Именно в этом заключается феномен «расчеловечивания» («деантропизации» и «деинтеллигентизации»).

Потеря качества в шахматной партии иногда позволяет осуществить интересное и выигрышное продолжение. В этом смысле потеря «человеческого качества» в определенный момент отечественной истории (в эпоху Петра Великого и сталинскую эпоху) всегда позволяла сделать гигантский технический и промышленный рывок. Мировые войны, революции и экстремальные индустриализации в XX веке убедительно показали, что социально-экономическая конкретика может использовать «человеческий материал» в целях саморазрушения. Власть предрержащие, как убедительно показано уже в «Новом Завете», всегда найдут аргументы, чтобы вновь и вновь распять людей, пытающихся в себе реализовать образ Христа. Человек постдвадцатого века отчетливо понял, что для того чтобы выжить, необходимо (хотя бы иногда) снимать «розовые очки», мешающие правильно воспринимать не только формы и модели социальной природы, но и модусы антропо-гуманистического содержания самого человека. Перманентное распятие — вот содержание человеческой истории, но у человека всегда есть возможность еще и еще раз перечитать «Новый Завет», чтобы обнаружить, несмотря ни на что, ноосферный потенциал своей трагической истории.

Христианская идея значительно опередила возможности социально-технической коэволюции, в той же самой мере как и коммунистическая идея К. Маркса, выросшая из немецкой классической философии, а вслед за ней и ноосферная идея великого иезуита П. Тейяра де Шардена, имеющая свои истоки в неотолизме.

С точки зрения современных синергетических представлений можно было бы сказать, что ноосферные аттракторы человеческой истории определены еще в глубокой древности (в том

числе не только в мировых религиях, но еще раньше — в «Изумрудной скрижали» Гермеса Трисмегиста). Процессы самоорганизации человеческого порядка и хаоса, миро-бытия и войно-бытия, в каждый конкретный момент обретают свое выражение в порядке экономического, социального и культурного Всеединства, обреченного на Хаос, или социоприродного хаоса, предполагающего стать в трудах человеческой самоорганизации формой порядка, дерзающего интеллектуального и интеллигентского сообщества. В этом смысле интеллектуалы строят из «кубиков» *техносферу* (кубики более устойчивы, и конструкции из них сохраняются достаточно долго), а интеллигенты строят *ноосферу* из «шаров», заведомо обреченных на подвижность. Чем быстрее бежит историческое время, тем менее устойчивы оказываются духовные конструкции. Особенности преодоления социально-экономического *трения* в организме цивилизации позволяют сделать следующий шаг в социально-духовном (ноосферном) развитии, связанном с преодолением ноосферных коллизий и конфликтов. Ноосферная трибология в каждой культуре своя: в одной культуре шестерни цивилизации «смазаны» воздействием носителей широкой культурной платформы, в другой — фундаментализм и ортодоксия оказываются песком, насыпанным в бунксы поезда локальной цивилизации. Из искр, сыплющихся в этом случае, и возникают войны и революции.

При всем этом в XX веке обнаружили себя два неожиданных этапа, способствующие формированию интеллигенции — это эпоха НЭПа 20-х годов и оттепель «шестидесятников». Может быть, есть некая закономерность, что через 30—40 лет (через поколение) возникает пассионарный толчок: материальный ориентир вдруг внезапно сменяется духовной ориентацией, затем вновь возвращается логика материального обогащения.

Последние два десятилетия оказались решающими в ответе российской цивилизации на глобальные вызовы — наконец-то после третьей попытки оказался удачным НЭП, задуманный еще В. И. Лениным.

90-е годы XX века в России, весьма вероятно, — период завершения материального цикла. Может быть, именно по итогам этого трагического времени сформируется новая молодая интел-

лигенция, которая обеспечит для великой России возможность ноосферного развития.

Ярчайший пример формирования феномена интеллигентности и глобальной духовности — жизнь нашего земляка Андрея Арсеньевича Тарковского, оставившего миру незабываемые образы глубинной русской провинциальной культуры, имеющей почти тысячелетние корни, которым он был свидетелем в самый эмоционально-восприимчивый период детства и юности. Место А. А. Тарковского в ноосферной истории ждет своего глубокого исследования.

Очень важно, чтобы современный человек ощутил не расколотость мира (а на то имеются значимые факторы цивилизационного развития, связанные со спецификой отношения к пространству и времени), а единство (и даже всеединство) пространства. Гениальность В. С. Соловьева в значительной степени проявляется именно в том, что он показал через образ религиозно-философской (и, конечно, художественной) картины мира возможность мыслить мир как единое-целое. В значительной степени именно эта интенция русской философской мысли и определила продуктивность будущих ноосферных построений В. И. Вернадского, характерных для ноосферно-глобального мира. Интеллигенция, таким образом, не только форма фиксации абсолютности общечеловеческих ценностей, но и утверждение абсолютности общечеловеческого пространства и времени, а также всеобщности антропологической и персоналистической коэволюции.

(Окончание следует)

ЛИЧНОСТЬ В ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Дж. Базелика

АЛЕКСАНДР АМФИТЕАТРОВ В ИТАЛИИ*

Александр Валентинович Амфитеатров впервые приехал в Италию в 1886 г. Дирекция Санкт-Петербургского Мариинского театра, при котором он учился пению (у Амфитеатрова было две больших страсти: лирическая опера и журналистика¹), — послала его в Милан в театр Ла Скала, чтобы он мог пройти курс усовершенствования техники сольфеджио под руководством знаменитого маэстро Буцци. Этому предшествовало то обстоятельство, что уже в 1877 г. в пятнадцатилетнем возрасте Амфитеатров вошел в контакт с итальянской культурой, помогая в московском Большом театре при выступлениях итальянских оперных певцов².

© Базелика Дж., 2008

© Ревякина Н. В., перевод на русский язык, 2008

Базелика Джулия — профессор кафедры русской культуры Миланского университета, специалист по русской литературе и итало-российским культурным связям.

Ревякина Нина Викторовна — доктор исторических наук, профессор кафедры древнего мира и средних веков Ивановского государственного университета.

* В основу статьи положен доклад, прочитанный на конференции «Италия — земля приюта» (L'Italia terra di rifugio), организованной Межуниверситетским Центром по изучению путешествий по Италии в Монкальери 3—4 июня 2005 г. (С.I.R.V.I.).

Но первое продолжительное пребывание в Италии приходится на годы 1906—1916. В 1907 г. Александр Амфитеатров обосновался с семьей в Лигурии, в Кави ди Лаванья. Русская колония Кави достигла в эти годы значительного размера, принимая весной и летом до 80 человек. Зимой русских становилось меньше, поскольку многие приезжавшие переселялись в большие европейские центры эмиграции — Париж, Женеву, Льеж. Из Сан-Ремо или Нерви время от времени наезжал в Кави Георгий Плеханов; здесь бывал Виктор Чернов. Но наиболее близким другом, с которым Амфитеатров разделил много важных моментов жизни, был Герман Лопатин, которого он приютил на многие годы, начиная с 1905 г., когда тот был освобожден из Шлиссельбургской крепости. В Рапалло прибыла семья Кропоткина, которая заняла там роскошную виллу, между тем как истинным вдохновителем колонии, модным героем был в этот период Борис Савинков.

Александр Амфитеатров находит убежище не как изгнанник, а как эмигрант, включенный в различные культурные связи и постоянно занятый поддержанием плодотворного диалога между собой и другими³. В декабре 1909 г. ему пришлось оставить русскую колонию в Кави и переселиться в Феццано⁴, в заливе Специя, чтобы найти место более спокойное, где бы он мог работать без помех, и годы спустя, в 1913 г., он обосновался окончательно в Леванто. Удаление от многолюдного и шумного общества Кави, кроме того, что позволило ему посвятить себя своей работе, дало повод войти в контакт с представителями местной культуры. В социальном климате, который характеризовался распространением, как и в остальной Италии, антиджолиттианских настроений, Специя была одним из наиболее активных центров анархистского движения в Италии⁵. В городе, очень быстро растущем, с массой рабочих, трудившихся на верфях и в Арсенале, и потому сотрясаемом острыми социальными конфликтами, культурная дея-

тельность была живой и интенсивной. Здесь существовали многочисленные кружки с разнообразными идеями и программами, типографии и издания местных газет.

В эти годы выделяется фигура Этторе Коццани (1884—1974), публициста, писателя, поэта, литературного критика и издателя, антиджолиттианца и националиста⁶, основателя в 1911 г. вместе с Франко Оливой журнала «L'Egoica», которым он руководил до 1944 г.⁷ Вдохновляющей идеологией «L'Egoica» являются идеи самого Этторе Коццани, переходящие в пылкий национализм, в решительное и настойчивое утверждение превосходства Италии и итальянского народа в мире, в презрительное исключение антигероического, упадочнического и недостойного подлинного итальянского характера⁸. Хотя основатель журнала вдохновлялся идеями национализма, журнал стал не политическим, но прежде всего художественным и культурным изданием. В «Извещении» (объявлении), опубликованном в первом номере, можно прочесть о программных установках журнала: «Выходит в Специи сегодня, 30 июля 1911 журнал, который намеревается извещать, распространять, возвышать поэзию, как бы и где бы она благородным образом ни проявлялась: в любом искусстве и жизни. Он займется поэтому с равным пылом любой фигурой, аспектом и событием жизни и литературы, живописи, скульптуры, архитектуры, музыки, но лишь поскольку они являются выражением единой Поэзии. Он будет иметь творческую часть и критическую: в критике он займется скорее созиданием, чем разрушением, скорее пониманием, чем ограничением... он будет следить с интересом за всеми самыми смелыми и серьезными современными течениями. Его название "L'Egoica". L'Egoica, действительно, есть поэзия: единое выражение божественного в человеческой жизни»⁹.

Журнал являлся, кроме того, одним из наиболее изысканных и ценных вкладов в итальянское и европейское типографское искусство XX в. Он отличался заботой о графике и верстке, использованием ксилографии, оригинальным отношением между текстом и изображением, наконец, публичностью, возведенной в форму искусства, став главным действующим лицом в богатом, разнообразном, многоголосом художественном диалоге, оживленном современными журналами¹⁰. «L'Egoica» играла важную роль в национальном ксилографическом производстве, приведя к

созданию в Специи в 1912 г. «Итальянского общества ксилографов» во главе с Франко Оливой. Летом того же года в Леванто была устроена «Первая итальянская выставка ксилографии»¹¹ с выставленными на ней 410 работами, подписанными более чем 100 художниками, которые происходили как из разных итальянских регионов, так и из многих европейских стран — Франции, Великобритании, Германии, Бельгии и России.

Можно представить, что выставку посетил также и Александр Амфитеатров: в этот период он перебрался в Леванто и год спустя опубликовал в «L'Egoisa» рассказ под названием «Предательство», переведенный женой Иларией и просмотренный самим Коццани¹². На страницах «L'Egoisa» итальянские читатели того времени встретили воспроизведение сложной и фантастической реальности: итальянский фольклорный контекст смешивался с русским декадентским и символистским, изображаемым в апокалиптической атмосфере, в которой сталкивались противоположные силы, добра и зла, дионисийского и аполлоновского, в трагическом и неразрешимом конфликте, при не слишком скрываемом восхвалении очарования зла, где трагический сатанинский герой Амфитеатрова отсылает к мучительно чарующему образу Сидящего демона Врубеля¹³.

Совсем в другой манере автор рисует контекст — на этот раз неаполитанский — в комедии «Дон Джованни в Неаполе»¹⁴: с одной стороны, едкие тона, выражение как личной стилистической манеры и особого видения мира, так и широкого знания литературной европейской традиции, с которой Амфитеатров устанавливает живой диалог; с другой, обнаружение глубокого знания итальянского характера, носителями которого являются специфические образы, социальные типы из фольклорной и литературной традиции.

Отсылки к итальянской культуре еще присутствуют в последнем художественном тексте, опубликованном в мартовском номере «L'Egoisa» за 1929 г. В кратком рассказе, воспроизводящем обстановку частично во Франции, частично в Пуэрто-Рико, встречаются оккультизм и теософия в контексте социально возвышенном и реалистически представленном роскошным дворцом, местом встречи сатанинской секты.

Журналу «L'Egoisa» Александр Амфитеатров предлагает свое сотрудничество также в качестве журналиста, и в частности в

статье, названной «Миф о славянской угрозе»¹⁵, он дает доказательство того, что обладает значительно широким интеллектуальным горизонтом, глубокими историческими знаниями, той великой мудростью, которая видит в солидарности единственный и подлинный путь развития народов и человечества. В «Мифе о славянской угрозе» автор стремится ответить на воинственные заявления, публиковавшиеся в это время в итальянских газетах, по поводу возможных русских экспансионистских намерений в Средиземном море, связанных с оккупацией Триеста. Он приписывает такие утверждения распространенному тогда воинственному германизму, который должен был найти плодотворную почву в общем состоянии тревоги итальянского народа, свидетеля разразившейся Великой войны и близкого к собственному вовлечению в конфликт. Поэтому он утверждает, что «Россия не только не желает Триеста, но сказала бы судьбе, которая подарила ей невыносимый груз: “Тгорро grazia!” (Вы не в меру услужливы!); всякий русский понимает, что Средиземное море вне нашей непосредственной политики и что Россия не может находиться там кроме как гость союзников Средиземного моря»¹⁶. Чтобы развеять всякий след страха, всякую форму недоверия в отношении пресловутой русской угрозы, он напоминает итальянским читателям, что господство на таком большом, как Средиземное, море может быть обеспечено исключительно посредством большого флота и союза с могущественной прибрежной страной: эти условия не существуют в России 1914 г. Он воскрешает в памяти историю экспансионистской русской политики — от приобретения владений на Ионическом море и протекторатов на Адриатике, ставшей «исторической неудачей... эфемерными плодами ее древнего империализма»¹⁷, до программы территориальных завоеваний, проводимых Екатериной II и ее последователями. В его глазах, народы желают быть телами, а не членами: так, Россия должна бы включать в себя Галицию, русскую по населению и истории, Италия чувствует себя неполной без Тренто и Триеста и Франция не совершенна потому, что лишена Эльзаса и Лотарингии. Славянская сила никогда не угрожала Европе, но, настаивает Амфитеатров, защищала ее, спасая от «ужасных полчищ номадов, которые дышали на нее из азиатских степей»¹⁸. И в качестве несокрушимого подтверждения исторически мирных намерений России в отноше-

нии Италии Александр Амфитеатров определяет последнюю как «мираж всякого русского интеллектуала, который грезит об Италии подобно тому, как религиозный крестьянин стремится в Иерусалим и магометанин в Мекку»¹⁹. Так, вспоминает автор, в России существуют многочисленные университетские кафедры, посвященные изучению Возрождения, распространились библиотеки, полные соответствующих книг по этому периоду; в книжных магазинах итальянская литература хорошо представлена, широко переведена, прочитана и оценена; музеи, наконец, богаты итальянскими художественными шедеврами.

Обширная статья Амфитеатрова была, таким образом, идеологически поставлена в ряд с пропагандистскими намерениями журнала, сравнившись с пылким итальянизмом (принадлежностью к итальянской нации), который сопровождался антигерманским чувством, уравновешенным сильным стремлением к сближению со славянскими культурами²⁰. Амфитеатров заключает: «Две мирные культуры живут в гармонии: приходит третья с разбойничьим действием и пытается разрушить обе»²¹.

Аналогичные тона характеризуют следующую статью, названную «Сербия и Италия»²², посвященную обширному и хорошо выстроенному рассуждению по поводу сербского вопроса. Сербия, уточняет автор, настоящая австрийская колония, жертва коммерческого, индустриального и финансового ига австро-венгерской империи. Он призывает Италию, по примеру России, поддержать эту страну в борьбе и обращает внимание на чувство симпатии и любви, которую Сербия питает к Италии, «симпатии, которую не могут разрушить ни происки севов, ни печальные разногласия между итальянцами и сербами Адриатики, искусственно обостряемые севами»²³. Отсюда снова восхваление итальянского народа, подчеркнутое, кроме того, цитированием слов, произнесенных королем Николаем ди Монтенегро и опубликованных в туринской «Gazzetta del popolo»: «Мы возлагаем надежды на Италию, августейшую мать цивилизации, которая украсила своей улыбкой солнечный берег восточной и славянской Адриатики, потому что она помогает нам снова обрести подобающее место на ступеньках алтаря справедливости и права»²⁴ — в противопоставлении со столь же пылким антигерманским чувством, как всегда, одушевленным мечтой о встрече культур славянской и латинской²⁵.

Кроме того, намерением Амфитеатрова в основанной итальянской редакции «Русского слова» было именно бороться против «русophobic пропаганды, распространяемой немецким и австрийским посольствами, социалистами-радикалами слева и радикальными клириками справа»²⁶. Итальянскую редакцию русского ежедневника поддерживали своим сотрудничеством 23 корреспондента, большей частью итальянцы, но среди них фигурировало немало русских эмигрантов, живущих в разных итальянских городах, а также в Ницце, Барселоне, египетской Александрии. Деятельность редакции, хотя энергичная и мужественная, не могла, однако, избежать быстрого своего упадка по причине непреодолимых препятствий, возникавших из-за все более суровых ограничений, налагаемых на распространение издания: сначала в других государствах, затем внутри самой Италии, с введением цензуры во время войны.

Для Александра Амфитеатрова Италия стала окончательно землей изгнания в конце 1921 г. В 1916 г. он вернулся в Россию, где сразу же посвятил себя своей второй страсти, журналистской деятельности, сотрудничая с редакциями ежедневных газет, таких, как «Русская воля» и «Петербургский листок», и журналов «Бич», «Нива» и «Огонек»²⁷. В феврале 1917 г. из-за публикации «Этюд» с язвительной криптограммой в отношении министра внутренних дел Протопопова («Русская воля» от 22 января) он был сослан в Иркутск, затем освобожден в результате Февральской революции. Однако изменение режима в результате Октябрьской революции Амфитеатров принял с негодованием: большевистский переворот ему кажется *valanga di orrori e di rogate* (нагромождением ужасов)²⁸. В революционном Петрограде Амфитеатрова трижды арестовывали и столько же раз допрашивали в ЧК. Опасность нового ареста, о чем предостерегал расстрел 61 участника заговора Таганцева (среди осужденных был также поэт Николай Гумилев), вынудила Амфитеатрова и его семью навсегда оставить Россию. 23 августа 1921 г. Амфитеатровы добрались до Финляндии, чтобы оттуда переехать в Берлин, затем в Париж. Наконец, после краткого пребывания в Праге, они обосновались окончательно в Италии в Леванто.

Амфитеатров продолжил сотрудничество с редакциями разных европейских ежедневных газет и журналов русской эмиг-

рации: берлинскими ежедневниками «Руль» (информационный орган, главным образом, партии кадетов) и «Грани», берлинским художественно-литературным журналом «Всполохи»; парижским ежедневником «Возрождение», большим эстонским ежедневником «Последние известия», латвийским ежедневником «Сегодня», варшавским — «За свободу».

Однако второй период характеризуется положением изоляции и маргинальности, как замечает Элда Гаретто²⁹, из-за трудностей связи с местонахождением издательств и редакций периодики. Удаленность от больших европейских центров русской эмиграции — Парижа, Берлина, Варшавы, Праги — не позволяла ему принимать участие в политических и литературных дебатах, которые там происходили.

Годы между 1922 и 1938 характеризуются более интенсивной деятельностью Амфитеатрова в области литературной критики, исторических изысканий, кроме того, редактированием больших романов. Очевидным было прежде всего его намерение углубить знание русской литературы в Италии. С этой целью Амфитеатров стал редактором, к примеру, антологии рассказов, опубликованной в Милане в 1931 г., названной «Вокруг самовара: современные русские юмористы». Рассказы были переведены Ринальдо Кюферле и опубликованы в Ланчиано издателем Карабба в 1927 г. Примечательно название его рецензии, опубликованной в «L'Егоїса» в 1927 г., «Итальянцы читают русских поэтов»³⁰, где он комментирует в восторженных тонах перевод стихов, собранных в двухтомной антологии под названием «Русские лирики Серебряного века», и посвящает значительную часть своего сочинения фигуре переводчика Джованни Гандольфи. Амфитеатров с обычной своей иронией, выраженной в причудливых и убедительных сравнениях, иллюстрирует различия между русской метрикой и итальянской: «При сравнении с этой гордой синьорой, сжатой веками корсетом с металлическими планками, наша русская метрика, даже у старых классиков, синьора весьма эмансипированная со странными прихотями. Она умеет носить корсет с непринужденностью, меняя его форму в свое удовольствие. Если она чувствует себя лучше без корсета, она тотчас же отбрасывает его и начинает гулять со свободой и простотой прекрасной селянки. Я даже не говорю о метрике современных поэтов, она часто, по правде говоря,

уподобляется растрепанной бабенке, которая, возвращаясь с веселой вечеринки, шатается во все стороны»³¹.

В «Circolo filologico milanese» Амфитеатров выступил с докладом о русской литературе в изгнании, текст которого «Литература в изгнании» был затем опубликован в 1929 г. в Белграде в «Ottisk gazety». Для понимания широты эрудитских знаний Амфитеатрова литературной итальянской истории и ее влияния на русскую культуру важной является также статья, названная «Италия в русской классической поэзии»³². Автор дает в ней длинный и интересный экскурс о присутствии итальянских культурных элементов в русской культуре: от былин, героических народных песен — в особенности в песне о принцессе Забаве — до поэзии двадцатых годов. И, возможно, слова, которые в очерке более законченно синтезируют встречу двух культур, содержатся в такой мысли: «Возрождение Пушкина есть возрождение русской красоты. Возрождение русской красоты есть возрождение итальянского идеала, привитого нашим душам. Алексей Толстой хорошо сказал: ностальгия по Италии для русской артистической души — “ностальгия по родине”»³³.

Но Италия является для Александра Амфитеатрова также землей изгнания, где он мог писать о России, какой для Николая Гоголя был Рим. Удаленное местожительство в Леванте стало поэтому местом, где он доводит до завершения многие редакции романов, оставшихся затем в гранках или начатых и отложенных до лучших времен, таких, как тетралогия «Сестры», опубликованная в Берлине в 1922—1923 гг., романы «Без сердца» и «Ски-талец», оба опубликованы в Берлине в 1923 г., исторический роман «Концы и начала» (Берлин, 1923 г.), роман в двух томах «Вчерашние предки», первый том которого опубликован в Новом Саде в 1928 г., а второй — в Белграде в 1931 г., роман трилогия «Лильяша» (Рига, 1928 г.). В Италии вышли переводы некоторых его работ в прозе: «Fiore di fuoco» — роман, переведенный Валентиной Долгин Бадольо и опубликованный в Милане издательством Биетти в 1931 г.; «L'assalto al cielo» (Флоренция, 1925), «La steppa incantata» — роман, переведенный Ринальдо Кюфферле и опубликованный в Милане в издательстве Биетти в 1933 г.; «L'isola vergine» — также переведенный Ринальдо Кюфферле и опубликованный в Милане в издательстве «L'Egoica» в 1930 г.

Несмотря на безнадежные попытки опубликовать в итальянском переводе более известные свои романы, которые на родине приняты были с большим успехом, Александр Амфитеатров удостоился в Италии несомненной любви у современной ему критики³⁴.

26 февраля 1938 г. смерть сразила его за письменным столом, прервав работу, над которой он трудился.

Примечания

- ¹ Среди многих и плодотворных опытов публицистики и издательской работы важно упомянуть его сотрудничество с сатирическим журналом «Будильник» в 1882—1886 гг., где он познакомился с Антоном Чеховым, который ценил его фельетоны, считая его талантливым писателем. В первом томе воспоминаний Амфитеатрова «Жизнь человека, неудобного для себя и для многих» многочисленные страницы посвящены великому драматургу и писателю.
- ² В своих воспоминаниях он называет среди других Аделину Патти, Паолину Лукка, Паолину Скальки-Лолли, теноров Мазини, Станьо, Кампанини, Сильву, баритонов Котони и Падиллу, сопрано Матильду Вольпини и драматического тенора Андреа Марини. См.: *Амфитеатров А. Жизнь человека, неудобного для себя и для многих*. М., 2004. Т. 1. С. 522, 331.
- ³ Цветан Тодоров по этому поводу вспоминает процесс транскulturации как «приобретение нового кодекса без потери собственного». См.: *Todorov T. L'uomo spaesato / Trad. Di M. Baiocchi*. Roma: Donzelli, 1997. P. 12.
- ⁴ О подробностях быта Амфитеатрова и его семьи в лигурийском местожительстве см.: *Tamborra A. Esuli russi in Italia dal 1905 al 1917*. Bari: Laterza, 1977; *Cazzola P. Esuli russi sulla Riviera spezzina (1905—1917)* in AA.VV; *Viaggiatori stranieri in Liguria / A cura di E. Kanceff*. Moncalieri: C.I.R.V.I., 1992. P. 257—265.
- ⁵ Политической газетой анархического направления был в Специи в то время «Il Libertario» под редакцией Паскуале Бинацци. Газета публиковала статьи публициста и революционера Кропоткина, возвышала фигуру Кардуччи, которого считали «революционером» и «агитатором», и предполагала в лирическом «Корабле» Г. Д'Аннунцио синтез конечных целей анархистского движения. Анархизм Специи, однако, должен был следовать особому пути развития, который привел к согласию с поддержкой интервенции, и судьба так называемого «сильного города» оказалась связанной с войной. Действительно, здесь сформировался один из первых студенческих батальонов; демонстра-

ция молодежного патриотического духа и само присутствие военного Арсенала, строительство и вооружение военных кораблей немало способствовали подъему общего националистического чувства, которое нашло символическое выражение и идентификацию в торжествах по случаю спуска на воду военного корабля «Regina Elena» в 1904 г. О дальнейшем изучении политического, социального и культурного положения Специи в начале XX в. см.: *Il senso dell'eroico / A cura di M. Ratti. La Spezia: Fondazione Cassa di Risparmio della Spezia, 2001.*

⁶ Обширная и частично не изданная его творческая продукция включает очерки, поэзию, художественную прозу. Очерковый жанр разделяется на патриотико-пропагандистские очерки, описания мест и автобиографические; описания путешествий и литературные очерки; художественная проза состоит из романов и собраний рассказов для детей. Точные сведения о литературной продукции Э. Коццани см.: *Gamberini S. La letteratura / AA.VV. La Spezia: Volti di un territorio. Roma-Bari: Laterza, 1992. P. 689—695.*

⁷ В период с 1911 по 1916 г. журнал издавался в Специи. После временного прекращения публикаций в 1917 и 1918 гг. журнал в 1919 г. снова стал выходить в Милане, куда переселился Коццани, и продолжал там выходить до 1944 г.

⁸ Современные итальянские исследователи рассматривают как «риторические мифы» то, что в те годы представляло идеал (идеи национализма, фашизма). См., напр.: *Gamberini S. Op. cit. P. 684.*

В своих мемуарах Коццани вспоминает обстоятельства и прежде всего идеи, вдохновляющие «L'Egoica»: «Вся работа “L'Egoica” была страстным криком ради красоты, пользы, Родины, итальянцев, и здесь художники нашли дружественный прием» (*Cozzani E. Alcuni dei miei ricordi. Pisa: Giardini editori, 1978. P. 77*). «Поэзия должна иметь достойную одежду благодаря доведению (графического искусства) до высоты примеров Чинквеченто, используя особым образом деревянную резьбу, которая есть графическая форма, более приспособленная к книге и словно ставшая естественной с ней» (*Ibid. P. 75—76*).

⁹ Возможно, интересно узнать, что в «Синтетической программе» «Леонардо» — также журнала с изысканнейшим внешним видом, украшенного гравюрами, — аналогичная ориентация, определенная Папини: «Молодые основатели в Искусстве любят идеально преображенные жизни и борются в ней с низшими (худшими) формами, стремятся к красоте как чарующему изображению и раскрытию глубокой и безмятежной жизни»; между тем как Боргезе так заявляет, вводя свой журнал «Hermes» в культурный контекст времени: «Мы заявляем о себе... как об аристократах в искусстве... мы язычники и даннунцианцы».

- ¹⁰ Среди других австрийский журнал «*Ver sacrum*», немецкие «*Simplicissimus*» и «*Pan*»; французские «*Pliiade*», «*Dicadent*», «*Symboliste*», «*La plume*», «*Mercure de France*»; британские «*The Dial*», «*The Little Review*», «*The Transatlantic Review*» «*Secession*», «*The Criterion*»; русские «*Весы*», «*Золотое руно*», «*Аполлон*».
- ¹¹ Об успехе того, что это было подлинным культурным событием, еще раз свидетельствуют слова Этторе Коццани: «Из-за незабываемого приема Выставки я дерзнул на запретное: попросил у Синдика Венеции, и с упорством, которое превышало дерзость, предоставить залу для Биеннале (последнее Биеннале перед войной 1915—1918), ко мне пришло письмо Антонио Фраделетто, секретаря, с сообщением мне о разрешении! Другие подтверждения, другие победы, подаренные Родине во имя искусства, и для меня они остаются яркими доказательствами, — достойные внимания свидетельства и статьи в газетах и журналах» (*Cozzani E. Alcuni dei miei ricordi*. P. 80—81).
- ¹² Он принимает и представляет автора рассказа, используя присущий журналу обычный высокопарный стиль: «Александр Амфитеатров, один из наиболее благородных умов и наиболее серьезных мыслителей обновляющейся России и из наиболее не известных в Италии, дает нам в переводе Иларии Амфитеатровой свое видение поэзии...» (*L'Eroica*, V. III, anno III, 1913. P. 8).
- ¹³ Это связано с характерной тематикой русского Серебряного века, нашедшей отражение в сборнике «Красивые сказки», опубликованном Амфитеатовым в Санкт-Петербурге в 1908 г. Сборник, который включает сказку «Мертвые боги», воссоздающую обстановку в Тоскане, пронизан желанием согласовать христианство с дионисийством, одушевлен интересом к древним культам и к пантеистическим мотивам, с персонажами, часто жертвами нечистых сил.
- ¹⁴ Опубликовано в журнале «*L'Eroica*»: I акт — октябрь — ноябрь 1913, II акт — ноябрь — декабрь 1913; III акт — январь — февраль 1914 в переводе Иларии Амфитеатровой и Этторе Коццани.
- ¹⁵ *L'Eroica*, agosto 1914, fascicolo II-III. P. 13—22.
- ¹⁶ *Ibid.* P. 14.
- ¹⁷ *Ibid.*
- ¹⁸ *Ibid.* P. 17.
- ¹⁹ *Ibid.* P. 21.
- ²⁰ Примечательна заметка от редакции, названная «Италия и Россия», следующая за статьей: «Сплошное незнание итальянцами проблем, касающихся нашей страны в ее этнических, исторических, политических отношениях со славянскими расами — печальное испытание для нелепостей и глупостей бесконечных писаний, трактующих в наших

журналах тему... Мы рады начать со статьи Амфитеатрова ясную и горячую кампанию за более ясную и понятную итало-славянскую позицию, вторым шагом которой будет ближайший отдельный выпуск, посвященный Сербии» (Ibid. P. 23).

²¹ Ibid. P. 22.

²² L'Eroica. Febbraio 1915. P. 86—95.

²³ Ibid. P. 93.

²⁴ Ibid. P. 95.

²⁵ В 1913 г. Амфитеатров совершил продолжительную поездку в Германию, из которой он вынес глубокое чувство изумления и страха, обратив внимание на распространенную воинственность (belligeranza), поняв общий настрой на войну. Вернувшись в Италию, он начал часто обмениваться письмами с русскими эмигрантами, которые спрашивали у него совета, как вести себя в отношении отныне близкого конфликта. В ответ на полученные письма русский интеллектуал опубликовал в итальянских ежедневных газетах «Il Messagero» и «Il Giornale d'Italia» пылкое воззвание поступить волонтерами на военную службу, если не в русское войско, то во французское. Зиновий Пешков (сын Максима Горького) был первым, кто принял близко к сердцу это воззвание. С сотней лир в кармане ему удалось оставить Леванто, отправившись во Францию, и записаться в Иностраннный легион (*Амфитеатров А. Жизнь человека, неудобного для себя и для многих. Т. 2. С. 183*).

²⁶ Там же. С. 177.

²⁷ В то же самое время он работал над циклом романов, которых, согласно начальному проекту, должно было быть 12 — с названием «Сумерки божков», грандиозной панорамы русской цивилизации XIX в., отныне достигшей упадка и представленной во всех своих аспектах — социальном, экономическом, политическом и художественном. Отсюда подтверждение названия «Русский Бальзак», высказанного Горьким (Горький и русская журналистика // Лит. наследство / Под ред. И. Зильберштейна и Н. Дикушина. М., 1988. Т. 95. С. 185).

²⁸ См.: Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века: Энцикл. биограф. слов. М.: РОССПЭН, 1997. С. 29.

²⁹ Garetto E. Per una mitologia della provincial russa: Dai materiali autobiografici di A. V. Amfiteatrov // Europa orientalis. 2003. Vol. 1. P. 139—140. Исследовательница провела важные поиски материалов, содержащихся в архиве «Амфитеатров», который хранится в Lilly Library Университета в Блумингтоне в штате Индиана.

³⁰ L'Eroica, quaderno 103. P. 38—41.

³¹ Amfiteatrov A. Gli italiani leggono i poeti russi // Ibid. P. 41. Чтобы понять, по крайней мере отчасти, отношение итальянских читателей к

русской литературе, интересно краткое вступление Джованни Гандольфи, названное «Slavia» и опубликованное в «L'Eroica» (quaderno 116, 1928. P. 58—62). Переводчик отмечает издательскую активность Карабба и Славии, замечая, что каждый месяц появляются многочисленные тома, романы, драмы, лирика, поэмы, исторические и философские трактаты, переводы с оригиналов, часто сопровождаемые критическими вводными статьями специалистов, таких, как Ло Гатто, Дамиани, Мавер, Поллак. Однако, уточняет автор, активность славистов оказывается немного неровной и слишком склонной удовлетворять вкусы публики. Он поэтому сожалеет, что «некоторые писатели не первого значения (как, например, этот вульгарный и брутальный Маяковский, которого некоторые считают великим поэтом) в специальных журналах скрупулезно изучаются и восхваляются, в то время как другими, гораздо более значительными, соответственно пренебрегают» (*Gandolfi G. Slavia*. P. 60). Он заканчивает свое выступление переводом некоторых лирических стихов Константина Бальмонта, указав на него как на «короля современной русской лирики», мало известного в Италии, за исключением лишь некоторых сведений о нем в работе Этторе Ло Гатто, некоторых переводов в прозе Олкиенской Нальди; равно в пренебрежении Брюсов, Иванов, Белый, Гумилев, Кузмин. «L'Eroica», со своей стороны, считает заслуживающим внимания распространение русской культуры и литературы: рядом с рассказами и статьями Амфитеатрова на ее страницах публикуются литературные сочинения и критические предисловия к ним. В августовском номере 1911 г. появляется статья, посвященная Мусоргскому, названная «L'Omaggio dei bimbi» и подписанная Фаусто Террафранком; в 1913 г. (3 том) опубликована новелла Максима Горького «Di notte», переведенная Л. Риолой, в 1926 г. (тетради 93—94) появляется новелла Ивана Бунина «Notre dame de la Garde» в анонимном переводе; в мае 1927 (тетрадь 105) лирика «Aljoscia Popovii» Алексея Толстого, переведенная Джованни Гандольфи. Наконец, как вклад в изучение проникновения итальянской культуры в Россию опубликована статья Илари Амфитеатровой, названная «Элеонора Дузе в Москве» (октябрь — ноябрь 1942 г., тетради 290—293).

³² В «Le opere e giorni», sn, sd. P. 48—60. Приводимый здесь текст хранится в Библиотеке Марчиана в Венеции; копия журнала лишена библиографических указаний, относящихся к номеру и дате публикации.

³³ *Amfiteatrov A. L'Italia nella poesia russa classica*. P. 58.

³⁴ Об этом свидетельствует пространная статья, посвященная ему Этторе Коццани (*Cozzani E. Alessandro Amfiteatrov // L'Eroica, quaderno 158, октябрь 1931. P. 29—35*), в которой, помимо реконструкции био-

графии друга и сотрудника и подчеркивания некоторых черт его личности, например мужества, упорства, он освещает существенные аспекты его деятельности и мировоззрения: «Сознавая, что человек всегда был человеком и что сегодняшняя жизнь, даже при огромном различии внешних аспектов, есть ключ, который открывает всякую тайну жизни всех времен, он ставит на службу своего исторического исследования и своей реконструкции неустанное рассмотрение всего того, что он видел и прожил в счастливые годы молодости и в драматические годы зрелости, в странах и среди народов столь разных: и вся его сила — в умении влить живую кровь в артерии персонажей, которых время мумифицировало или которые с истечением мгновения в театре жизни оставили только призрачные следы. Его стиль ясный, строгий, лаконичный, который становится образным не столько из-за формального поэтического богатства, сколько из-за неисчерпаемой оригинальности сопоставлений идей и выражений, колеблется всегда на грани откровенной грубости, которая проистекает у него, однако, не от словесной силы, но от смелости, с которой скульптор и живописец вносят в изображение и в рассказ постоянную вибрацию человечности» (Ibid. P. 31).

Э. Б. Ершова

РОЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ КОНЦА 60-х — НАЧАЛА 70-х гг. XX в. В ФОРМИРОВАНИИ ОППОЗИЦИОННОСТИ В НАСТРОЕНИЯХ СОВЕТСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

К концу 60-х — началу 70-х гг. общественно-политическая обстановка в стране была двухуровневой: внешний — успехи социалистического строительства во всех областях жизни, признание, что построен «развитой социализм» и СССР движется к построению уже коммунистического общества, что необходимо

© Ершова Э. Б., 2008

Ершова Эльвира Борисовна — доктор исторических наук, профессор, действительный член Академии гуманитарных наук, академик, профессор кафедры истории и политологии Государственного университета управления (Москва).

только чуть-чуть поднапрячься и «мы уже в коммунизме». Другой — «кухонный» интеллигентский, где говорилось о проблемах советского общества, о надоевшем контроле со стороны партийных органов и КГБ за мыслями и поступками не только высоко стоявших представителей власти, но и рядовых, о сложностях оформления поездок за границу, хотя при Л. И. Брежневэ это стало гораздо проще, чем раньше. Думающая интеллигенция в своих суждениях во многом опиралась на литературу, в которой можно было прочесть об этом между строк. Особое значение имели публикации известных писателей, подвергавшихся преследованиям внутри страны и уезжавших за границу, а также литература, привозимая контрабандным путем из Болгарии, Чехословакии, где она публиковалась на русском языке, в том числе и закрытая для советского читателя. Поэты и писатели — важная часть любого интеллектуального общества. В этом ракурсе общая задача интеллигенции — точно следовать истине человеческого состояния с тем мужеством, которое необходимо, чтобы сохранить независимость от сил, стремящихся скрывать действительное положение дел. Талантливые люди быстрее всего понимают важность честности в творчестве и развивают в себе необходимое для этого мужество. Человеку, обладающему талантом, лично быть честным по отношению к себе и обществу «выгодно», ибо это позволяет развивать свой дар. Творчество уменьшает человеческие страдания и является источником вдохновения для совершенствования человечества в целом и личности в частности. Жизненно важными были для интеллигенции произведения многих поэтов и писателей конца 60-х — начала 70-х гг. XX в.

Точкой отсчета нового времени в СССР можно считать XX съезд КПСС, когда Н. С. Хрущев выступил против культа личности И. В. Сталина. Это было начало «хрущевской оттепели». С публикации повестей А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» и М. Алданова «Портрет на скале» все решили, что наступила эпоха свободы слова. К этому времени в среде той советской интеллигенции, которая была настроена оппозиционно к власти, были известны многие произведения Бориса Пастернака. В 1956 г. ждали публикации его романа «Доктор Живаго», но он оказался под запретом как антисоветский. Когда в 1957 г. роман увидел свет сначала в Италии, а потом в других

странах, его стали привозить контрабандой в СССР, где переписывали от руки, на пишущих машинках и передавали по секрету тем, кого знали достаточно близко и кому могли доверять. Это не было массовым явлением, но со времени появления первых экземпляров книги среди интеллигенции Борис Пастернак стал в некотором смысле ее совестью. Хотя Пастернак ушел из жизни в 1960 г., его идеалы, высказанные в «Докторе Живаго», распространялись быстро среди художественной и передовой вузовской интеллигенции. Можно сказать, что эта ориентация на нравственные качества доктора Живаго привела общество к событиям 90-х гг. в СССР. Последние два десятилетия показали, что из этого получилось. Сегодня можно все оценивать по-разному, но в те далекие уже 60-е гг. «Доктор Живаго» и его автор стали символом совести советской интеллигенции.

Что же именно в произведениях Пастернака является основой идеалов нравственности, совести для советской интеллигенции 60-х гг. XX в.? Сюжет и герои романа «Доктор Живаго» показаны сквозь призму взглядов русской интеллигенции рубежа XIX—XX вв. Сам Пастернак по своей родословной принадлежал к этой интеллигенции и через опыт своего поколения, своего социального слоя выражал отношение тех, кому приходилось жить в реалиях советской власти. Он проиллюстрировал это разочарованием средних слоев общества в Октябрьской революции, в тоталитарных методах перестройки 20—30-х гг. Эта часть интеллигенции хотела иметь общество, основанное на свободе личности и свободе творчества при гражданской ответственности перед другими. Большая привлекательность идей социализма для интеллигенции конца XIX — начала XX в. заключалась в том, что, как казалось, он был рациональным решением противоречия между стремлением человека к свободе и антилибертариистскими аспектами индустриального общества. Однако с течением времени рационализм XIX в. стал практической и эффективной организацией индустриального развития XX в. В СССР он обернулся насильственной индустриализацией за счет разорения миллионов крестьян. Но, если учитывать ситуацию 30-х гг., когда мир получил фашистские Германию и Италию с их стремлением к мировому господству, можно ли было в России спокойно выжидать эволюционного развития индустрии, способной обеспечить ее

независимость и оборону? В 60-е гг. советская интеллигенция таких вопросов себе не задавала, ибо была свежа память о Великой Отечественной войне, сильна коммунистическая идеология и не были доступны многие документы о том, что происходило в стране в целом и в высших эшелонах власти в частности. Всем казалось, что партия и народ едины и неразделимы в своих стремлениях к светлому будущему. Поэтому открытием в произведениях Пастернака для интеллигенции 60-х гг. было другое — его мировоззрение, другое видение жизни.

Основа мировоззрения Б. Пастернака — человек, живущий простой и истинной жизнью. В этом он шел от христианского учения о преодолении смерти через любовь к ближнему, доказывая, что совершенство человека в его современном индивидуализме двойственно: 1) каждый человек — свободно развивающаяся личность и 2) жизнь — это жертва ради блага человечества. Полная реализация личности и обязанности перед другими связаны вместе идеей писателя о том, что жизнь — это взаимное переплетение частных в целое.

Взгляды Б. Пастернака стали откровением для интеллигенции 60-х гг. И чем больше она вдумывалась в его произведения, тем больше открывала для себя другой мир мысли и чувства, другой мир предназначения творческой личности, художника, писателя. Основой творческих способностей человека он считал отношение к самоотдаче — любви. На этом чувстве зиждется истинное искусство. Поэтому задача интеллигенции (для Пастернака в особенности задача поэтов и писателей) — наблюдать человеческую натуру и природу и точно отображать жизненные принципы — внутриличностные и общественные отношения, и законы природы.

Пастернак считал, что художники обладают особым талантом интуитивно воспринимать и выражать основы жизни намного глубже, чем обычные люди. Он твердо верил, что талант учит честности и мужеству, так как раскрывает драматический замысел существования человека; что одаренный человек сознает, насколько выигрывает жизнь при полном и должном освещении и сколько она теряет, находясь в полутьме. И талант должен стремиться к этой правде жизни несмотря на то, что такая позиция может обернуться трагедией.

В своем романе он показал отношение к революции средних слоев интеллигенции, для которых она была магическим образом, ибо представлялась относительно бескровным путем к такому гуманному демократическому обществу, где появится возможность для личности развить или улучшить себя, отдавая отчет в необходимости ответственного поведения. Предполагалось, что человек будет руководствоваться разумом, совестью и хорошими манерами, что приведет автоматически к прогрессу. Именно поэтому интеллигенция до революции видела в монархии сдерживающий фактор идеям личностно-ориентированного гуманного демократического устройства страны.

Октябрьская революция оказалась не той революцией 1905 г., которую идеализировала интеллигенция. Это была новая, кровавая, жестокая, стихийная, солдатская революция под руководством профессиональных революционеров — большевиков. Но, по свидетельству многих представителей художественной интеллигенции и самого Пастернака, в те головокружительные дни 1917 г. им казалось, что сама природа двигалась сквозь революцию, наполняя все живые существа предчувствием будущего величия России. А жертвы, приносимые ради нового общества, казались исторически необходимой частью его строительства. Представления самого писателя о новом обществе основывались на образе семейного очага, который формирует личность, а общественная организация должна была способствовать развитию творческих начал в человеке.

Анализируя дальнейшие события через восприятие доктора Живаго, Пастернак пришел к выводу, что революционеры (имея в виду большевиков. — Э. Е.) не поняли реальных нужд людей. По своим стремлениям они делились на несколько категорий, в числе которых одни были хитрецами, работавшими на себя; другие — искренними, но наивными, одержимыми единственной идеей разрушения; третьи находились под властью данного исторического направления и стремились реализовать его любыми средствами. Были и убежденные в правоте партии, мечтавшие создать на земле рай. Б. Пастернак делает вывод, что эти люди были просто некомпетентными борцами за будущее, что они никогда не несли ответственности за те страдания, которые они

причинили огромной массе людей в надежде на оправдание их действий будущим счастьем, так никогда и не наступившим.

В принципе можно было бы с этим выводом согласиться, но при том условии, что все действия большевиков совершались бы в мирное время, в условиях поступательного движения общества и государства. Тогда, возможно, для их исторической миссии не было бы места, но история не терпит сослагательного наклонения. И было то, что было. Для шестидесятников в то время все эти рассуждения писателя имели огромное значение и открывали совершенно новый уровень понимания истории. Можно только предполагать, что роман Бориса Пастернака привел к появлению в исторической науке в начале 60-х гг. исследований Ю. Кима, С. А. Федюкина, Л. Зака, В. С. Меметова и других историков, философов, разработавших новые подходы к истории интеллигенции России.

Возвращаясь к мировоззрению писателя, необходимо отметить, что в своем романе он показывает позднейшее сожаление средней интеллигенции, восторгавшейся ранее целеустремленностью революционеров и радикальными разрушениями, о своей поддержке рвавшихся к власти большевиков. Они слишком поздно поняли, что революционеры разрушили гуманистическую часть всех структур и моральных ценностей общества, ликвидировали своими действиями закон природы о ценности каждой человеческой личности и ее жизни, и тем самым попрали совесть человека. Красная революция стала огромным паразитом, сосущим кровь России при помощи террора и подавления всякого инакомыслия.

Продолжая развивать свое представление о событиях, последовавших за октябрём 1917 г., Пастернак изложил идею такой организации нового общества, которая, прежде всего, должна была бы способствовать самосовершенствованию личности и выполнению ею общественных обязанностей по отношению к другим, что можно было бы выразить понятием «двойственный органический индивидуализм». Жизненно необходимыми при этом, по Пастернаку, являются личные частные аспекты жизни: любящая семья, приносящее удовлетворение призвание, забота о собственном спасении, установление честных и ответственных от-

ношений между людьми. Он допускал, что подчас взаимоотношения людей могут быть нарушены из-за наплыва чувств: полного погружения в ежедневную профессиональную работу, созвучия с музыкой природы и многого другого. Однако при этом человек должен знать жизнь и жить в соответствии с этими знаниями просто и честно, что включает в себя личную и интеллектуальную порядочность, правдивость и мужественность, открытие для себя целостности жизни и осознание того места, которое каждый занимает внутри нее. Способом достижения двойственного идеала «органического индивидуализма» должно стать следование законам природы и создание такого общества, где бы взаимодействовали труд и закон. Уже в своих первых стихах Пастернак метафорически сравнивал социализм с морем жизни (активным и человеческим обществом), в которое впадают отдельные реки (жизни людей). Позднее это радужное видение радикально изменилось под давлением происходивших в 30-е гг. событий. Однако были видны и противоречия в мировоззрении писателя. Если политические взгляды его включали в себя органический индивидуализм и конституционную демократию, то представление об экономической стороне сводилось к неопределенному понятию «социализм», который был популярным термином для передачи идеи о гуманном экономическом порядке, хотя детально это так и осталось им не разработанным. Да и можно ли было ожидать такой разработки от писателя в его художественном произведении? Все, на что он был способен — это дать обществу свое видение «порядочного, человеческого государства», в котором порядок возможен в случае взаимодействия личностей, обладающих социальной ответственностью и преодолевающих существующие в обществе бедность, болезни, невежество, насилие. Но при этом он считал необходимым отсутствие монополизирующих власть политических структур или структур, мешавших экономическому развитию страны.

Для интеллигенции 60-х гг. это было близко и понятно, но никто из ее представителей, как и сам Б. Пастернак, не знал, каким путем этого можно было бы добиться. Насильственный путь исключался, помня слова А. С. Пушкина о русском бунте, страшном и кровавом, через который Россия уже проходила; де-

мократического пути пока не предвиделось в связи с однопартийностью системы и полным подчинением ей всех силовых структур. Единственной отдушиной для интеллигенции того времени были трудовая деятельность, как думалось — «на пользу» народу российскому, да «кухонные посиделки» с доверенными друзьями. Интеллигенция надеялась, что когда-нибудь кончится это время и начнется другое, более свободное, более достойное человеческого бытия, а не просто уравниловки для одних и большей льготности и свободы для других. Но оказалось, что те, кто держал власть в своих руках, позднее воспользовались разрушительными трудами интеллигенции, обобрали страну и народ, вновь очутившись у кормила власти.

Именно надежды на лучшее и заставляли интеллигенцию 60-х гг. ориентироваться на Пастернака и его литературных героев, сверяя свои поступки с их нравственностью и ожиданием лучшего.

В те годы даже в национальных регионах и на местах стало ясно, что вся партийная линия на строительство коммунизма терпит крах, так как материальное обеспечение ухудшалось несмотря на повышение заработной платы, а произносимые с трибун слова расходились с практикой жизни. Относительная «свобода слова» во времена хрущевской оттепели закончилась созданием ухищренных методов отправки неугодных в специальные отделения психбольниц или высылкой за границу, установлением наблюдения со стороны КГБ за более или менее подозрительными личностями, выражавшими так или иначе свое недовольство положением дел в стране. Об этих эпизодах советской действительности в провинции узнавали по великому секрету разными путями: кто-то слушал «Голос Америки», «Свободу», «Би-би-си»; кто-то через друзей, работавших в партийных органах и имевших доступ к присылаемым ЦК КПСС «дайджестам» зарубежной печати, и т. д. Не всё, но многое, что происходило в верхах, читали между строк в «Новом мире». Какие-то публикации привозились нелегально и списками расходились по стране. Так, автору удалось ознакомиться в те годы с запрещенными публикациями Светланы Аллилуевой, Александра Солженицына, Виктора Некрасова и других писателей, уехав-

ших за рубеж и публиковавших там свои критические материалы о советской действительности 70-х гг.

Но такая информированность была возможна лишь при условии тщательно подобранных групп интеллигенции по интересам. Не всем можно было рассказать, о чем говорили или не говорили на той или иной встрече друзья и знакомые. Так, например, в Гомеле (Белоруссия) в конце 60-х и до середины 80-х гг. было несколько кружков, где собиралась избранная (имеется в виду уровень образованности и интеллектуальности) интеллигенция. Дело прошлое, и я надеюсь, что мои друзья простят мне этот рассказ о них. Наш небольшой кружок состоял из 10—12 человек, среди которых были художница, врачи-психиатры, преподаватели вузов по философии, иностранному языку, военные, работник культуры, а затем и партийный, инженеры с предприятий и т. д. По национальному составу они были русскими, евреями, украинцами, белорусами, но особого значения это не имело.

Собирались по разным поводам: дням рождения, советским праздникам, на Новый и Старый год, Рождество и даже просто по той причине, что кто-то где-то был и привез необычную бутылочку вина, или на зайчатину, лосину после охоты, пиво и сушеную рыбку, и так далее. Это не было спаиванием коллектива, все — в разумных пределах, главное заключалось в общении.

Характерно, что у всех был интерес к международной обстановке, потом переходили к громким делам, известным по закрытым материалам партийных органов, сообщениям зарубежного радио. Начинали критиковать руководство, которое все не так делает и не так руководит народом — не дает возможности сказать правду о грязных «делишках» некоторых партийных деятелей, решавших по звонку судьбы талантливых, но неугодных им людей; не наказывает чиновников, а просто переводит их с одной руководящей должности на другую. При этом необходимо отметить, что разговоры и критика раздавались не в адрес советской власти как таковой, а относились к людям, находящимся у власти.

По сравнению с тем, что сейчас делают чиновники, те преступления партийных функционеров кажутся мелочью. Например, обвиняли первого секретаря обкома партии в том, что по его поручению шофер каждый день объезжает промтоварные и продук-

товые базы и берет все дефицитное по тому времени, что следом за ним это делают нижестоящие руководящие работники партийных, советских, профсоюзных и других органов. С одной стороны, признавалось право руководителя на приобретение каких-либо дефицитов, но, с другой, считали, что этого не должно быть настолько много, как об этом говорили. Когда дело приобретало очень широкий резонанс, обком партии принимал кардинальное решение о перемещении провинившегося партработника на другую должность. Так произошло с секретарем Светлогорского ГК КПСС Гомельской области П. И. Шапкиным. Его жена очень любила просматривать все поступления на базы города и района. Отобрав для себя и своей семьи вещи, она их оставляла на время, дожидаясь уценки как непроданных. И после этого они поступали в продажу из-под прилавка для нее. В течение нескольких лет такая практика привела к тому, что в обком партии была написана анонимка, которую проверила направленная в Светлогорск комиссия партконтроля. И Петра Ивановича Шапкина перевели в Гомельский обком партии руководителем университета марксизма-ленинизма ОК КПБ. Семья получила хорошую трехкомнатную квартиру. Зарплата, естественно, оказалась намного меньше, чем он получал, будучи секретарем горкома КПБ. Таких примеров было достаточно много, и они обсуждались рядовыми гражданами, работавшими в разных сферах народного хозяйства и общавшихся между собой.

Другой темой встреч в таких критически настроенных обществах была литература, философия, еврейский вопрос и борьба евреев за право выезда из СССР в случае желания или какой-либо необходимости.

В 1971 г. обсуждали открытое письмо Ростроповича по поводу гонений на Солженицына, позднее — выезд Вишневецкой и Ростроповича за границу, лишение их гражданства СССР и многие другие события, происходившие в то время внутреннего диссидентства интеллигенции. Но это была оппозиционность не самой Советской власти как таковой, а её представителям, стремившимся сохранить контроль над обществом, не терпящим ни от кого, кроме самих себя, критики и считающим незыблемым тот пьедестал, на который они взобрались после революции 1917 г.

В те годы никто из провинциальной интеллигенции, во всяком случае в Белоруссии, не задумывался над тем, какой строй России, Советскому Союзу нужен. Форма Советской власти казалась достаточно удачной, но вот люди, попадавшие в эту власть, были не интеллигентны, не могли соответствовать сдвигам мирового масштаба (компьютеризация Запада в 70-е гг. и технологическое отставание СССР), имели низкий образовательный уровень, несмотря на наличие диплома о высшем образовании. Так, секретарь по идеологии одного из райкомов партии Гомельской области, после представления ей кандидата на должность директора районного Дома культуры с характеристикой, что он знает музыку Чайковского, ответила: «Ну и что, подумаешь, если он с ним за руку здоровался, так уже и знает его». Трудно было принять это за шутку...

Интеллигенция конца 60-х — середины 80-х гг. была настроена критически, ее возмущали привилегии, которыми себя награждала партийная и советская верхушка, вседозволенность, превышающая все мыслимые по тому времени мерки нравственности. Отсутствие свободы самовыражения, возможности получать объективную информацию обо всем, что делалось в мире и в стране, заформализованность жизни и невозможность самой встать у власти, чтобы обратить ее во благо народу, — все это возмущало интеллигенцию.

Ее неявный критицизм в адрес власть имущих будил в сознании народа понимание несправедливости власти, постоянно повторявшей, что она руководит обществом в интересах народа, что строит такое государство, которое будет о нем заботиться. На деле все понимали, что марксизм-ленинизм — опора партийных деятелей — не наука, а догма, окруженная массой без конца повторяемых лозунгов. Постепенное понимание этого вызывало у интеллигенции ответную реакцию, приведшую к известным изменениям в стране.

В. В. Комиссаров

**ОТ «ЖЕЛАЮЩИХ СТРАННОГО» ДО «ВЫРОДКОВ»:
ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ
В ТВОРЧЕСТВЕ А. Н. и Б. Н. СТРУГАЦКИХ**

Актуальность заявленной темы определяется рядом факторов. Во-первых, писатели А. Н. Стругацкий и Б. Н. Стругацкий сами являлись типичными представителями советской интеллигенции 1950—80-х гг., что подтверждается и фактами их биографии. Старший из братьев — Аркадий Натанович (1925—1991) провел первую военную зиму в блокадном Ленинграде, в 1942 г. он был эвакуирован из города по «дороге жизни». В следующем году его призвали в армию, вскоре откомандировали для обучения в Военный институт иностранных языков. До 1955 г. А. Н. Стругацкий служил на Дальнем Востоке в должности переводчика с японского языка. К армейскому этапу его биографии относится и «первая проба пера». В 1954 г. он, на основе зарубежных первоисточников, опубликовал в соавторстве антиимпериалистическую документальную повесть «Пепел Бикини» — об американских ядерных испытаниях на островах Тихого океана. И впоследствии знание иностранных языков (японского и английского) сыграло положительную роль в творчестве писателя: он мог ознакомиться с зарубежной критикой и беллетристикой из первоисточников (о чем свидетельствует анализ многих произведений Стругацких); много занимался литературными переводами.

Биография младшего брата — Бориса Натановича — более типична для поколения «шестидесятников». Родившись в 1933 г., он вступил во взрослую жизнь в послевоенные годы. На физмате Ленинградского университета Б. Н. Стругацкий получил специальность астронома. В конце 1950-х оба брата стали публиковаться в соавторстве, очень скоро приобрели огромную популяр-

---

© Комиссаров В. В., 2008

Комиссаров Владимир Вячеславович — кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социальных дисциплин ФГОУ ВПО «Ивановская государственная сельскохозяйственная академия имени академика Д. К. Беляева».

ность в научно-фантастическом жанре и уже в начале 1960-х были приняты в Союз писателей СССР.

Стругацкие проживали в двух «интеллектуальных столицах» СССР: Аркадий — в Москве, Борис — в Ленинграде. Этому соответствовал и круг общения: они были лично знакомы с выдающимися представителями литературы и искусства. Так, А. Н. Стругацкий находился в тесных приятельских отношениях с В. С. Высоцким¹, писателем Аркадием Аркановым. Оба брата писали сценарии для кинорежиссеров А. Ю. Германа и А. А. Тарковского. Этот перечень можно продолжить. Братья Стругацкие представляли лучшую часть интеллигентов-шестидесятников, и уже данное обстоятельство делает актуальным изучение их творчества в контексте интеллигентоведческого дискурса.

Произведения Стругацких были важным фактором формирования интеллигентского сознания в 1960—80-х гг. Уже в конце 60-х их роман «Трудно быть богом» фигурировал как самое популярное у советских читателей научно-фантастическое произведение². К 1 января 2001 г. 30 произведений писателей выдержали 441 переиздание в 33 странах³. В 1970—80-е гг. Стругацкие участвовали в работе семинаров молодых фантастов, чем способствовали развитию научно-фантастического жанра в СССР. Аркадий Натанович был одним из руководителей московского семинара, а Борис Натанович создал свой семинар в Ленинграде. К настоящему времени вокруг их творчества возникла своеобразная субкультура. Существует большая группа авторов, которые дописывают отдельные сюжеты, создают квазинаучные работы, где пытаются определить те моменты в биографиях персонажей, которые упущены в произведениях, составляют хронологию событий в вымышленном мире писателей. Все это свидетельствует о том, что фантастика Стругацких продолжает сохранять как популярность, так и актуальность.

Научно-фантастический бум 1960—70-х гг. был порожден в значительной степени духовными исканиями советской интеллигенции. Отечественный литературный критик В. Ревич писал: «Интеллигенция делает попытку добиться в своей стране хотя бы сносных условий существования. Рождается мощное движение шестидесятников. Неожиданно для всех одной из составных и существенных частей движения становится фантастика, до тех

пор уютно коротавшая время в комнате развлечений для детворы»⁴. Творчество А. Н. и Б. Н. Стругацких также являлось продуктом интеллигентской среды того времени, и их произведения предназначались, прежде всего, интеллигентной аудитории. Именно поэтому вполне закономерно рассмотрение творчества писателей в контексте интеллигентоведческого дискурса.

Основными источниками настоящей работы выступают научно-фантастические произведения братьев Стругацких, которых достаточно много, что и вызывает необходимость дать хотя бы краткую типологию. Они были созданы в разное время, различаются по объему, сюжету, композиции и другим признакам. С точки зрения времени и места действия романы и повести Стругацких можно разделить на три большие группы. Во-первых, это произведения, сюжет которых развивается в реальном историческом пространстве, время действия соответствует времени написания. К таковым следует отнести «Извне», «За миллиард лет до конца света», «Хромая судьба», «Пять ложек эликсира», пьеса «Жиды города Питера». Во-вторых, это произведения, в которых действие протекает в фантастическом мире будущего. Данные повести объединяют отдельные персонажи и сюжетные линии, переходящие из произведения в произведение. Их достаточно много, и поэтому полное перечисление названий в данном случае нецелесообразно. И к третьей группе относятся произведения, герои которых живут вроде бы в современном авторам и читателям мире, но либо действие окружено сказочно-фантастическим антуражем, либо помещается в далекие, часто вымышленные страны. Из последних в настоящей работе будет анализироваться повесть «Второе нашествие марсиан».

Естественно, что исторический анализ художественных текстов сопряжен с рядом трудностей.

Во-первых, это сложности текстологической критики. Не все издания произведений Стругацких идентичны, что связано, прежде всего, с давлением цензурных требований. Данная черта четко проявилась в судьбе повести «Обитаемый остров». Ее журнальный вариант 1968 г. разительно отличался от первого книжного издания 1970 г. В перестроечные годы авторы вновь переработали текст с целью приблизить его к изначальной рукописи. Однако некоторые моменты они сохранили как в «подцензурном» варианте.

Это связано с тем, что из «Обитаемого острова» вырос целый цикл произведений о приключениях Максима Каммерера («Жук в муравейнике», «Волны гасят ветер») и полный возврат к первоначальному тексту «слома» бы логику этих повестей. Поэтому, в данном случае, представляется наиболее целесообразным использовать окончательный, авторский вариант текста.

Во-вторых, художественный текст — не трактат и не диссертация, поэтому при его анализе не всегда возможно подвергнуть исчерпывающей рациональной реконструкции взгляды авторов на те или иные проблемы, например — социально-политические воззрения писателей. Негативную роль в данном случае сыграли и цензурное давление, которое принуждало Стругацких зачастую маскировать или исказить свою истинную точку зрения.

В-третьих, изучение литературного художественного текста всегда предполагает множественность трактовок позиции авторов. По этой причине многие выводы, сделанные на основе анализа произведений Стругацких, неизбежно будут носить вероятностный характер.

Как уже говорилось выше, научная фантастика создавалась интеллигенцией, и основным ее потребителем также были различные отряды интеллигенции. Естественно, в произведениях жанра не могли не ставиться проблемы, волновавшие именно интеллигенцию, а центральными персонажами также часто являлись интеллигенты. Как же воспринимали данную социальную группу и ее миссию в обществе А. Н. и Б. Н. Стругацкие?

Можно констатировать, что изначально отношение писателей к интеллигенции было положительным или даже восторженным. Они декларировали на страницах своих произведений ее *особую, просветительскую роль, рассматривали как главного носителя идей прогресса*. В повести «Попытка к бегству» (1962 г.) появляется определение «желающие странного». Так тюремщики на отдаленной феодальной планете называют своих образованных и рефлексирующих узников. Стругацкие устами своего героя Саула восхищаются ими: «Но теперь здесь есть люди, которые желают странного! И этого человека, конечно, боятся. Этому человеку тоже предстоит долгий путь. Его будут жечь на кострах, распинать, сажать за решетку, потом за колючую проволоку»⁵.

Подлинным гимном интеллигенции можно считать роман «Трудно быть богом» (1964 г.), безусловно, вершину «оттепельного» этапа творчества писателей. Конечно, это произведение не об интеллигенции, но она незримо присутствует практически на каждой странице. Именно интеллигенты — книгочеи, лекари, механики, писатели и поэты — являются «лучом света» в царстве феодального мракобесия, в котором развивается сюжет произведения. Именно на них, как главных носителей нравственного прогресса, и возлагают надежду авторы. «...В этом мире страшных призраков прошлого они являются единственной радостью будущего... они — фермент, витамин в организме общества, — пишут Стругацкие. — Уничтожьте этот витамин, и общество загниет... Никакое государство не может развиваться без науки — его уничтожат соседи. Без искусства и общей культуры государство теряет способность к самокритике, принимается поощрять ошибочные тенденции... Можно сколько угодно преследовать книгочеев, запрещать науки, но рано или поздно приходится спохватываться и со скрежетом зубным, но открывать дорогу всему, что так ненавистно властолюбивым тупицам и невеждам»⁶. Данный отрывок вполне мог украсить страницы не только фантастической повести, но и серьезного интеллигентоведческого исследования. Со временем столь восторженное отношение к интеллигенции сменяется у братьев Стругацких более критическим. Так, в повести «Хищные вещи века» интеллигенты получают презрительную кличку «интели». Так их называют жители фантастического города будущего, в котором протекает действие произведения, и обитатели которого, не испытывая никаких материальных проблем, погрязли в пьянстве, наркомании, распутстве. «Интели» стремятся расшевелить мешанское болото и даже готовят вооруженное выступление, но не с целью захватить власть, а лишь затем, чтобы прекратить дальнейшую деградацию населения. Но как стереотипные интеллигенты, они даже не могут обеспечить конспирацию, и все население знает об их замыслах, правда воспринимает это достаточно равнодушно. Можно предположить, что и мятеж «интелей» был бы воспринят столь же равнодушно и не принес бы никакого положительного результата. Здесь же изображена другая ипостась интеллигенции — интеллектуалы, стремящиеся подвести под потребительское обще-

ство наркоманов и алкоголиков философский фундамент. «Нам исключительно повезло. Мы родились в величайшую из эпох — Эпоху Удовлетворения Желаний... — говорит один из них, доктор Опир. — Да, мы философы, много и злобно ругали науку... Что ж, мы действительно утратили... божественную сущность. Наука отняла ее у нас. Но взамен! Взамен она бросила человечество на пиршественные столы Олимпа»⁷. Конечно, образ доктора Опир в повести Стругацких нарочито гротескный. Однако он во многом предвосхитил тех бывших кумиров театра и кинематографа, которые в настоящее время рекламируют с телеэкрана товары сомнительного качества.

Столь же пессимистическое отношение к интеллигенции присутствует и во «Втором нашествии марсиан». По сюжету произведения на Землю опять явились пришельцы (по авторскому замыслу первое нашествие описано у Г. Уэллса в «Войне миров»). Но на этот раз они не употребляют людей в пищу, им нужен только желудочный сок. И ситуация кардинально отличается от романа Г. Уэллса. Пришельцы легко нашли «общий язык» с правительствами, организовали ряд мероприятий, поощряющих лучших производителей желудочного сока, армии были распущены или разбежались сами. Более того, некоторые из решений пришельцев выглядят вполне здраво: они полностью искореняют наркоманию, т. к. она препятствует производству людьми желудочного сока. Трагический пафос этого произведения состоит в том, что интеллигенция в столь критический для человечества момент не только не возглавила сопротивление пришельцам, но и вообще самоустранилась. Ее в повести практически нет. Все повествование ведется от лица провинциального школьного учителя, т. е. типичнейшего интеллигента. Но его больше заботят бытовые проблемы, о происходящих в мире событиях он узнает из сплетен обывателей и рассказов солдат-дезертиров. Небольшую группу оппозиционных интеллектуалов правительство и население «с головой» выдали пришельцам для расправы, но они проявили милость: разрешили создать управляемую оппозицию, тех же, кто не согласился войти в нее, отправили в дальнюю ссылку. А интеллигенция «растворилась» в мещанском «болоте».

Критический взгляд на интеллигенцию присутствует в другой повести середины 1960-х — «Далекая Радуга». Ее действие

также развивается в отдаленном будущем, в котором ученые превратили планету Радуга в полигон для опасных физических экспериментов. Физики и составляют основное население планеты. Но в результате одного опыта на Радуге произошла катастрофа и всем людям угрожает гибель. Стругацкие ставят своих персонажей перед ситуацией «Ноева ковчега». В распоряжении жителей планеты небольшой звездолет ограниченной вместимости. Возникает вопрос — кого спасать? Ученых или их достижения? А если ученых, то представителей какой из соперничающих школ? На всех места не хватает. Проблему разрешил командир звездолета Горбовский, который приказал грузить в корабль детей. Таким образом, маститые ученые, проникшие в самые сокровенные тайны мироздания, оказались не способны решить столь простую, казалось бы, этическую задачу. Причем, многие из них не боялись за свою жизнь. Напротив, они были готовы остаться, лишь бы спасти материалы своих наблюдений или какие-нибудь приборы.

В этой повести Стругацкие в форме притчи отразили характерную черту научной интеллигенции периода «холодной войны», прежде всего той ее части, которая была связана с военными разработками. Речь идет о серьезной трансформации ее нравственно-этических черт. Люди, которые создавали оружие чудовищной силы и получали за это немалые блага, как это ни странно, мало беспокоились об этической стороне своей деятельности. Например, советский астрофизик И. С. Шкловский, известный широкой публике как популяризатор идеи поиска внеземных цивилизаций, оставил свои впечатления о вечеринке с участием советских атомщиков: «Бесшабашный цинизм создателей атомной бомбы тогда глубоко меня поразил. Было очевидно, что никакие этические проблемы их дисциплинированные души не отягощали... лежа в больнице Академии наук, я спросил у часто бывавшего в моей палате Андрея Дмитриевича Сахарова, страдает ли он комплексом Изерли. “Конечно, нет”, — спокойно ответил мне один из наиболее выдающихся гуманистов нашей планеты»⁸. Конечно, трансформация менталитета интеллигенции под влиянием «холодной войны» и милитаризации сферы научного поиска требует серьезного изучения. Но даже по внешним характеристикам ученые фантастической Радуги напоминают физиков-ядерщиков, осваивающих дальние полигоны где-нибудь

в Неваде, на Новой Земле или Бикини. Нравственное опустошение, на которое сначала не обращают внимания, затем, в самый критический момент, не позволяет им сделать правильный выбор.

Оригинальное прочтение проблемы «интеллигенция, власть, народ» присутствует в уже упоминавшейся повести писателей «Обитаемый остров». По сюжету данного произведения на планете Саракш существует авторитарное государство, правители которого обеспечивают свое господство, подавляя критическое мышление населения посредством особого излучения. Но есть небольшой процент жителей, сохраняющих адекватное восприятие действительности. На Саракше их называют «выродками». Излучение вызывает у них сильные головные боли и припадки, напоминающие эпилепсию. По этому признаку «выродков» выявляют и преследуют. Но затем читатель неожиданно узнает, что и правящая элита данной страны также комплектуется из «выродков», ибо правителям как раз и требуется развитое критическое мышление (конечно, властители тщательно скрывают свою патологию). Те же, кто не попал в число правителей, пополняют ряды интеллигентской оппозиции. Конечно, «выродков» Саракша нельзя полностью отождествлять с интеллигентами даже в контексте фантастического мира повести, но это именно та среда, из которой интеллигенция может формироваться. Кроме того, предположение авторов о «генетическом» единстве правящей элиты и оппозиции получает неожиданное подтверждение при изучении судеб российской оппозиционной интеллигенции. Начиная с петровских реформ российская интеллигенция генерировалась государством и была тесно связана с «верхами». Но из нее же рекрутировались и лидеры внесистемной оппозиции. А. Н. Радищев до публикации «Путешествия из Петербурга в Москву» являлся преуспевающим чиновником, многие участники декабристского движения представляли знатные дворянские фамилии империи. Лидеры народников и социал-демократов также вышли преимущественно из верхних слоев интеллигенции. Ситуация в целом повторилась в советское время. Руководители и идейные вдохновители диссидентского движения в большинстве своем не поднялись из «низов», а спустились из «верхов»: либо они сами порвали с правящей элитой, либо были из нее изгнаны в силу различных причин. В первом случае примером может служить личность А. Д. Сахарова, который был осыпан со-

ветской властью наградами, огромными суммами сталинских и государственных премий и перешел в оппозицию по внутренним убеждениям. Во втором случае следует вспомнить о таких известных диссидентах-шестидесятниках, как В. Антонов-Овсеенко и П. Якир, чьи отцы погибли в годы репрессий, что сломало судьбы сыновьям и подтолкнуло их в оппозицию.

Однако из подобной социологической модели братьев Стругацких неизбежно следует вывод о *социальной изоляции интеллигенции*. Она далека от народа, ибо по своим качествам не способна «ходить строем» и петь патриотические марши (именно этим занимается население фантастического Саракша под влиянием излучения). Но интеллигенция столь же далека и от власти, ибо последняя видит в интеллигентах своих главных конкурентов в борьбе за влияние на умы.

Тезис о социальной изоляции интеллигенции Стругацкие развивают в своей повести 1974 г. «За миллиард лет до конца света». Данное произведение — одно из немногих в творчестве писателей, где действие происходит в реальном времени и пространстве — в Ленинграде летом 1972 г.⁹ Ряд ленинградских ученых ведут перспективные научные разработки, обещающие эпохальные открытия. Но некая неведомая сила в разной форме препятствует им. Они продумывают различные способы действий в этой ситуации. Обращаться к властям бессмысленно, те их просто не поймут. А такой вариант, как апелляция к широким массам, к населению, ими даже не рассматривается, тем более что в их среде все наихудшее часто обозначается выражением «от сохи». Таким образом, каждый из героев выбирает свою модель поведения исходя из собственных наклонностей, но все эти модели капитулянтские (исключение составляет математик Вечеровский). Персонажи Стругацких также дискутируют о приоритетах в человеческой жизни, и их мнения не всегда согласуются с существующими представлениями об интеллигентской нравственности. Так, японист Глухов проникновенно вещает: «Неужели не ясно, что выбирать? Жизнь надо выбирать! Что же еще? Не телескопы же ваши, не пробирки же... Жить надо, любить надо, природе ощущать надо — ощущать, а не ковыряться в ней! Когда я сейчас смотрю на дерево, на куст, я чувствую, я знаю — это мой друг, мы существуем друг для друга, мы друг другу нужны...»¹⁰

И хотя авторы не навязывают читателям своей точки зрения, но Глухов, по контексту повествования, — человек, нравственно сломленный, отказавшийся от борьбы за свои идеи. Иную модель поведения, более прагматическую, пропагандирует Вайнгартен: «Право... на свободу научного любопытства... В двадцатом веке все равно этой свободы ни у кого нет. Ты с этой свободой можешь всю жизнь просидеть в лаборантах, колбы перетирать. Институт — это тебе не чечевичная похлебка! (По сюжету повести Вайнгартену за прекращение перспективного исследования обещано место директора крупного НИИ. — В. К.)... Когда на тебя прет тяжелый танк, а у тебя, кроме башки на плечах, никакого оружия нет, надо уметь вовремя отскочить...»¹¹

Мысль о социальной изоляции интеллигенции братья Стругацкие развили уже в позднеперестроечные годы в пьесе «Жиды города Питера». В данном произведении группа питерских интеллигентов получает от некоей организации повестки с приказом явиться в указанное время и место с вещами, документами и т. д. Эти повестки составлены в такой же стилистике, как и приказы, которые нацисты развешивали на оккупированных территориях для еврейского населения (отсюда и название пьесы). Персонажи не могут понять, что происходит, они обращаются к своим знакомым во властных структурах, но не получают ни ясности, ни поддержки. В итоге, все их возмущение свелось к кухонным разговорам, и они покорно собирают вещи, дабы явиться по повесткам. Развязка сюжета построена в трагикомическом ключе: таинственная организация отменяет свой приказ. Однако содержание «Жидов города Питера» позволяет считать, что Стругацкие не только ставили вопрос о социальной изоляции интеллигенции, но и не видели в ней никакого позитивного потенциала. Персонажи-интеллигенты оказываются *не способными даже на пассивное сопротивление*.

Таким образом, на протяжении 1960—80-х гг. представления А. Н. и Б. Н. Стругацких об интеллигенции, о ее месте и функциональной роли в обществе значительно меняются. Для начала 1960-х гг. характерно восторженное восприятие интеллигенции, в ней авторы видят залог нравственного прогресса человечества. Затем у писателей наступает период более критического отношения к интеллектуальной элите. Они видят в ней такие черты, как *угодничество, оторванность от реальной жизни, социальную изоля-*

цию от других общественных групп, отсутствие политической воли. Причем писательский взгляд на интеллигенцию от произведения к произведению становится все более пессимистичным.

Нельзя не заметить, что эволюция мировоззрения братьев Стругацких довольно четко соотносится с изменением общественно-политической ситуации в СССР. Следовательно, можно сделать предположение, что усиление пессимистических мотивов в творчестве писателей в меньшей степени определяется факторами субъективного порядка (т. е. возрастом, состоянием здоровья и т. д.). Конечно, внутренние факторы также повлияли, но и они были обусловлены политической обстановкой. Еще в 1965 г. братья-писатели подверглись в печати критике со стороны ряда писателей и обществоведов. Но эти нападки были сравнительно легко отбиты, на стороне Стругацких выступил и лидер тогдашней фантастики И. А. Ефремов. В 1968 г. произошел новый эпизод. Писатели опубликовали в провинциальном альманахе «Ангара» «Сказку о тройке» — едкое сатирическое произведение. В нем авторы в весьма неприглядном виде показали махровых бюрократов из всех сфер советского общества: науки, органов управления, общественных организаций и даже вооруженных сил, что в СССР, где армия была вне критики, являлось серьезной крамолой. Пожалуй, только КПСС не была затронута писательским сарказмом. Результат этой публикации закономерен: альманах «Ангара» был закрыт, на «Сказку о тройке» наложили фактический запрет. Дело об этом инциденте разбиралось на уровне отделов ЦК КПСС. А. Н. Стругацкий был на приеме у П. Н. Демичева, где пытался «искать правду», но ничего не добился. После этого у писателей возникли некоторые проблемы с публикацией своих произведений, многие центральные издательства не желали их печатать. А в 1972 г. на Запад ушла рукопись повести «Улитка на склоне», которую напечатало антисоветское издательство «Посев». За такое вполне можно было поплатиться свободой, и Стругацким пришлось в печати отмежеваться от этой публикации. Фактографическая сторона данных событий изложена у В. Ревича и В. Кайтоха¹². После этого взаимоотношения Стругацких с властями были надолго испорчены.

Таким образом, значительную роль в трансформации авторской позиции сыграли внешние, объективные факторы поли-

тической жизни. Интеллигенция, являвшаяся одной из движущих сил хрущевской «оттепели», довольно быстро сдала позиции. Попыток сопротивления ужесточению режима в конце 1960-х гг. практически не видно, за исключением выступлений незначительных групп диссидентов и закрытых писем-обращений в т. н. «директивные органы» со стороны видных деятелей культуры и науки, о которых рядовые граждане ничего не знали. Массовые же отряды интеллигенции проявили пассивность.

Примечания

- ¹ Воспоминания Л. Абрамовой, жены В. С. Высоцкого, о его встречах с А. Н. Стругацким опубликованы: Об Аркадии Стругацком // Стругацкий А. Н., Стругацкий Б. Н. Бессильные мира сего: сб. Донецк, 2003. С. 404—407.
- ² См.: *Митрохин Л.* О Роберте Шелкли // Шелкли Р. Рассказы. Повести. М., 1968. С. 385.
- ³ *Кайтох В.* Братья Стругацкие: Очерк творчества // Стругацкий А. Н., Стругацкий Б. Н. Бессильные мира сего... С. 639.
- ⁴ *Ревич Вс.* Попытка к бегству // Если: Журнал фантастики и футурологии. 1996. № 4. С. 92.
- ⁵ *Стругацкий А. Н., Стругацкий Б. Н.* Попытка к бегству // Стругацкий А. Н., Стругацкий Б. Н. Трудно быть богом; Попытка к бегству; Далекая Радуга: Фантаст. романы. М., 2003. С. 324.
- ⁶ *Стругацкий А. Н., Стругацкий Б. Н.* Трудно быть богом // Там же. С. 144—145.
- ⁷ *Стругацкий А. Н., Стругацкий Б. Н.* Хищные вещи века // Стругацкий А. Н., Стругацкий Б. Н. Хищные вещи века; Чрезвычайные происшествия; Полдень; XXII век: Фантаст. романы и рассказы. М.; СПб., 1997. С. 72.
- ⁸ *Шкловский И. С.* Эшелон: Невыдуманные рассказы. М., 1991. С. 137.
- ⁹ Таковую датировку дал автор одной из первых рецензий на повесть Стругацких: *Смелков Ю.* Мужество выбора // Дружба народов. 1977. № 6. С. 266.
- ¹⁰ *Стругацкий А. Н., Стругацкий Б. Н.* За миллиард лет до конца света // Стругацкий А. Н., Стругацкий Б. Н. За миллиард лет до конца света; Улитка на склоне; Отель «У погибшего альпиниста»: Повести. М., 1997. С. 69—70.
- ¹¹ Там же. С. 97.
- ¹² *Кайтох В.* Указ. соч. С. 507—518, 540—548; *Ревич Вс.* Указ. соч. С. 95.

ЖИЗНЬ ДУХА НЕУКРОТИМА И НЕУМОЛЧНА... (Интервью В. П. Ракова с А. А. Хёхерлем)

Доктор Альфонс Альбертович Хёхерль — творческая личность, в чьей деятельности воплощается духовный синтез немецкой и русской культур. В течение многих лет возглавляя «Языковой центр» (Sprachenzentrum) Университета в г. Пассау (ФРГ), ученый активно содействовал укреплению гуманитарно-педагогических контактов между специалистами наших стран в области филологии, истории, психологии, юриспруденции и экономики. Прочные связи, образовавшиеся между немецким университетом и вузами Иванова, ныне, к сожалению, сузились, однако их интенсивность отнюдь не ослабла, особенно в такой обширной отрасли, как русистика.

Д-р А. А. Хёхерль — знаток русской культуры, национальной литературной классики и, конечно же, языка. В беседах с ним поражаешься его тонким чувством слова. Пристрастие к этимологическим разысканиям делает его суждения доказательными, интересными, а по форме — блестящими. Тематический горизонт интересов ученого весьма широк. Он удивительно легко и естественно переключается с вопросов истории России и ее языка на проблемы искусства, тут же чередуя лингвистическую проблематику с философией и религией, сменяя их своим любопытством к поэтике —

© Хёхерль А. А., Раков В. П., 2008

Хёхерль Альфонс Альбертович — доктор филологии, бывший заведующий «Языкового центра» Университета в г. Пассау (ФРГ), почетный профессор Ивановского государственного университета.

Раков Валерий Петрович — доктор филологических наук, профессор кафедры теории литературы и русской литературы XX века Ивановского государственного университета.

при самом широком ее понимании. Ему не чужда и проблематика интеллигентоведения, требующая напряженно-драматических усилий в решении «последних вопросов» современного бытия.

Пользуясь очередным визитом д-ра Хёхерля в Ивановский государственный университет, мы пригласили его в редакцию нашего журнала, чтобы задать несколько интересующих нас вопросов.

Валерий Раков: Я приветствую Вас, дорогой коллега! Знаю, что Вы, как всегда, преисполнены энтузиазма, с которым ждете встречи с Вашими друзьями и студентами, а также аспирантами.

В нашем университете Вас любят и ценят как превосходного специалиста, всегда имеющего что сказать аудитории или узкому кружку гуманитариев. Я рад, что Ваш творческий импульс с годами не угасает. Напротив, он становится все более активным, что проявляется в возрастающей содержательности и рельефной выразительности излагаемых Вами идей и концепций. Начать беседу мне хотелось бы с главного — с истоков: кто были Ваши родители, где Ваша «Малая родина». И все остальное, идущее от этого корня.

Альфонс Хёхерль: Уважаемый Валерий Петрович, вначале хотел бы поблагодарить Вас за Ваш интерес к моей персоне и за добрые, может, иногда слишком лестные слова в мой адрес. Для меня этот разговор с Вами — большая честь, и я постараюсь добросовестно и исчерпывающе ответить на Ваши вопросы.

Что касается моих корней, то они крестьянские. Предки, как со стороны отца, так и матери, обрабатывали землю на предгорьях Баварского леса (это западный, баварский склон Шумавы — ее старое немецкое название *Boehmerwald*, т. е. «Богемский лес» — вершины которой издавна образовывали границы между чехами и немцами). Почва там малопродуктивная — прекрасно помню, как в детстве ежегодно в пасхальные каникулы вместе с семьей дяди мы собирали в корзины с полей камни, которые после прошлогодней перепашки за зиму всегда в большом количестве выходили на поверхность. Люди жили довольно бедно, тем более, что до середины XIX столетия каждый сын в семье получал свой «выдел», так что к началу XX века участки были уже совсем крохотные. Моему дяде (брату отца), который как старший сын в семье продолжал вести хозяйство, досталось всего семь гектаров земли, с которой он должен был прокормить семью

(а было у него 10 человек детей). А вся деревушка состоит доньше из 6 дворов, 4 из которых носят нашу фамилию. В детстве я там проводил все каникулы и еще сегодня, приезжая туда, чувствую себя не в гостях, а как будто бы дома.

Мой отец (1899 года рождения) изучал ремесло портного, для чего он три года каждый день ходил пешком 4 километра в соседнюю деревню к мастеру, а вечером той же дорогой обратно. Мастером у него был не кто иной, как дед моей будущей жены (о чем я узнал только за пару месяцев до свадьбы). После Первой мировой, куда его забрали 17-летним юношей (а воевал он и отравился газом во Франции), отец женился и уже сам как мастер открыл портновскую мастерскую в близлежащем городке Роддинг — в этом живописном местечке, расположенном на реке Реген, которая впадает в Дунай в Регенсбурге. Она и дала этому важнейшему в прежние века городу свое название. Я родился в июле 1944 года. Старший (почти на 20 лет) брат к этому времени уже успел попасть в американский плен, и мы с ним первый раз встретились только в 1948 году.

Семья у нас была глубоко верующая (католики) и в хорошем смысле консервативная. Кое в чем чувствовались еще следы устоев начала XX века, что выражалось и в полном неприятии национал-социализма во всех его проявлениях. Когда я много позже читал мемуары И. Эренбурга, меня в этой связи очень поразило то место, где он допрашивает немецких пленных и пишет, что среди них (цитирую по памяти) «единственными настоящими антифашистами были крестьяне из Баварского леса, добрые католики, отцы семейства».

Семье и родителям я обязан своим принципиальным оптимизмом, базирующемся на вере в Бога и в человека, зарядом устойчивости против всяческих «наносных» и модных лозунгов и течений; особо назову здесь чуть не обоготворяемую в последнее время «политкорректность». Тут у меня какое-то крестьянское упрямство и нежелание склонять голову перед сильными мира сего, за что не раз приходилось расплачиваться, но, по большому счету, не жалею об этом.

Огромное значение для моей дальнейшей жизни имело то, что меня первоначально «прочили в священники». Для мальчика из бедной семьи (а после ранней смерти отца я таким и был) в

50-х годах почти единственной возможностью получить среднее (классическое гимназическое) образование было поступление в интернат одного из монашеских орденов. Год, проведенный в интернате, вспоминаю с ужасом (слишком был свободолюбив и привязан к Малой Родине). И как-то добился, чтобы меня после 1-го класса перевели в другую гимназию, недалеко от родного города, откуда каждый день мог возвращаться домой. Там в 1964 году получил аттестат зрелости с правом поступить в университет.

Эта вторая, ставшая мне очень скоро действительно родной, гимназия предоставила мне, помимо солидного образования, еще возможность изучать основы русского языка, чем повлияла в дальнейшем не только на выбор специальности, но, можно сказать, на весь ход моей жизни.

В. Р.: Ваша юность прошла в шестидесятые годы прошлого века. Какими были они — в Германии и Европе? Способствовали ли общественная атмосфера того времени формированию системы ценностей, которых Вы придерживаетесь и ныне? Или все-таки тут была не только суггестия, но и контрсуггестия, отталкивание и сопротивление распространенным тогда духовным реакциям и стилю экзистенциального поведения?

А. Х.: Конечно, шестидесятые годы в моей жизни оставили глубокий след. Должен, однако, сразу оговориться: такого общего подъема, какой произвели «шестидесятники» в России, у нас на Западе не существовало. Начавшиеся в конце десятилетия студенческие волнения («движение 1968 г.») носили совсем другой характер: потерявшие мировоззренческие и моральные ориентиры молодые люди (в подавляющем своем большинстве из состоятельных семей) вдруг открыли для себя «социализм» и «марксизм», часто в интерпретации Троцкого или в китайском варианте, и решили поиграть в революцию. Их частичный успех (начало разрушения традиционной университетской системы, а также возникновение так называемой «внепарламентской оппозиции»), часть лидеров которой перешла впоследствии в ряды «Фракции Красной армии», совершившей целый ряд терактов, включая политические убийства) нельзя приписать притягательности и убедительности их идей; его главной причиной, на мой взгляд, являлись нерешительность, растерянность и отчасти просто трусость представителей

«истэблишмента»). (Когда в конце 1968 г. активисты «левых» стали добиваться «политического мандата» для студенческого самоуправления при Институте славистики, мы созвали общее собрание всех студентов, где такое требование было встречено в штыки и больше никогда уже не выдвигалось).

А большую часть 60-х, особенно у нас в провинции, жизнь протекала своим мирным путем. После периода политического и экономического возрождения в 50-х годах наша страна вступила в (к сожалению, как оказалось, непродолжительную) фазу консолидации.

В последних классах гимназии с нами работали, особенно на гуманитарных занятиях, педагоги требовательные, но не узколюбые, а с широким кругозором. До сих пор живо помню, как наш латинист — по программе мы проходили как раз произведения Саллюстия и Цицерона о заговоре Катилины — целые три недели (т. е. 15 академических часов) посвящал проблематике революций и вопросу, как в свое время у нас мог прийти к власти Гитлер. Таким же образом и на других семинарах заставляли больше думать, чем зубрить.

А в ноябре 1964 года я поступил в старинный Мюнхенский университет, где в XIX веке в качестве профессоров служили Шеллинг и Гёррес. Официально я числился на философском факультете, который традиционно охватывал все гуманитарные предметы, а своей академической Малой родиной избрал Институт славистики. Кроме славянской филологии, которая еще не знала строгого разделения на языкознание и литературоведение (все студенты должны были изучать и то и другое), выбрал еще классическую филологию и историю Восточной Европы. С выбором специальности мне повезло: в Институте оказалось всех вместе взятых не более 70 студентов, контакт с профессорами и сотрудниками был тесен, что, конечно, нас и обязывало. Программа была очень насыщенная: надо было изучать как минимум 3 славянских языка, включая историю языка и литературу (а на один старославянский отводилось 4 часа в неделю в течение всего первого курса). Зато атмосфера была прямо сердечная.

Так, профессора Кошмидера, польского немца, который до войны работал в Вильнюсском университете и перешел в Мюнхен лишь 1 мая 1939 года, летом нетрудно было уговорить читать лек-

ции не в аудитории, а в пивном саду, находящемся в непосредственном соседстве с университетом. Но он там действительно читал свой предмет, а мы, правда за кружкой пива, слушали и записывали. По истечении отведенного на лекцию времени мы, однако, долго еще не расходились, разговаривали на самые разные темы, и в этом непринужденном общении со стариком-профессором немало узнали о самом главном, о жизни.

Второй профессор Института — А. Шмаус, мой будущий научный руководитель, был тогда первым и единственным славистом-баварцем. Ко мне он благоволил как к земляку, но на его требовательность это не влияло. В двадцатых годах он окончил Пражский университет, а потом перебрался в Белград, где работал преимущественно как преподаватель немецкого (его учебники там до сих пор пользуются огромным успехом), но успел основательно изучить кроме сербского языка и литературы еще и балканологию и туркологию. Во время войны оккупационные власти назначили его директором «Дома немецкой культуры». Как он выполнял эту функцию, об этом свидетельствует не только тот факт, что в Белграде он остался до 50-х годов (получив за перевод «Горгоно венца» Негоша государственную премию), но прежде всего слова белградского профессора, который мне пару лет назад здесь, в Иванове, рассказывал, что Шмаус тогда помогал очень многим коллегам и другим сербам, а кое-кому даже спас жизнь.

За время директорства Шмауса (Кошмидер уже считался в отставке, но продолжал работать по полной программе) очень бурно развивались отношения с коллегами за «железным занавесом». Приезжали к нам в гости с лекциями ученые из Югославии, Болгарии, Чехии, Польши и, в конце концов, даже из СССР. Первой такой ласточкой был профессор Р. И. Аванесов из АН, благодаря которому я, ровно 40 лет назад, в июне 1968 года получил возможность приехать в Москву для работы в архивах в связи с подготовкой своей диссертации.

Состав сотрудников Института без натяжки можно было назвать многонациональным. Были 2 украинца, поляк, литовка, еврей из Одессы, русский и с очень трудным характером русская немка-секретарь, с которой находила общий язык одна литовка.

Не буду распространяться обо всех, хотя каждый был очень яркой личностью, но считаю себя просто обязанным сказать не-

сколько слов о преподавателе русского, моем друге и вечном аспиранте, так никогда и не дописавшем кандидатской, Саше Цурикове. Был он лет на 20 старше меня; его отец и мать покинули Россию с армией Врангеля; сначала они нашли убежище в Чехии, где Саша и родился, а после войны семья перебралась в Баварию. Когда мы с Сашей познакомились, он был уже давно женат на французке Алисе, которая из-за него перешла в православие и как переводчица обеспечивала семейный бюджет, т. к. муж в университете зарабатывал буквально копейки. Я скоро подружился с обоими и со всей ответственностью заявляю, что без Саши никогда бы не стал тем русофилом, какой есть. В нем, потомке мелких курских дворян, жила русская культура со всеми ее гранями! Ни разу не видев Родину, он воплощал в себе русский характер, насколько это вообще возможно отдельному человеку. Очень любил и бережно относился к своему родному языку, владея еще свободно немецким, французским и чешским (а при необходимости мог очень изящно выражаться на мате), досконально знал философию и литературу. Разумеется, что не мог терпеть коммунизм и советскую систему, но если приезжал кто «оттуда», то всегда был искренне рад такой встрече, и я сказал бы, что тогда он на глазах расцветал. Помог он и мне справиться с проблемой, которая сегодня многим покажется совсем незначительной, но тогда неизбежно вставала перед каждым из нас, кто хотел посвятить себя русскому языку и культуре, а именно: как совместить неприятие коммунистической идеологии, с одной стороны, и интерес и любовь к русскому народу и культуре, с другой. Мне очень помогла уверенность Саши в том, что нет «советского человека», есть только русские люди. Жаль, что он уже не увидел снова развевающегося над Россией триколора (погиб он в 1980 году трагически при пожаре дома, в котором они жили). Как был бы он счастлив! Не дожил он до того, что воспоминания его отца вышли книгой не где-нибудь, а в России. Когда я эту книгу читал, то не раз останавливался на эпизодах, которые мне были известны еще со слов Саши, и я очень благодарен, что наконец-то опять замкнулся круг русской истории и культуры, который так долго не сходился.

В. Р.: Слушая Ваш эмоциональный рассказ о студенческой молодости, нельзя не упомянуть, что речь идет об alma mater —

Мюнхенском университете. Что он представлял собою в ту пору? Известно, что там трудился выдающийся русский мыслитель и писатель Федор Августович Степун. Не с его ли личностью связаны научные интересы будущего русиста-эрудита доктора А. А. Хёхерля? Хотелось бы, чтобы Вы поделились своими воспоминаниями об этом представителе русского Серебряного века.

А. Х.: Мюнхенский университет тогда (до 1968 г.) был еще типичным немецким университетом гумбольдтовского образца — со всеми его плюсами и минусами. Не уделялось столько внимания будущей профориентации студентов, не было никаких технических средств обучения. Зато делалось все для того, чтобы молодое поколение получило солидное всеобъемлющее образование, далеко выходящее за рамки требований сегодняшнего дня. И я смело утверждаю, что тогдашние выпускники стали никак не менее полезными специалистами на своем будущем рабочем месте, даже если не располагали некоторыми практическими навыками, не проходили практики и т. д. Они были в состоянии самостоятельно мыслить (никакого «iurare in verba magistri»), вникать в суть проблемы и творчески относиться к новым требованиям. Считаю, что это важнее, чем подготовка узких специалистов, эфемерные знания которых уже завтра могут оказаться устаревшими.

В университете издавна придавали большое значение изучению славянской и восточно-европейской культуры. Кроме славистики имелись кафедры по истории Восточной Европы, по византистике (до сих пор жалею, что не догадался и там подвизаться), университетская и Баварская государственная библиотеки отличались очень богатыми фондами в этой области.

Существовала и «персональная» кафедра по русской культуре (так звучит официальный русский перевод ее названия «Russische Geistesgeschichte» — дословно и по-моему вернее: по истории русской — философской — мысли), которая в 1947 г. была создана именно под Ф. А. Степуна. До 1937 г. он возглавлял в Дрездене кафедру социологии, но нацисты больше не могли терпеть этого независимого и критического мыслителя в университете и отправили его в отставку. Что ему ровно через 10 лет был создан новый «плацдарм» для применения его острого ума и огромного опыта — редкое проявление исторической справедливости.

К сожалению, на его лекции я уже не попал, т. к. в начале 1965 г. он скончался от рака. Но мне посчастливилось осенью 1964 г. встретиться с ним на проходящем в Мюнхене съезде русских эмигрантов. Случайно мы в зале оказались на соседних местах, кто-то меня ему представил, и он обменялся со мной парой приветливых слов. На большее у меня как начинающего студентика не хватало смелости. С докладом он там уже не выступал, но в дискуссии один раз попросил слова. Суть его выступления заключалась в том, что для того чтобы привести Россию к демократии, недостаточно перехода власти в руки демократов, а главное — это подготовить к демократии народ. Эта мысль, извлеченная им, наверное, как урок из опыта Временного правительства, мне кажется актуальной и сегодня.

В. Р.: Я знаю Ваше методологическое кредо: изучать культуру в ее синтетической сложности и целостности. В наше время эта идея, кажется, находит своих сторонников. Проблемы образования и, в частности, освоение религиозной традиции становятся необычайно острыми. Как подобные вопросы решаются в Германии? Есть ли там такой опыт, который был бы полезен и для России с ее национальным своеобразием? Ваше мнение тем более ценно, что Вы уверенно ориентируетесь в системе святоотеческих учений православия и религиозной философии Серебряного века. Знания такого рода, безусловно, обогащают представления о духовном мире нации.

А. Х.: К сожалению, по затронутой Вами тематике в Германии и вообще на Западе никаких решений не принимается. Сказал бы даже, что на сегодняшний день не поставлены даже главные вопросы. Ведется дискуссия, принимаются меры по проблемам, лежащим на поверхности общественной жизни, но попыток проникнуть в духовную глубину как-то не видно. Идет кипучая деятельность, например, по осуществлению Болонских соглашений, которые вместо того, чтобы создать возможность образования на общеевропейских ценностях, ведут к плоской уравниловке. (Очень жаль, что к ним присоединилась и Россия, у которой был шанс учиться на ошибках других и найти свой путь, исходя из своих национальных интересов.) А общеобразовательный уровень абитуриентов все падает, тем не менее в Германии сократи-

ли продолжительность школьного образования без какого-нибудь предварительного обсуждения.

При такой установке на необдуманные, краткосрочные «реформы» не до фундаментальных проблем, до обсуждения общечеловеческих и национальных ценностей. Что уж говорить о вопросах религиозных! Наше секуляризованное общество (мне больше нравится Ваш термин «обмирщенный», но применять это старообрядческое слово, говоря о ситуации в Германии, наверное, было бы кощунством), боюсь, дальше от Бога и религии, чем Россия в разгар воинствующего атеизма. Еще десятилетия назад отдельные дальновидные представители нашего духовенства предупреждали о том, что в коммунистических странах материализм является официальной идеологией, но в крайней степени практикуется у нас. Как ни больно, но нельзя от частичной ответственности освободить и нашу церковь, которая после Ватиканского собора все больше уходила от своей основной задачи быть посредницей между Богом и человеком, утратив почти полностью понятие трансцендентности, т. е. сознания, что Бога невозможно объять человеческой меркой, что это мир совсем иной. Вместо этого старались идти «в ногу со временем», перепрофилируясь в первую очередь в социальную и общественную организацию. Дай Бог силы и долгие годы нынешнему папе, который пытается возвращаться к истокам, вернуть потерянное и как настоящий «pontifex» строить мост между миром вышним и нашим миром, преодолевая при этом неимоверное сопротивление со стороны большей части епископата.

А завести речь о национальных ценностях у нас вряд ли кто-нибудь посмеет. В Германии после ужасов Третьего рейха упоминать это понятие считается просто неприличным. Когда года два назад в связи с проблемой интеграции мигрантов кто-то из политиков «проговорился», что для этого необходимо приобщение мигрантов к «ведущей» в Германии немецкой культуре, в парламенте и всех СМИ подняли такой скандал, что словосочетание «руководящая культура» стало считаться выражением ксенофобии, «дискриминацией». Слово «Германия» оживает только во время очередных спортивных чемпионатов, когда вдруг появляются везде черно-красно-золотые флажки и после состязаний избиваются фанатами граждане страны-соперницы.

В. Р.: Наш журнал призван расширить горизонты гуманитарной науки, каковой является интеллигентоведение. На страницах издания обсуждается широкий спектр проблем. Здесь авторы статей размышляют и о западных интеллектуалах, и о тех деятелях умственного труда, которых принято называть русской интеллигенцией. Кого считать интеллигентом, а кого «просто» интеллектуалом? Нет ли в этих дефинициях симптомов бесплодия? И неужели в Европе невозможно обнаружить хотя бы малое число интеллигентов, поскольку там — сплошные интеллектуалы? И так ли уж интеллигент разнится от последних? Что Вы думаете по этому поводу?

А. Х.: Насколько мне известно, в отличие от России, в Германии интеллигенции как общественной формации не существовало (эпизод с Франкфуртским парламентом 1848 г., состоявшем, в основном, из профессоров и писателей, был слишком кратким, чтобы оставить след в истории). Немецкий интеллигент был скорее существом индивидуальным, чем собирательным. Хотя русское слово «интеллигенция» приписывают (ошибочно) Боборыкину, которым давно занимаюсь, я не помню достаточно хорошо объем этого термина. Одной принадлежности к работникам умственного труда, мне кажется, недостаточно для этого звания, так же как и высшего образования. Для меня интеллигент — человек, конечно, образованный, но с широким горизонтом, с чувством ответственности и сознанием своих границ, которому не чуждо и благоговение. Последнее качество, в моих глазах, отличает его коренным образом от «интеллектуала», как запоздалого ученика Просвещения XVIII века, свято верующего в прогресс, уверенного во всемогущести науки и техники и в возможности создать рай на земле. Настоящий интеллигент может быть человеком, страстно преданным какой-то идее, но никогда не фанатиком, он всегда будет уважать другого человека, даже если и расходится с ним во мнениях.

В. П.: Как продвигаются Ваши разыскания по проекту «К. Бальмонт в Германии (Библиографическая проблема)», о котором мы сообщали в одном из номеров журнала. Хотелось бы, чтобы и здесь Вам сопутствовала удача.

А. Х.: Работа эта идет полным ходом, к концу года будет завершена. Мне удалось заинтересовать в проекте хорошую знакомую еще с университетской скамьи, госпожу д-ра Гоншиор,

которая долгие годы возглавляла в Мюнхенской Госбиблиотеке Отдел по восточной Европе. Она взяла львиную долю работы в свои руки; таким образом, будет гарантирована высокая профессиональность проведения проекта.

С. М. Усманов, А. А. Данилов

КОНФЕРЕНЦИЯ О РУССКОСТИ И РОССИЙСКОСТИ

15—16 мая 2008 г. в Иваново и Плесе прошла научная конференция «Проблемы формирования общероссийской идентичности: Русскость и российскость». Конференция была организована Центром этнических и национальных исследований совместно с Лабораторией постсоветских исследований Ивановского государственного университета, а также Ивановским отделением Ассамблеи народов России. Немаловажно и то, что непосредственное участие в подготовке и проведении конференции принял Департамент общественных связей, информационной и молодежной политики Правительства Ивановской области.

В конференции приняло участие около ста ученых и молодых исследователей из России, Белоруссии, Польши и Финляндии.

Участники конференции обсуждали следующие вопросы:

1. Русскость и российскость: пути взаимодействия.
2. Межэтническая интеграция в России: прошлое, настоящее и будущее.
3. «Русский мир», постсоветское пространство и глобальные вызовы XXI века.

В значительной мере задал тон дальнейшему обсуждению выступивший с приветственным словом к участникам конференции доктор исторических наук, профессор, проректор по научной

© Усманов С. М., Данилов А. А., 2008

Усманов Сергей Михайлович — доктор исторических наук, профессор кафедры новой, новейшей истории и международных отношений Ивановского государственного университета.

Данилов Александр Анатольевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и культуры России Ивановского государственного университета.

работе Ивановского государственного университета *Д. И. Польшанский*. Открывая обсуждение, он подчеркнул важность свободы анализа поставленных вопросов от политических и идеологических пристрастий, учета сложности и неоднозначности происходящих сейчас в нашей стране и вокруг нее этносоциальных процессов. Это необходимо для того, чтобы увидеть реальные перспективы их развития и дать конструктивные рекомендации власти и обществу по решению назревших проблем, создать серьезную научную базу для преподавания обсуждаемых вопросов в высшей школе. Вопросы национальной идентичности сложны и тем, что каждое из академических сообществ — как национальных, так и профессиональных, ведет речь о ней на своем специфическом языке, одновременно формируя общий дискурс, и с этой точки зрения объяснимо присутствие неологизмов «русскость» и «российскость» в названии конференции.

Научную часть пленарного заседания открыла доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Института этнологии и антропологии РАН *М. Ю. Мартынова*. Ее выступление было посвящено российской образовательной политике в контексте полиэтничности общества и необходимости достижения социальной интеграции в современной России.

Тему продолжил гость из Польши, известный русист, профессор университета Лодзи *А. де Лазари*. Польский ученый выступал легко и свободно, не без юмора, а иногда и явного сарказма. Хотя в названии его доклада и говорилось о «польской точке зрения», А. де Лазари попытался дать общую оценку трансформаций российского общественного самосознания нашего времени, жестко разграничив русское, российское и советское. При этом польский исследователь сетовал на непоследовательность и неточность применения данных концептов в современной России. Профессор де Лазари в течение конференции еще не один раз брал слово, все время побуждая российских участников к четкому выявлению сущности изучаемых процессов, к более ясному осознанию нашей русскости и российскости с использованием достижений современной науки. Надо признать, что подобные призывы не остались без внимания. Привез наш коллега на конференцию и двух своих учениц из Лодзи. Молодые польские исследовательницы *М. Жаковска* и *О. Надскакула* выступили со своими сообщения-

ми: «Проблемы формирования идентичности “русских немцев” после 1945 г.» и «Понятие “советскость” в российскости».

Работы польского ученого были известны в Ивановском государственном университете еще до его приезда благодаря совместной с О. В. Рябовым книге, вышедшей в издательстве ИвГУ. О том, что в Иванове у польского ученого уже есть ученики, свидетельствовало и выступление студентки социолого-психологического факультета **Е. Воронцовой** — «Медведь, матрешка, балалайка: К вопросу о символическом измерении национальной идентичности россиян».

Ярким было выступление на пленарном заседании доктора исторических наук, ведущего научного сотрудника Российского института стратегических исследований **Т. С. Гузенковой** на тему «Русский мир в странах СНГ». Он отражал не только результаты научных изысканий автора, но и личные впечатления от многочисленных поездок по странам ближнего зарубежья России. Исследовательница подчеркнула те вызовы, с которыми сталкивается Россия и русская культура в республиках бывшего Союза, где местные элиты не без влияния своих западных советников упрямо стремятся вытеснить все русское и российское из собственного политического и культурного пространства.

Эта тематика нашла свое продолжение и развитие в работе секции «Русский мир, постсоветское пространство и глобальные вызовы XXI века». В частности, доктор исторических наук, профессор Ивановского государственного университета, заведующий Лабораторией постсоветских исследований **С. М. Усманов** подошел к изучаемой проблеме с другой стороны, сделав попытку проанализировать реальную политику руководства России на постсоветском пространстве за последние полтора десятилетия. Показательно, что в своих выводах С. М. Усманов во многом совпадает с теми соображениями, которые изложила на пленарном заседании Т. С. Гузенкова. Впрочем, наверное, еще более интересными представляются аргументы и доводы других участников данной секции, особенно молодых исследователей — студентов и аспирантов отделения международных отношений ИвГУ. В их выступлениях отразилась многообразная палитра «русского мира» в странах ближнего зарубежья и устремления

местных элит ко все большему дистанцированию от России, пусть и ценой возрастающей зависимости от США и Евросоюза.

Доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой Нижегородского университета **А. А. Корнилов** в докладе ««Русская Палестина» и «Русская Америка»: религиозная близость и ориентационные различия» рассмотрел тот религиозный опыт, который прошла русская эмиграция. Он отметил, что «Русская Америка» представляла собой рассеянные по городам и весям США группы этнических русских, конфессионально православных людей, объединяющихся вокруг православного храма. «Русская Америка» дала Северной Америке ясно выраженное политическое кредо, исповедание православной веры и замечательные образцы высокодуховных художественных произведений.

И все-таки главным направлением в работе конференции стали научные дискуссии в секции «Русскость и российскость: пути взаимодействия». Здесь было больше всего участников, причем, заметно было их различие в подходах, а следовательно, и в соображениях и выводах.

Так, в докладе доктора философских наук, профессора Ивановского государственного университета, председателя Центра этнических и национальных исследований **О. В. Рябова** «Русскость и российскость как способы проведения символических границ» особо подчеркнута мысль о том, что очень важным среди основных категорий исследования идентичности является понятие границы. Русскость и российскость можно определять и как объективные характеристики культурной гомогенности, и как дискурсы, которые — подобно всякому дискурсу — предлагают особые способы проведения символических границ между Своими и Чужими.

Некоторые исследователи шли в русле популярных сейчас усилий по «онтологизации» собственного «научного дискурса». Речь здесь шла о «культурных архетипах», «семиотических ресурсах», «ритуализации патриотического дискурса» и т. п. На этом фоне очень свежо выглядел доклад доктора филологических наук, профессора, заведующего кафедрой Шуйского государственного педагогического университета **В. П. Океанского** «Фаустовские сны о России». Надо ли говорить, что яркое, образное выступление профессора Океанского было весьма содержательным, будило мысль и дало представление о глубине изучаемого предмета.

В докладе старшего научного сотрудника ИМЭМО РАН, старшего преподавателя МГИМО(У) МИД России **И. В. Данилина** «Российские соотечественники в странах СНГ: вызовы диаспоризации и интересы Российской Федерации» подчеркивалось, что распространение российской культуры и образования будет способствовать формированию позитивного образа России в СНГ и увеличению ее привлекательности как политического и культурного центра, общей стабильно-дружественной в отношении России атмосферы в странах СНГ. А это отвечает долгосрочным интересам РФ в создании позитивных условий осуществления российской политики в регионе.

Меньше всего участников собрала секция «Межэтническая интеграция в России: прошлое, настоящее, будущее». Разумеется, это отнюдь не означает, что данное направление исследований является не столь важным. Напротив, оно требует основательного изучения, в том числе и по соображениям практического порядка. Не секрет, что далеко не во всех регионах России в этом отношении все складывается благополучно. Правда, как показала в своем выступлении кандидат философских наук, специалист Департамента общественных связей, информационной и молодежной политики Правительства Ивановской области **Е. А. Бурцева**, в целом власть с имеющимися проблемами в основном справляется.

Тем не менее, на наш взгляд, особенно обольщаться возможностями «административного ресурса» в современной России было бы весьма недальновидным. Необходимо принимать во внимание и другие факторы, другие возможности. А ведь такие возможности зачастую остаются невостребованными. Подобный вывод можно сделать, в частности, ознакомившись с основательным и очень аргументированным сообщением ведущего научного сотрудника Самарского Центра аналитической истории и исторической информатики **Н. Ю. Кривопаловой** «О роли интеллигенции в формировании общероссийского самосознания на рубеже XX—XXI веков». Наблюдения самарской исследовательницы были тем более своевременными, что во многих выступлениях участников конференции не уделялось должного внимания таким значимым силам этнополитических процессов в современной России, как интеллигенция и Церковь.

Часть докладов участников конференции была посвящена проблемам русской провинциальной культуры и интеллигенции. Кандидат исторических наук, доцент Ивановского государственного университета *А. А. Данилов* в докладе «Клеймо русскости: проблема идентификации провинциальной интеллигенции» отметил, что в русской провинции свершилась та внутренняя кристаллизация национального сознания русской интеллигенции, после которой стало невозможно быть вполне русским, не будучи православным в смысле полноты русскости, полноты русского творчества. Лишившись в годы советской власти русского мировосприятия, поправ русскую веру и нравственные устои, интеллигенция провинции, тем не менее, не могла полностью избавиться от своей русскости и сохраняла черты национального характера.

Итоги научной дискуссии были подведены на заключительном пленарном заседании в Плесе. Красота этого заповедного уголка России, пожалуй, отчасти помогла участникам конференции прочувствовать некоторые фундаментальные основы обсуждаемой проблематики. В этом отношении заметно выделялся доклад кандидата исторических наук, ведущего научного сотрудника, заведующего Отделом русского народа Института этнологии и антропологии РАН *А. В. Буганова* «О русскости, российскости и православности в отечественной традиционной культуре». В нем собравшиеся не услышали довольно часто излагавшихся в эти дни общих и весьма схематичных рассуждений о России и русском. Вместо этого А. В. Буганов достаточно ясно обозначил православные корни русского и российского самосознания, подчеркнув, что без них никакая общероссийская идентичность невозможна.

После завершения пленарного заседания состоялся живой обмен мнениями между участниками конференции, который вновь обозначил различия в подходах и позициях исследователей. Тем не менее, все выступавшие признали полезность проведенной дискуссии и высказались за продолжение изысканий по проблемам современной российской идентичности. На наш взгляд, здесь можно добавить только то, что во всех дальнейших обсуждениях стоит принять во внимание роль отечественной интеллигенции в тех социально-политических трансформациях, которые развиваются на постсоветском пространстве.

ОТЗЫВЫ И РЕЦЕНЗИИ

В. С. Меметов, С. С. Садина

ИНТЕЛЛИГЕНТЫ-ГЕРЦЕНОВЦЫ — МОСТ ЧЕРЕЗ СТОЛЕТИЕ

Весной 2007 года в издательстве Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена в серии «Герценовский университет. Золотые имена» вышла монография известного российского ученого, исследователя истории интеллигенции XX века, доктора исторических наук, профессора Валерия Степановича Волкова «Первый ректор Третьего педагогического института в Петрограде. Страницы жизни А. П. Пинкевича» (583 стр. с ил., тираж 500 экз.). Издание приурочено к 210-летию Герценовского университета.

В перестроечные и последующие годы многие вузы России (бывшего СССР) постарались отметить юбилейные даты родных учебных заведений публикацией их истории. Авторы этих «очерков», «записок», «историй», опираясь на архивные документы своего вуза, города, области, рассказали о процессе становления высшей школы региона на фоне общеизвестных фактов истории страны.

© Меметов В. С., Садина С. С., 2008

Меметов Валерий Сергеевич — доктор исторических наук, профессор, главный редактор журнала «Интеллигенция и мир», директор Межвузовского Центра по политологии, политической культуре и мировой политике и НИИ интеллигентоведения при ИвГУ, заведующий кафедрой истории и культуры России Ивановского государственного университета.

Садина Светлана Семеновна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и культуры Ивановского государственного химико-технологического университета.

Монография В. С. Волкова, имея некоторые общие черты с таким типом работ, *разительно отличается* от них. *Во-первых*, она посвящена одному человеку — первому ректору Третьего педагогического института в Петрограде и потому имеет подзаголовок «Страницы жизни А. П. Пинкевича». А личность эта не только неординарная по многообразию интересов и дарований, но и крупная с точки зрения объема знаний, высоты занимаемых постов и широкого круга знакомств с представителями современной ему политической и художественной элиты (среди них, например, Горький, Луначарский, Мережковский, Зиновьев, Андреева и др.). *Во-вторых*, то, что принято называть в работах такого рода историческим фоном, на котором разворачивается судьба героя, в монографии Валерия Степановича — глубокий, впечатляюще обрисованный пласт жизни и деятельности российской интеллигенции начала XX века — студентов, учителей, преподавателей трех педагогических институтов, литераторов, журналистов Казани, Петрограда, Москвы и Екатеринбурга. *В-третьих*, судьба Альберта Петровича Пинкевича (1883—1937) вобрала в себя все противоречия души интеллигента — чувствительного, стремящегося к самовыражению, мучающегося сомнениями, вынужденного зачастую принимать решения в исключительных обстоятельствах. А это значит, что автор повествования не может оставить без объяснения причины и мотивы того или иного поступка, поведения своего героя. В то же время объяснения требуют подробностей, деталей, а это утяжеляет текст и увеличивает его объем. В. С. Волков не оставляет нам места для сомнений, заявляя: «Автор книги — историк по специальности. Он ценит документальность, объективность повествования. Поэтому в своей книге охотно “давал слово” документальному источнику, обильно цитировал высказывания А. П. Пинкевича и современников, его произведения. Вероятно, это иногда было излишне, но зато читатель узнает мысли самого Пинкевича, оценит стиль его писем, научных трудов, художественных произведений» (С. 22). Наконец, *в-четвертых*, для В. С. Волкова это далеко не первая монография. Но ее композиция, стиль изложения таковы, что вызывают затруднения в определении жанра повествования. С одной стороны, это, безусловно, исследование историка — такое множество документальных источников использует автор: материалы

архивов ЦГАЛИ, ЦГА СПб., СПб. филиал РАН и др.; публикации газет «Волжско-Камская речь», «Новая жизнь», других периодических изданий, материалы отдела рукописей Российской государственной библиотеки и музея РГПУ, мемуары и др. С другой стороны — это *труд филолога*, анализирующего литературное творчество своего героя; привлекающего литературные произведения и факты жизни известных и не очень известных литераторов начала XX века. Впрочем, и здесь автор приходит на помощь. Он пишет: «Мы определили жанр своей книги как *историческую реконструкцию* (курсив наш. — В. С., С. С.), а это значит, что по отдельным источникам, деталям, порой даже намекам, скрытому подтексту произведений А. П. Пинкевича мы пытались воссоздать обстоятельства, ситуации, в которых он жил и действовал, по возможности выявить логику его поведения» (С. 22).

Думается, всякий, кто когда-либо слушал лекции автора этой необычной работы, открыв первую страницу книги, услышит голос Валерия Степановича Волкова — негромкий, спокойный, с четкими смысловыми акцентами и убеждающей интонацией. Возможно, кого-то удивит название первой главы — «Замысел книги и подходы к его осуществлению». Кому-то, наоборот, он покажется естественным: как многоопытный профессор называет студентам тему и цель новой лекции, так В. С. Волков в первой главе формулирует цели и намерения, характеризует источники и методы своего исследования, то есть раскрывает лабораторию своей работы над книгой и обозначает ее жанр — «историческая реконструкция». Такая заявка в начале повествования возбуждает интерес читателя, но одновременно кажется рискованной: в определенной степени она провоцирует читателя на попытку применить описанные подходы к оценке труда самого автора — так ли он доказателен, терпелив и деликатен, если взялся за сложнейшую задачу реконструкции судьбы талантливого человека в драматических исторических условиях? Понятно, что риск оправдан только в том случае, если автор уверен, что заявленных целей он достиг. У прочитавшего книгу об Альберте Петровиче Пинкевиче никаких сомнений в этом не остается.

Заинтриговывает читателя и прием «обратной хронологии», который применяет В. С. Волков в той же первой главе, когда заранее сообщает о том, по каким причинам в разные годы имя

А. П. Пинкевича предавалось забвению: его активное участие в революционных событиях 1905—1907 годов в Казани замалчивалось историками-большевиками, так как А. П. Пинкевич, работая в РСДРП вместе с большевиками, примкнул затем к меньшевистскому течению. Позже, в советское время, общественная деятельность А. П. Пинкевича оценивалась негативно, потому что он сотрудничал в издаваемой А. М. Горьким газете «Новая жизнь», резко выступавшей против захвата власти большевиками, и даже был членом ЦК РСДРП (объединенной), противостоявшей большевикам. В 1930-е годы причиной информационной блокады заслуг выдающегося педагога-организатора стала его близость к ученым-педологам. Наконец, арест в октябре 1937 года и расстрел как «врага народа» явились причиной многолетнего (до 1960-х годов) забвения А. П. Пинкевича. Сообщая об этом, В. С. Волков отмечает, что перемены, произошедшие в нашей стране в 90-е годы XX века, не привели к объективному освещению и достойной оценке наследия Альберта Петровича Пинкевича, и поэтому многие поколения студентов педагогических вузов и учителей о нем не знают, так как они его «не проходили». Все эти предварительно сообщенные сведения невольно вызывают желание узнать, каким человеком был А. П. Пинкевич, как складывалась его судьба, какие именно обстоятельства и лица повлияли на его гражданскую позицию. Одновременно возникает надежда, что рассказ об этом будет доказательным и интересным.

Профессиональное и гражданское становление Альберта Петровича Пинкевича, формирование его мировоззрения происходило в беспокойные для России годы начала XX века. Современный историк, поставивший себе целью рассказать о каком-либо участнике эпохальных событий в жизни страны, зачастую описывает эти события и степень участия в них своего героя. Как правило, это перечисления ролей, должностей и постов, по ступеням которых герой добирается до заслуг и признания современников. Нет, автор книги о А. П. Пинкевиче не избегает этого. Но в отличие от других, он стремится показать живого человека, рефлексирующего по поводу своей работы, своих убеждений, отношений с товарищами, коллегами, властью. Причем делает это Валерий Степанович естественно, органично вплетая в текст обнаруженные документальные свидетельства,

объяснения поступков героя, найденные и в его собственных высказываниях, и в отзывах современников, в письмах и мнениях людей окружения. Легко сказать — «найденные»! Поиск свидетельств такого рода — долгая, скрупулезная, не всегда благодарная работа, требующая терпения и ответственности. Такую работу способен провести человек, бережно относящийся к личности и репутации другого. Почему-то, вчитываясь в текст книги В. С. Волкова, наблюдая, каким образом комментирует он документы, показывающие, как страдает душа, деформируется характер и убеждения А. П. Пинкевича, под влиянием каких обстоятельств и личностей это происходит, — ловишь себя на мысли: много ли исследователей возьмут сейчас на себя такой огромный, кропотливый и ответственный труд? И достанет ли у таких ученых такта и объективности?

Судьба А. П. Пинкевича разворачивалась на фоне событий, потрясших и изменивших страну, в которой он родился и жил. Три революции — 1905—1907 годов и две — в 1917 году — он встретил уже взрослым, состоявшимся человеком, вдумчивым, наблюдательным педагогом, для которого преподавание стало призванием. Но как человек равнодушный к судьбам своей родины и народа, он не мог остаться в стороне и от политической деятельности.

Те, кто изучал историю России, период Февральской революции 1917 года, знает, как трудно разобраться в перипетиях действий многочисленных партий, их программах, оттенках идеологий, многообразии общественных организаций, примыкающих к этим партиям. Еще труднее понять симпатии-антипатии и сомнения участников событий. Самое сложное при этом — избежать авторской субъективности: кажется аксиомой — убеждения автора неизбежно повлияют на трактовку и оценку действий героя. Учитывая умонастроения многих современных интеллигентов (в том числе вузовских преподавателей, историков), можно предположить, что автор книги об участнике революционных событий — меньшевике, оценивая его политическую позицию — или станет подчеркивать его заблуждения, неустойчивость взглядов, тем самым невольно (а может, и сознательно) противопоставляя «неправильной» позиции героя собственную твердость и верность большевистским, коммунистиче-

ским идеалам; или, демонстрируя свой «демократизм», готовность «учитывать новые подходы», — неумеренно хвалить, льстить герою. В. С. Волков и до и после перестройки был и остается человеком коммунистических убеждений и абсолютной научной честности и объективности.

А. П. Пинкевич в 1917 году — меньшевик-интернационалист, осуждающий (вместе с коллегами по «Новой жизни») захват власти большевиками, не разделяющий позицию большевиков по отношению к Временному правительству. Выводы и оценки исследователя в отношении А. П. Пинкевича основаны на анализе многочисленных документов съездов, заседаний общественных комиссий и комитетов, на прямых публицистических высказываниях героя повествования. В. С. Волков бесстрастно констатирует факты, цитирует документы, очень точно, объективно делает выводы. И это убеждает больше всего. Например: «В Государственном комитете по народному образованию А. П. Пинкевич проявил себя как энергичный организатор, умевший опереться на силу общественного мнения. Его подход к разработке проектов реорганизации сферы просвещения свидетельствовал, что он способен мыслить государственными категориями, видеть проблемы народного образования в масштабах всей страны. Что же касается его вклада в осуществление “новожизненной” тактики давления на Временное правительство, то “война” Государственного комитета по народному образованию против министра А. А. Мануйлова — один из немногих примеров ее эффективности» (С. 192).

Характеризуя активную работу А. П. Пинкевича в созданной по инициативе А. М. Горького Лиге социального воспитания и Свободной ассоциации для развития и распространения положительных наук, автор монографии отмечает, что «члены Лиги социального воспитания стремились подвести передовые идеи под предстоящую реформу системы образования, и многие из этих идей в дальнейшем получили развитие в педагогических трудах А. П. Пинкевича» (С. 195). Так же положительно оценивает В. С. Волков и деятельность Свободной ассоциации для развития и распространения положительных наук, «к организации которой были причастны академики П. А. Белопольский, И. П. Бородин, В. И. Вернадский, И. П. Павлов, В. Н. Палладин,

В. А. Стеклов и другие видные профессора, и в задачи которой входило содействие развитию науки, внедрение результатов исследований в производство, распространение научных знаний в широких массах...» (Там же). Обобщая, автор книги делает вывод: «Характерными чертами Альберта Петровича как политического и общественного деятеля были приверженность принципам демократизма, способность соотнести свои действия с общественным мнением...» (С. 196). Конечно, для А. П. Пинкевича было трудно совмещать в 1917 году роли члена государственной машины Временного правительства (он был избран гласным городской думы Петрограда) и активиста фракции меньшевиков-интернационалистов, работавших в Советах. Кроме того, сказывалось и влияние авторитета А. М. Горького (с ним до определенного времени Пинкевича связывали дружеские отношения), который резко отрицательно относился к возможности построения социализма в отсталой стране и считал необходимым удерживать страну в рамках глубоких демократических преобразований. В то же время автор монографии утверждает, что в 1917 году А. П. Пинкевич — приверженец честной политики, и приводит многочисленные доказательства. Одно из них: как член управы городской думы Петрограда он выступил на заседании, где обсуждался декрет СНК о роспуске этой думы и назначении новых выборов. Большинство думцев были не согласны с решением СНК, считая его и саму советскую власть «незаконной и антиобщественной». «Газета “Новая жизнь” следующим образом передавала содержание его (Пинкевича. — В. М., С. С.) речи: “...Не разделяя, как и предыдущие ораторы, законности шага о роспуске, исходящего из Смольного, гласный Пинкевич вместе с тем считает, что нельзя не считаться все же с тем фактом, что выборы в Учредительное собрание показали несколько иное соотношение сил, чем оно было на муниципальных выборах. Этого дума, как избранница населения, не может не учесть и не должна уклоняться от проверки своих полномочий, поскольку этой проверки пожелало бы, конечно, само население”» (С. 206). «Таким образом, — делает вывод В. С. Волков, — в критический момент российской истории Альберт Петрович Пинкевич проявил себя как мужественный политический борец, верный своим нравственным принципам. Его резкое осуждение вооруженного восстания и за-

хвата власти большевиками не оставляло, казалось, никаких шансов для компромисса с ними» (С. 207). Этим «казалось» автор повествования как бы предупреждает заинтересованного читателя о том, что компромисс будет.

Прямо признаваясь в сочувствии своему герою, как и всем людям, вовлеченным в бурные революционные события, автор объясняет состояние души А. П. Пинкевича в этот период: «Но интеллигенция, плоть от плоти которой был Альберт Петрович, все-таки хотела осознанно определять свое место в меняющейся политической ситуации, поэтому постоянно находилась в состоянии выбора приемлемого для себя решения» (С. 208). Тщательно анализируя публицистические выступления А. П. Пинкевича, посвященные критике большевиков за нарушение принципов демократии, и его практическую политическую деятельность, автор исследования уточняет позицию героя — для него было очевидно, что интеллигенция должна быть с народом в решении задач хозяйственного и культурного развития, но не под контролем Советской власти.

Факты бурной политической жизни и собственные глубокие размышления в конце концов приводят А. П. Пинкевича к необходимости сделать выбор. Автор книги сразу отмечает это: «Возможно, весной 1918 года он начинает склоняться к мысли, что образованным людям следует переступить предубеждения против новой власти, пойти на сотрудничество с нею, чтобы уменьшить число ее ошибок, являющихся следствием нехватки у нее образованных специалистов» (С. 224). Тогда же ему представилась возможность, не отказываясь от своих убеждений, найти форму сотрудничества с Советской властью — войти в состав Совета экспертов при Наркомпросе Союза коммун Северной области. Здесь А. П. Пинкевич развернул активную организаторскую работу: возглавил естественно-географическую секцию, участвовал в разработке проектов реформ и новых школьных программ. Здесь же вновь всплыла идея создания педагогического института нового типа. Наркомпрос эту идею поддержал, был создан оргкомитет, председателем которого стал А. П. Пинкевич. В ноябре 1918 года институт начал свою работу, а Альберт Петрович был назначен его ректором. Таким образом совершился нелегкий переход А. П. Пинкевича — интеллигента, меньшеви-

ка — к политическому сближению и профессиональному сотрудничеству с Советской властью.

Для служения просвещению народа у А. П. Пинкевича был и запас опыта, и новые идеи, которые могли быть реализованы в условиях советского строя. А. П. Пинкевич становится в ряды деятелей советского народного образования. Карьерный рост его был стремительным, как и само время. Рассказывая об этом периоде жизни своего героя, В. С. Волков постоянно акцентирует внимание на его масштабности и разносторонности, огромной трудоспособности и творческом характере научно-теоретической деятельности в педагогике: 5 лет работы в качестве ректора и профессора Третьего педагогического института в Петрограде, командировка в Екатеринбург, создание там Уральского университета и назначение его ректором, переезд в Москву, работа в Наркомпросе, а затем во Втором Московском государственном университете, кроме того — журналистская и общественная деятельность... Особенно тщательно и подробно, то есть доказательно, автор монографии показывает, как, при каких обстоятельствах происходят важные перемены в политическом статусе А. П. Пинкевича.

В 1922—1923 годах в стране разворачивается шумная политическая кампания с целью побудить бывших меньшевиков публично отказаться от своих прежних убеждений и в определенных случаях — привлечь их в РКП (б). Не избежал давления и А. П. Пинкевич. В результате осенью 1923 года он направил в редакцию «Правды» письмо, в котором отрекся от меньшевистских взглядов и, как утверждала редакция газеты, «окончательно перешел в коммунистический лагерь» (С. 426). А. П. Пинкевич был принят в члены правящей партии по решению ЦК РКП (б) без прохождения кандидатского стажа. Партийные функционеры учли и его плодотворную работу в сфере образования, и политическую услугу, которую он оказал РКП (б), публично отмежевавшись от меньшевизма.

Нельзя не отметить, что повествуя об этих болезненных, роковых событиях в судьбе своего героя, В. С. Волков остается верен тем принципам и методам, о которых заявил в начале книги. Все повороты событий, изменения ситуаций и поведения героя он стремится подтвердить документами.

Интересен в этом плане эпизод, связанный с отношениями А. П. Пинкевича и Б. Е. Райкова. В 1918 году в журнале «Естествознание в школе» была опубликована критическая рецензия на учебник П. А. Пинкевича «Методика начального курса естествоведения (природоведения)». В. С. Волков детально анализирует содержание рецензии, отмечает, что в ней было много критических и даже обидных для автора учебника замечаний, и высказывает собственное мнение — претензии рецензента (а А. П. Пинкевич знал, что автором критики был Б. Е. Райков) были во многом справедливыми. Казалось бы, эпизод закончен. Но В. С. Волков хочет показать, как в ситуации с критической рецензией на его учебник проявились человеческие качества А. П. Пинкевича, как повлияла рецензия на его отношения с журналом «Естествознание в школе», как складывались в дальнейшем отношения с Райковым. И автор монографии приводит факты, которые подтверждают, что «учебник, показавшийся неудачным, и критическая рецензия на него в журнале “Естествознание в школе” не стали препятствием к взаимному уважению двух методистов и очень разных людей. Интересы науки и школы были для них превыше всего» (С. 239). Вот здесь можно было бы с уверенностью сказать, что эпизод исчерпан.

Но объективность, достигаемая тщательным исследованием источников, размышлением, казалось бы, над незначительными фактами, упоминаниями, сопоставление событий и реакций на них людей, окружавших А. П. Пинкевича, приводит автора монографии к продолжению сюжета. И хотя речь идет о событиях трагических, нельзя, на наш взгляд, не отметить удачное построение изложения, когда автор повествования использует возможность показать личные качества А. П. Пинкевича в разное время и в разных ситуациях, связанных тем не менее одним сюжетом. Такая композиция создает интригу, которая позволяет внимательно следить за существенными изменениями в судьбе и характере героя повествования.

Автор монографии находит неизвестную ранее рукопись воспоминаний Б. Е. Райкова 1950-х годов, в которых содержатся негативные отзывы о деятельности А. П. Пинкевича в Наркомпросе. Воспоминания писались в состоянии «большой обиды», поскольку Пинкевич оказался причастным к обвинениям Райкова

в антисоветской деятельности. В 1920-е годы Б. Е. Райков — крупный специалист в области методики преподавания естествознания — резко выступил против комплексного преподавания в школе и «активных методов преподавания» (бригадно-лабораторного и др.), насаждавшихся Наркомпросом. В 1928 году на заседании Государственного ученого совета (ГУС) от Б. Е. Райкова потребовали осуждения собственных взглядов, чего он, однако, не сделал. После заседания Пинкевич и группа чиновников Наркомпроса предложили Райкову «комбинацию»: его включают в ГУС, а он откажется от руководящих должностей, от редактирования журналов и опубликует в печати «декларацию» с осуждением своих взглядов и признанием правильности линии ГУСа. Б. Е. Райков ответа на ультиматум не дал, но критику ГУСа прекратил. Однако это не спасло его от репрессий: летом 1930 года он был арестован по обвинению «в намеренном срыве педагогических мероприятий Наркомпроса в области строительства школы» и осужден на 10 лет заключения в лагере.

Сообщив эти ранее не известные факты, автор книги сначала задается вопросом — не были ли действия Пинкевича в 1927—1930 годах отложенной мстостью за жесткую критику его учебника Б. Е. Райковым в 1918 году? И опираясь на факты биографии героя, приходит к выводу, что «документальные источники и воспоминания о Пинкевиче не дают повода приписывать ему завистливость, злопамятность, мстительность. Напротив, они свидетельствуют об обратном, в то время как объективности от Райкова трудно было ожидать (и осуждать его за это не следует)» (С. 242). Однако и у исследователя, и у читателей оставался острый вопрос: как быть с позицией и поведением А. П. Пинкевича в этой ситуации? В. С. Волков отвечает на него честно, не пытаясь оправдать своего героя: «Несомненно, в споре с Наркомпросом прав был Райков, а поведение Пинкевича, мягко говоря, некрасиво. Но это поведение не того Пинкевича, который в начале 1918 года читал критическую рецензию Райкова на свой учебник и тем не менее пригласил его заведовать кафедрой в педагогический институт, сотрудничал с ним в издательстве “Всемирная литература”, а другого Пинкевича — того, кто был деформирован как личность во второй половине 1920-х годов партийно-государственной системой, в которую он, возможно, незаметно для себя, врос» (С. 243).

Автор книги о А. П. Пинкевиче — профессор, отдавший более сорока лет преподаванию отечественной истории, различных интеллигентоведческих курсов студентам РГПУ им. А. И. Герцена, много лет преподававший в Институте повышения квалификации преподавателей общественных наук при ЛГУ. Поэтому естественно его внимание не только к научной стороне педагогической деятельности А. П. Пинкевича, но и к его практической работе в качестве ректора, руководителя коллектива, хозяйственника, преподавателя, наставника студенчества первых лет Советской власти. «Читатель, обучавшийся в университете, тем более работающий в вузе, — приглашает к сотрудничеству автор, — имеет представление о круге обязанностей и содержании работы ректора. Для совсем молодого читателя о них нужно рассказать, и мы хотя бы кратко это сделаем. Но и те и другие должны сделать поправку на время» (С. 257). Чувствуется, с каким увлечением (радостью исследователя и практического вузовского работника) анализирует В. С. Волков протоколы заседаний Совета института, методические разработки и учебные программы ректора педагогического института им. А. И. Герцена. Вероятно, у кого-то может появиться мысль, что такие подробности излишни. Но если представить повествование без этих живых, иногда мрачных, иногда забавных деталей, то можно понять, как много теряется, как нарушается без них полнота изображения жизни конкретного человека и целой страны.

Вывод один — ничего лишнего, на наш взгляд, в этой книге нет. Возвращаясь к ее началу, перелистывая заново и оценивая в целом, мы невольно вспоминаем известное изречение: «Слова Павла о Петре говорят больше о Павле, чем о Петре». Действительно, содержание и характер повествования о судьбе создателя Герценовского университета, российского интеллигента начала XX века, говорят самому придирчивому читателю о том, что автор этого повествования — интеллигент в лучшем смысле этого слова, работающий в Герценовском университете, живущий в XXI веке.

Большой, серьезный труд Валерия Степановича Волкова удачно дополняют оформление обложки и фотоматериалы, иллюстрирующие родственные связи и общественную деятельность Альберта Петровича Пинкевича.

Думается, новая работа В. С. Волкова найдет своих благодарных читателей. Ее с вниманием и пользой для себя прочитают и студенты, и исследователи истории интеллигенции, высшей школы, педагогики, культуры и литературы советского периода, все, кому интересна политическая история нашей страны.

Поздравляя автора с завершением большого труда, мы ждем встречи с новым героем серии «Герценовский университет. Золотые имена».

PS: Пользуясь случаем, поздравляем Валерия Степановича Волкова — коллегу, товарища и друга редакции журнала «Интеллигенция и мир» — с юбилеем! Желаем ему доброго здоровья, семейного благополучия, новых интересных творческих работ!

АННОТАЦИИ

Осьмачко С. Г. Интеллигенция и патриотизм

Ключевые понятия: Интеллигенция, патриотизм, патриотический идеал, государственно-патриотическое воспитание, враждебное окружение, патриотический консенсус власти и народа, патриотический этикет.

В статье проанализированы различные аспекты дефинирования понятия «патриотизм», рассмотрена структура патриотического сознания, показана роль интеллигенции в формировании государственно-патриотической парадигмы. Автор сделал вывод о позитивном патриотическом векторе общественного сознания как важнейшем факторе обновленческих процессов.

Смирнов Д. Г. Интеллигенция: семиологическая функция (К постановке проблемы)

Ключевые понятия: семиотика, русская и российская интеллигенция, Универсумная семиотика, пансемиотизм, семиологическая и семиотическая функции человечества.

Представлен новый оригинальный взгляд на интеллигенцию в контексте семиологии, основанный на методологических подходах Ю. М. Лотмана. Автор разрабатывает проблему семиологической функции интеллигенции, ее общественного призвания и интеллектуальной деятельности.

Репников А. В. Русский консерватизм и современное мифотворчество: историографический аспект проблемы

Ключевые понятия: консервативная идеология, историография русского консерватизма, энциклопедия, тенденциозность, апологетика консерватизма.

Автор рассматривает проблемы исследования наследия русского консерватизма XIX—XX вв. в современной России. В статье обращается внимание на многочисленные случаи тенденциозной и неадекватной интерпретации отечественной консервативной общественной мысли ис-

следователями и публикаторами нашего времени. Такого рода непрофессионализм или намеренные фальсификации, подчеркивает автор, не имеют никакого оправдания.

Квакин А. В. Русская интеллигенция и советская повседневность пореволюционной России (1917—1927 гг.)

Ключевые понятия: повседневная жизнь, механистическая модернизация, традиционные ценности российской цивилизации, идеология, уровень жизни.

Предпринята попытка анализа повседневной жизни населения советской России в первое послереволюционное десятилетие, рассматриваются вопросы государственной политики в сфере быта, новые формы организации труда.

Смирнов Г. С. Новая молодая российская интеллигенция: философские проблемы ноосферной экологии, антропологии и персонологии в XXI веке

Ключевые понятия: ноосферное человеческое качество, личностная ноосферная динамика, ноосферная экология, молодая российская интеллигенция.

Анализируются особенности формирования на базе исторической преемственности русской и советской интеллигенции новой духовной формации современной России — молодой российской интеллигенции. Показано, что для складывания такого уникального феномена необходимы усилия по созданию естественной (природной) и искусственной (культурной) среды обитания, а также формирование модели ноосферного образования, отвечающего вековым традициям развития России.

Базелика Дж. Александр Амфитеатров в Италии

Ключевые понятия: итало-российские культурные связи, русская эмиграция, итальянская и европейская журналистика, публицистика, литературная критика.

Представленная статья – информационно насыщенная и творчески интересная работа. В исследовании изучается жизнь и деятельность русского писателя, переводчика и литературного критика — вплоть до его кончины в феврале 1938 года. Дж. Базелика подчеркивает выдающуюся роль А. В. Амфитеатрова в развитии русско-итальянских контактов.

Ершова Э. Б. Роль литературы конца 60-х — начала 70-х гг. XX в. в формировании оппозиционности в настроениях советской интеллигенции

Ключевые понятия: общественно-политическая обстановка, русская и советская литература, шестидесятники, оппозиционность интеллигенции, критицизм интеллигенции.

Статья посвящена социокультурной ситуации в СССР указанного периода. Исследуется роль романа Б. Пастернака «Доктор Живаго» в духовной жизни общества.

Комиссаров В. В. От «желающих странного» до «выродков»: трансформация образа интеллигенции в творчестве А. Н. и Б. Н. Стругацких

Ключевые понятия: советская научно-фантастическая литература, образ интеллигенции, общественная роль интеллигенции, социальные качества интеллигенции.

Рассматривается трактовка интеллигенции в фантастических произведениях А. Н. и Б. Н. Стругацких, ее изменение с течением времени, анализируются общественно-политические факторы, обусловившие данную трансформацию.

Жизнь духа неукротима и неумолчна... (Интервью **В. П. Ракова** с д-ром **А. А. Хёхерлем**)

Ключевые понятия: российско-германские научные связи, русская культура, немецкая славистика, языкознание и литературоведение, интеллигенция.

Поднимаются важные и актуальные проблемы германской славистики и русистики, обсуждается изучение вопросов русской культуры и философии в Германии, развитие и дальнейшие перспективы немецкой университетской науки. Представлена точка зрения на понятия «интеллигент» и «интеллектуал».

Усманов С. М., Данилов А. А. Конференция о русскости и российскости

Ключевые понятия: русскость и российскость, межэтническая интеграция, постсоветское пространство, глобальные вызовы.

Освещается научная конференция «Проблемы формирования общероссийской идентичности: Русскость и российскость» (Иваново —

Плес, 15—16 мая 2008 г.). Дается краткий обзор наиболее значимых докладов и выступлений, анализируются обсуждаемые проблемы.

Меметов В. С., Садина С. С. Интеллигенты-герценовцы – мост через столетие

Ключевые понятия: интеллигент, педагог-организатор, жанр «историческая реконструкция».

Представлена рецензия на монографию известного российского ученого В. С. Волкова «Первый ректор Третьего педагогического института в Петрограде. Страницы жизни А. П. Пинкевича», в которой на примере жизни одного из организаторов Герценовского университета раскрывается сложная судьба интеллигенции советской эпохи.

SUMMARIES

Osmachko S. G. Intelligentsia and patriotism

Key terms: intelligentsia, patriotism, patriotic ideal, state patriotic education, hostile environment, patriotic consensus between authorities and citizens, patriotic etiquette.

The article analyzes various aspects of the definition the term “patriotism”, considers the structure of the patriotic consciousness, describes the role of intelligentsia in the forming of a state patriotic paradigm. The author comes to the conclusion about the positive patriotic direction of the public mind as the key factor of the process of renovation.

Smirnov D. G. Intelligentsia: semiological function (Towards the statement of the question)

Key terms: semiotics, national and state Russian intelligentsia, universal semiotics, pansemiotism, semiological and semiotic functions of humanity.

The article represents the new original view of intelligentsia in the context of semiology, based on the methodological approaches of J. M. Lotman. The author works out the issue of the semiological function of intelligentsia, its social mission and intellectual activity.

Repnikov A. V. Russian conservatism and the modern myth-creation: the historiographic aspect of the problem

Key terms: ideology of conservatism, historiography of Russian conservatism, encyclopedia, tendentiousness, apologetics of conservatism.

The author considers the problems of the Russian conservatism heritage of 19-20 centuries research in modern Russia. The article pays attention to the numerous cases of biased and inadequate interpretation of Russian conservative public opinion by modern researchers and publishers. On the author’s opinion, such lack of professionalism and intentional falsifications has no excuse.

Kvakin A. V. Russian intelligentsia and Soviet everyday life in the post-revolutionary Russia (1917—1927)

Key notes: everyday life, mechanical modernization, traditional values of Russian civilization, ideology, standard of living.

The article undertakes the attempt to analyze the everyday life of the population of Soviet Russia in the first post-revolutionary decade, considers the issues of the state policy in the sphere of everyday life, new forms of labor management.

Smirnov G. S. The new young Russian intelligentsia: the philosophical aspects of the noospheric ecology, anthropology and personology of the 21st century

Key terms: noospheric human features, personal noospheric dynamics, noospheric ecology, young Russian intelligentsia.

The article analyses the peculiarities of the forming of young Russian intelligentsia on the base of historical succession of Russian and Soviet intelligentsia. It shows that the efforts for the creation of a natural and cultural environment, and the forming of the spiritual and noospheric education model, conforming to the centuries-old traditions of the development of Russia, are necessary for the formation of such a unique phenomenon.

Baselica G. Alexander Amphitheatrov in Italy

Key terms: Russian-Italian cultural connections, Russian emigrants, Italian and European journalism, political journalism, literary criticism.

The article is rich with information and creative. It researches the life and works of Russian writer, translator and literary critic till his death in the February of 1938. The author emphasizes the eminent role of A. V. Amphitheatrov in the development of Russian-Italian contacts.

Ershova E. B. The role of literature of the late 1960ies — early 1970ies in the forming of the opposition attitude in the soviet intelligentsia

Key terms: social and political environment, Russian and Soviet literature, “men of the sixties”, oppositional features of intelligentsia, criticism of intelligentsia.

The article is devoted to the social and cultural situation in the USSR in the mentioned period. It considers the role of B. Pasternak’s novel “Doctor Zhivago” in the spiritual life of the society.

Komissarov V. V. From “those wishing strange” to “monsters”: the transformation of the image of intelligentsia in the works of A. N. and B. N. Strugatskije

Key terms: Soviet science fiction literature, image of intelligentsia, public role of intelligentsia, social features of intelligentsia.

The article considers the interpretation of intelligentsia in the fantastic novels of A. N. and B. N. Strugatskije, its changes in the course of time, analyses the social and political factors conditioned these changes.

The life of the spirit is indomitable and unceasing... (Interview of **V. P. Rakov** with **A. A. Hoehler**)

Key terms: Russian-German scientific connections, Russian culture, German Slavic studies, linguistics and philology, intelligentsia.

The interview touches upon burning and important issues of German Slavic studies and studies of Russian language and literature, considers the study of Russian culture and philosophy in Germany, development and further perspectives of German university science. Respondent reveals his point of view about the terms “the representative of intelligentsia” and “intellectual”, reasons their social mission.

Usmanov S. M., Danilov A. A. The conference about the aspects of “being Russian” with the emphasis on the nation and on the state

Key terms: being Russian with the emphasis on the nation and on the state, interethnic integration, post-Soviet area, global challenges.

The authors report about the scientific conference “The problem of the Russian-wide identity forming: being Russian with the emphasis on the nation and on the state”, organized by the Centre of ethnic and nation researches together with the Laboratory of post-Soviet studies of Ivanovo State University and Ivanovo department of the Peoples of Russia Assembly, held on May 15—16th, 2008 in Ivanovo and Plyos.

Memetov V. S., Sadina S. S. Intellectuals — followers of Gertsen — the connection through the century

Key terms: intelligent, tutor, genre of the “historical reconstruction”.

The review of monography of the well-known Russian scientist V. S. Volkov “The first rector of the Third pedagogic institute in Petrograd. A. P. Pinkevitch episodes of life”, is represented. The monography reveals the difficult fate of the Soviet intelligentsia on the example of life of one of the Gertsen University organizers.

Информация для авторов

Редколлегия междисциплинарного журнала социально-гуманитарных наук «Интеллигенция и мир» приглашает к сотрудничеству как ведущих специалистов, так и начинающих исследователей, работающих в различных сферах гуманитарного знания. Журнал уже получил регистрацию в Комитете по печати РФ. Сейчас готовятся документы для его ваковской аккредитации. Мы будем рады видеть Ваши публикации на страницах журнала «Интеллигенция и мир».

Предполагается публиковать статьи по следующим *актуальным проблемам* современной науки:

➤ *Актуальные проблемы современного интеллигентоведения;*

➤ *Генезис, становление, развитие и деятельность интеллигенции;*

➤ *Роль интеллигенции в развитии государственности и культуры России и зарубежных стран;*

➤ *Интеллигенция и общество в современных условиях;*

➤ *Роль личности в мировой и отечественной культуре и истории;*

➤ *Международные отношения и личность;*

➤ *Роль религии в развитии мировой культуры;*

➤ *Учебно-методические проблемы преподавания интеллигентоведения и других дисциплин социально-гуманитарного цикла;*

➤ *Рецензии на научные издания и диссертации, хроника научной жизни;*

➤ *Из архивных фондов: публикация исторических источников.*

Редколлегия также рассмотрит и другие Ваши предложения.

Требования к оформлению статей

1. В журнал принимаются рукописи *в электронном виде* на дискете стандартного формата с приложением 2 экземпляров распечатки на белой бумаге (**обязательно**).

2. Максимальный размер статьи – 1,0 авт. л. (20 страниц машинописного текста через 1,5 интервала, 30 строк на странице формата А4, не более 65 знаков в строке или компьютерного набора, выполненного в редакторе *Microsoft Word XP* (или другой более ранней версии – формат: *.doc или *.rtf); шрифт Times New Roman, кегль 14 или Times New Roman Cyr, кегль 13 через полтора интервала), сообщения – 0,5 авт. л. (10 страниц).

3. Материал для журнала должен быть оформлен в следующей последовательности: инициалы, фамилия автора, название материала, текст статьи (сообщения).

4. Текст должен удовлетворять следующим требованиям: абзац – 1 см; отступы со всех сторон – 2 см; между инициалами и фамилиями, годом и сокращением «г.» ставится неразрывный пробел (клавиши: Ctrl + Shift + «пробел»); тире набирать при помощи клавиш: Ctrl + минус в дополнительном цифровом блоке.

5. Библиографические ссылки (**автоматические**) даются в конце статьи, нумерация ссылок сплошная. Библиографическое описание выполняется в соответствии с ГОСТом 7.1-84.

6. Фотографии, прилагаемые к статье, должны быть черно-белыми, контрастными, рисунки – четкими.

7. Материалы, представляемые к публикации в журнале, должны пройти научную экспертизу и сопровождаться положительной рецензией.

8. В конце представленных материалов следует указать полный почтовый адрес автора, его телефон, фамилию, имя, отчество полностью, место работы (**полное название учреждения и кафедры**). Материал должен быть подписан всеми авторами.

9. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

10. Редакция оставляет за собой право осуществлять литературную правку, корректирование и сокращение текстов статей.

*Единственное
в системе высшего образования
специализированное издание,
посвященное проблемам
изучения интеллигенции*

Представлены
основные направления
интеллигентоведения

Журнал адресован
научным сотрудникам,
преподавателям, студентам вузов

Основан в 2001 году.
Выходит ежеквартально

*Междисциплинарный журнал,
не имеющий аналогов в России*

Распространяется по подписке
и предварительным заявкам

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР

Уважаемые коллеги!

В издательстве Ивановского госуниверситета вышла в свет коллективная монография, подготовленная Межвузовским Центром гуманитарного образования по политологии, политической культуре и мировой политике:

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

В издании анализируются дискуссионные проблемы интеллигентоведения и теоретико-методологические аспекты феномена интеллигенции с древнейших времен по настоящее время. Коллектив авторов с позиций истории, философии, филологии, политологии и других наук рассматривает интеллигенцию в рамках комплексного междисциплинарного подхода. Данная книга адресована как научным работникам и преподавателям высшей школы, а также может быть интересной для студентов, аспирантов и всех, интересующихся проблемами интеллигенции.

Заявки на приобретение Вы можете высылать по адресу:

153025 г. Иваново, ул. Ермака, 39.
Ивановский госуниверситет,
кафедра истории и культуры России.
E-mail: vs_memetov@mail.ru.

Стоимость одного экземпляра составляет 150 руб. Книги будут Вам высланы наложенным платежом с учетом стоимости упаковки и пересылки.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР

**Российский междисциплинарный журнал
социально-гуманитарных наук**

2008 № 3

Подписано в печать 15.09.2008 г.

Формат 60 × 84¹/₁₆. Бумага писчая. Печать плоская.

Усл. печ. л. 8,6. Уч.-изд. л. 7,7. Тираж 500 экз.

Издательство «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39

☎ (4932) 93-43-41 E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

Типография ГОУ СПО «Ивановский энергетический колледж»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 41

☎ (4932) 37-52-44, 32-50-89 Адрес в Интернете www.tip1.ru